

Аргументы и факты

Юрий Поляков

РОССИЯ В ОТКАТЕ

Коллекция мировой литературы

Россия в откате

Юрий Михайлович Поляков

Аннотация
Юрий Михайлович Поляков. Россия в откате
НЕВОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК
ОТ ИМПЕРИИ ЛЖИ — К РЕСПУБЛИКЕ ВРАНЬЯ
«ГОТТЕНТОТСКАЯ МОРАЛЬ»
ПОЧЕМУ Я ВДРУГ ЗАТОСКОВАЛ ПО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ОППОЗИЦИЯ УМЕРЛА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОППОЗИЦИЯ!
РОССИЯ НАКАНУНЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО БУМА
ЗРЕЛИЩЕ
ПАРУСА НЕСВОБОДЫ
ГАЙКА — ОРУЖИЕ ДЕМОКРАТА
ГРЕШНО ПЛЕВАТЬ В ЧУДСКОЕ ОЗЕРО
НАШИ ГОСТОМЫСЛЫ
1. Кто такие гостомыслы?
2. Без порток, но в джинсах
3. Портрет Дориана Грея
4. Насчет клубнички
5. Последнее прибежище
ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД УРНОЙ. Двадцать один совет другу-избирателю

СЛОВОБЛУЖДАНИЕ
ДЕСОВЕСТИЗАЦИЯ
ГОМО
ПОСТСОВЕТИКУС
— ЧЕЛОВЕК НЕДОУМЕВАЮЩИЙ
ФАБРИКА ГРОЗ
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ — «ЭЙЗЕНХАУЭРОВСКАЯ».
Заметки о ратном сознании
СЛОВО — НЕ ПТЕРОДАКТИЛЬ. Вместо манифеста
ЗАБЫТЫЕ СОЮЗНИКИ
ТРИСТА ЛЕТ ВМЕСТЕ. Юбилейная инвектива
ЗАМЕТКИ НЕСОГЛАСНОГО
РОССИЯ В ОТКАТЕ
Дисциплинка хромает
Вышли мы все из бюджета
Что делать с теми, кто виноват?
Правительство или ликвидационный комитет?
Тепло ли тебе, девица?
...И хрюкает
ЯРМАРКА ТЩЕДУШИЯ
ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ОПТИМИЗМ
ЛАМПАСОФОБИЯ И ПОГОНОБОЯЗНЬ. Воспоминания и размышления рядового запаса
ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОРЬКОГО
ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ
Ураган «Иван Грозный»

Черные мифотворцы
Отчизнофобия за казенный счет
Что такое «Герострата»?
«Коллективное бессовестное»
ПИСАТЕЛИ И ПИПЫ
Бедным людям не до «Бедных людей»
Дурацкое чтенье — нехитрое
Пипизация страны
Пипл хавает ПИПов
Даешь дедебилизацию эфира!
ЗАЧЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?
Молчание кремлят
Разные думы об одном былом
Осведомительная муза
Советское не значит худшее
Грантократия
Узники «Букервальда»
Подполье за стеклом
Интерфекальность
Кривоногая Россия
Необязательность таланта
Соцзаказ на соцотказ
Так что же делать?
Зачем вы, мастера культуры?
ШОЛОХОВ И «ШЕЛУХОВЕДЫ». Опыт юбилейной апологетики

БИТВА ЗА ПАМЯТЬ
ПЕСНЕЙ — ПО ЖИЗНИ
Орало эпохи
Черный кот — враг народа
Рыбные олигархи
О чем поет Газманов
Песня как диагноз
Синдром да Винчи
Долой текстовщину!
ТРИ ВЕКА И ПЯТЬ ЛЕТ
НИЧЕГО ЛИЧНОГО, НО МОЛЧАТЬ НЕ МОГУ!
НЕ РАССТАТЬСЯ С КОМСОМОЛОМ!

Аннотация

В книгу вошли статьи известного писателя Юрий Полякова за последние полтора десятилетия. Они представлены именно в том виде, в каком увидели свет — с противоречивыми оценками, меняющимися симпатиями и неудачными прогнозами. И это делает сборник своеобразным дневником эпохи.

Юрий Михайлович Поляков
Россия в откате

НЕВОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

Почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со Временем при помощи, скажем, могучего романа, острой поэтической строки или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты? Могут. Да только процесс художественного творчества долог, противоречив и непредсказуем. Если проводить параллели с медициной, то он напоминает скорее поддерживающую терапию, а возможно, и гомеопатию. Но что делать, когда требуется молниеносное врачебное вмешательство — тот же прямой массаж сердца? Ведь в обществе случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный». В такие минуты хочется сказать политикам, народу, да и самому себе всё и сразу, пока не остыл, не забыл, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив…

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. 6 октября 1993 года

«Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», направленную против расстрела Белого дома. А так как все антиельцинские издания были к тому времени запрещены, то это оказался единственный в открытой прессе протест против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. В итоге «Комсомолку» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А когда в декабре того же года в той же газете было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотического бума», друзья и недруги решили, что я немного повредился в уме от политических треволнений. Ну в самом деле, в то время слово «патриотизм» стало почти бранным, а теледикторы, если и произносили его, то с непременной брезгливой ухмылкой на лице. Но прошло десятилетие — и вот уже Кремль принимает дорогостоящую программу поддержки патриотического воспитания. Вот оно как!

Когда я собрал и выстроил в хронологическом порядке свои статьи, написанные в течение полутора десятилетий, то осознал: получился своего рода невольный дневник эпохи, искренний, откровенный, насыщенный множеством подробностей, нюансов, через которые только

и можно понять исторический Промысел. Впрочем, искренность во все времена — роскошь, и ее могут позволить себе немногие. Именно поэтому редкий политик или вечнолояльный деятель культуры отваживается собрать в книгу свои статьи и представить на суд читателя именно в том виде, в каком они увидели свет пятнадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя общественная или профессиональная деятельность не была противоречива до глупости или изменчива до подлости.

Я не боюсь предстать перед читателем в развитии. Мои ошибки, заблуждения, обольщения происходят не от желания приспособиться к очередному зигзагу истории, а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий». В сущности, тот путь, который проделал молодой прозаик Поляков, сочинивший в начале 80-х «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы все изменились. Правда, одни это сделали, ища правду, другие — выискивая выгоду. С годами у меня, кстати, возникло ощущение, что честное заблуждение — самый короткий путь к истине. Готовя статьи к печати, я позволил себе лишь исправить фактические неточности и сократить

повторы. Остальное — и противоречивые оценки, и меняющиеся симпатии, и неудачные прогнозы — всё это сохранено в неприкосновенности. Впрочем, найдутся в собранных текстах некоторые мысли, мнения, пред-ощущения, преждевременностью которых я искренне горжусь.

И последнее. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить излишний социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлости эпохи. Это необходимо, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, но отбирать осмысленные зерна бытия. Он обязан попытаться понять всех. Ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого морального человека — свои помрачения сердца…

Но об этом — в моих романах, повестях и пьесах…

Юрий Поляков, Переделкино,
10 декабря 2008 г.

ОТ ИМПЕРИИ ЛЖИ — К РЕСПУБЛИКЕ ВРАНЬЯ

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку: мол, не учи других жить, а помоги сам себе материально! Выходит, раньше, когда мы влачили существование, у нас оставалось достаточно сил и времени, чтобы поразмышлять о пороках общества. Сегодня, когда за существование приходится бороться, на это нет ни сил, ни времени. И все же…

Если без ностальгических прикрас, то давайте сознаемся: до перестройки и гласности наше Отечество было империей лжи. Сразу оговорюсь: это совершенно не значит, будто все остальные страны были эдакими «правда-легендами», но это пусть пишут их журналисты и литераторы. Итак, мы были империей лжи, но заметьте: это была ложь во спасение… Во спасение сомнительного эксперимента, предпринятого прадедушками многих нынешних демократов и бизнесменов, во спасение «всесильной Марксовой теории»,

оказавшейся неспособной накормить народ, во спасение той коммунальной времянки, которую наскоро сколотили на развалинах исторической России. Нужно или не нужно было спасать — вопрос сложный и запутанный. Полагаю, сидящий в президиуме научного симпозиума и сидящий в приднестровском окопе ответят на него по-разному…

Впрочем, все еще хорошо помнят двойную мораль минувшей эпохи: пафос трибун и хохот курилок, потрясающее несовпадение слова, мысли и дела. Однако это была норма жизни, и сегодня корить какого-нибудь нынешнего лидера за то, что он говорил или даже писал до перестройки, равносильно тому, как если б, женившись на разведенной даме, вы стали бы укорять ее за былые интимные отношения.

Задайтесь вопросом: с какой целью лгали с трибуны, с газетной полосы, с экрана директор завода, ученый, журналист, партийный функционер, писатель, офицер, рабочий или колхозница? Ради выгоды? Но какая тут выгода, если почти все вокруг делали то же самое! В массовом забеге важна не победа, а участие. Да и сама ложь эта скорее напоминала заклинания. Нет, я не имею в виду откровения приспособленцев, которые

прежде с гаденькой усмешечкой интересовались: «А вы, случайно, не против партии?» — а сегодня с такой же усмешечкой спрашивают: «А вы, случайно, не против реформ?»

«Но ведь были же еще диссиденты!» Были. Их роль в судьбе России на протяжении нескольких столетий — один из сложнейших вопросов отечественной истории. Трудно ведь давать однозначные оценки, когда историческая личность одной ногой стоит на бронемашине, а другой — на опломбированном вагоне. Поэтому надо бы отказаться от восторженного придыхания, навязанного нам сначала авторами серии «Пламенные революционеры», а потом серии «Пламенные диссиденты», и предоставить делать выводы и переименовывать улицы нашим детям. А поспешность приводит обычно к тому, что, например, в Москве исчезла улица Чкалова, но зато осталась станция метро «Войковская», названная так в честь одного из организаторов убийства царской семьи.

Нет, я не против реформ и не горюю о рухнувшей империи *лжи*, я просто констатирую факт, что на ее развалинах возникло не царство правды, а обыкновенная республика вранья. Если огрубить ситуацию и выделить тенденцию, то

люди решительно прекратили лгать ради «государственных устоев», взапуски начав врать в корыстных интересах, ради преуспевания клана, команды, политической партии, родного этноса… Собственно, ложь стала первой и пока единственной по-настоящему успешно приватизированной государственной собственностью…

Сегодня уже вдосталь осмеяно поколение людей, менявших свои убеждения согласно очередной передовой статье. В самом деле, эта готовность искренне разделить с государством его очередное заблуждение у кого-то вызывает презрительное недоумение, у кого-то горькое сочувствие, а у кого-то даже мазохистскую гордость. Но ирония истории заключается в том, что люди, осмеивающие тех, кто поверил, будто «уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме», сами поверили, что уже нынешнее поколение будет жить при капитализме. Как сказал поэт: «Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад!»

Стоит ли удивляться, как почти все наши более или менее крупные политики меняют убеждения в зависимости от «погоды». На первый взгляд вообще может показаться, что нас с вами держат за слабоумных. Но на самом-то деле все гораздо

тоньше: тотальная опека коммунистической власти привела общественное сознание к инфантилизму, привычке все принимать на веру. А зачем, на самом деле, было анализировать и сравнивать, если от тебя все равно ничего не зависело? Но теперь-то зависит, и многое, а инерция доверчивости осталась. Ею-то очень умело пользуются сегодняшние не совсем честные и совсем нечестные политики. Но иногда они явно перебирают, путая инфантилизм с идиотизмом. Так, например, можно ли себе вообразить, чтобы большевики в пылу борьбы за власть вдруг заявили, что в окружении государя императора затаились монархисты? Нонсенс! Но мы с вами постоянно слышим заявления о том, что в окружении президента полным-полно бывших партократов…

Однако самые яркие образцы индивидуально-утилитарного вранья, пришедшего на смену государственной лжи, мы имеем на телевидении, которое из коммунистического превратилось в демократическое, но, увы, не в смысле долгожданной объективности, а в узкопартийном (опять!) смысле. Честное слово, даже не знаю, что хуже: камнелицый, говорящий без запинки диктор застойного времени или нынешний комментатор,

вечно путающийся, но при этом гражданственно морщащий лоб, интимно подмигивающий или инфернально ухмыляющийся?! Но у первого по крайней мере не было выбора: ты говорящий солдат партии и будешь лгать, что прикажут. А новое поколение, такое самостоятельно мыслящее, такое раскованное, даже «Москву — Петушки» промеж правительственных сообщений цитирующее, что же оно? А оно вчера ликовало по поводу шахтеров, бастующих в поддержку демократии, а сегодня так же искренне сокрушается на предмет неразумных авиадиспетчеров, мучающих народ своими нелепыми стачками…

Поймите меня верно: я не наивный романтик и хорошо сознаю, что есть законы политической борьбы, тактика и стратегия, даже разные хитрости… Но уж если мы открестились от большевиков, главным принципом которых была политическая выгода любой ценой и вопреки всяким моральным нормам, то стоит ли в нынешней борьбе за власть пользоваться их «старым, но грозным оружием»? Оно ведь обоюдоострое!

Мне становится очень неуютно, когда я вижу, как пресловутое черно-белое мышление, еще недавно активно использовавшееся в смертельной схватке с мировым империализмом, сегодня

просто-напросто переносится во внутриполитическую жизнь. Кстати, не потому ли так легко нашли свое место в новом раскладе именно журналисты-международники? Все ведь, как и раньше, очень просто: правительство поддерживается цветом нации, оппозиция — красно-коричневыми люмпенами. А вот, кстати, и жуткая ущербная рожа, выхваченная камерой из толпы. И эти недочеловеки еще смеют бороться за власть?! Но, во-первых, неадекватных граждан достаточно на любом массовом мероприятии, только проправительственных шизоидов телевизор нам по возможности не показывает. А во-вторых, за что же тогда должна бороться оппозиция — за право делать педикюр членам правящей команды?

Только, ради бога, не надо мне про конструктивную оппозицию! Конструктивная оппозиция — это когда инструктор райкома, сочиняя выступление ударнику труда, вставляет туда парочку критических замечаний, согласованных с обкомом.

Ну а если с высот большой политики спуститься, скажем, в мелкий и средний бизнес, то мы увидим, как эта «тактическая непорядочность» политиков трансформируется в откровенное жульничество в наших свежезеленых рыночных

кущах. Я, конечно, читал и знаю, что период первоначального накопления всегда связан с криминальными явлениями, поэтому большое спасибо, если предприниматель придет приватизировать фабрику с мешком ваучеров, а не с мешком скальпов! Да и почему, собственно, деловой человек не должен по дешевке гнать за границу нашу медь, если главная власть этой самой заграницe в рот смотрит и давно уже превратила Страну Советов в страну советов Международного валютного фонда? А почему бы мелкому чиновнику за определенное вознаграждение не закрыть глаза на сдаваемый за границу целый полуостров Крым — и хоть бы что!

Человек, сегодня толкующий об упадке общественных нравов, в лучшем случае может вызвать снисходительную усмешку… Но ведь без нравственных устоев, без отказа как от государственной *лжи*, так и от индивидуально-утилитарного вранья ничего путного у нас не получится. Вместо рынка и процветания слепим грязную барахолку, в центре которой будет стоять игорный дом с теми же черными «персоналками» у подъезда и большим лозунгом на фронтоне: «Верным курсом идете, господа!»

«Комсомольская правда», 1992

«ГОТТЕНТОТСКАЯ МОРАЛЬ»

Перед вами — новенький «мерседес». Будучи плюралистически мыслящей личностью, вы можете оценить это чудо западного автомобилестроения по-разному. Например — в долларах. Или — в лошадиных силах. Или — в количестве нервной энергии, потраченной деловым человеком, чтобы заработать эту валюту. Не исключена оценка в тоннах — в том смысле, сколько понадобилось сплавить за рубеж цветных металлов, дабы мечта о «мерседесе» материализовалась. Наконец, можно оценивать и по количеству пенсионеров, роющихся в помойках вследствие «преобразований», которые позволили предприимчивому человеку сменить одну иномарку на другую.

Что ж, о «цветущей сложности» жизни писал еще классик. Но если из всего многообразия точек зрения вы облюбовываете и абсолютизируете только одну и только потому, что она вам выгодна, то знайте: такое отношение к миру и живущим рядом называется «готтентотской моралью». Это — этическая система, точнее,

антисистема, обладающая колоссальной разрушительной силой, хотя происхождение самого термина — «готтентотская мораль» — даже забавно.

Однажды миссионер спросил готтентота: «Что такое зло?» — «Это когда сосед украл у меня барана», — ответил тот. «Ну хорошо, а что же такое добро?» — «Это когда я украл у соседа барана...» Несмотря на первобытную незатейливость этого миропонимания, а может быть, именно благодаря ей, «готтентотская мораль» все шире овладевает нашим обществом, все глубже проникает в него.

Возьмем, к примеру, самое страшное из всего, что происходит сейчас на нашей земле, — межнациональные войны и конфликты. Если вы попытаетесь уловить логику в предъявлении территориальных претензий, то просто голова закружится. В ход идет все: и затерявшаяся в веках история вхождения того или иного народа в Российскую империю, и нелепые административные границы, нагроможденные неуспешными гимназистами, с горя пошедшими в революцию, и пакт Молотова — Риббентропа, толкуемый как кому вздумается, и хрущевские щедроты, и автографы, которые в пылу борьбы за власть раз-

давали уже ныне действующие руководители… Впрочем, логика все же есть — «готтентотская».

С особой грустью смотрю я на экран телевизора. Ведь как нам грезилось: лишь падет большевистская цензура — получим мы объективную информацию о времени и о себе. Увы, ленинский принцип партийности (разновидность «готтентотской морали») продолжает торжествовать на ТВ, правда, с обратным политическим знаком. Ну в самом деле, почему я должен узнавать последние новости в версии искромечущего Гурнова или трепетного Фларковского? Я просто-напросто хочу получать информацию, изложенную по возможности телегеничным и обладающим четкой артикуляцией диктором. А выводы я могу сделать сам.

Не знаю, как другим, но мне кажется подозрительным, когда про необходимость референдума о земле на телеэкране говорят, поют и даже пляшут, а противоположная точка зрения дается впроброс, да еще со словами комментатора, точно извиняющегося за «дауна», испортившего гостям ужин. Лично я за реформы и за демократическую Россию в широком смысле этого словосочетания. Но я не понимаю, что такое «враги реформ». Враги народа, что ли? Лично я сторонник рыночной

экономики. Но меня берет оторопь, когда симпатичная дикторша вдруг злющим-презлющим голосом начинает говорить о «красно-коричневых люмпенах». Допустим, эти люди не хотят расставаться со своими коммунистическими убеждениями так же быстро, как расстались с ними многие из тех, кто вбивал всем нам в головы эти убеждения, в частности телевизионщики. А может быть, они вообще не хотят расставаться со своими убеждениями? Это — их право. История рассудит. Не будем забывать, что подобное уже было: красные профессора убедительно доказывали, а красные корреспонденты убедительно показывали неспособность крестьянина своим умом понять всю жуткую выгоду колхозов. «Готтентотская мораль» в мире информации — страшное дело!

Другой разговор — авторские программы. Если меня утомит пронзительный взгляд А. Политковского, словно бы подозревающего каждого своего собеседника в тяжком уголовном прошлом, я не стану смотреть «Политбюро», а буду оставаться с «Красным квадратом». Когда же я пресыщусь геополитическим конферансом А. Любимова, то переключусь на «Тему», где и без В. Листьева много достойных и умных людей. Но и в автор-

ских программах хотелось бы более широкого спектра мнений. Например, по-моему, очевиден недостаток передач, сориентированных на формирование патриотических чувств. Нет, не советского патриотизма и не национал-патриотизма, а просто патриотических чувств. Ведь сегодня мы переживаем взрыв национального самосознания, некогда затоптанного силовым интернационализмом. Если этот взрыв оформится в цивилизованное патриотическое сознание — мы обретем колоссальный источник творческой энергии для возрождения Отечества, да и для умиротворения конфликтов. Патриот с патриотом договорится. Националист с националистом — никогда.

Поэтому, когда я вижу на экране эдаких саркастических небожителей, рассуждающих об «этой стране», точно речь идет не об их Родине, а о неведомой территории, заселенной недоумками, мне хочется им по-спикеровски сказать: «Эх, ребята, что-то вы все-таки недопонимаете, несмотря на ваши умные усмешки и тщательную английскую интонацию. (Кстати, хотел бы посмотреть на английского теледиктора, говорящего с русской интонацией!) Именно недопонимаете, ибо человек, не желающий быть патриотом, обречен

однажды проснуться в стране, где к власти пришли фашисты…»

Однако вернемся к рассматриваемому нами феномену «готтентотской морали» и посмотрим теперь, что происходит в искусстве, в частности в литературе. Сегодня, когда меняется идеология, идет и переоценка ценностей эстетических. Причем исподволь людям навязывается мнение: раз социально-политические принципы минувшей эпохи обанкротились, то изящную словесность этого времени тоже нужно выбросить в мусоропровод истории. Появился даже тип литературного предпринимателя — организатор поминок по советской литературе. Может быть, эти образованные и неглупые люди просто не понимают, что советская литература не исчерпывается беллетризованными комментариями к партийным постановлениям? Может быть, они не сознают, что место написания романа — Переделкино, Париж или котельная — далеко еще не определяет его художественный уровень? Понимают и сознают, просто тут мы как раз и вступаем в сферу «готтентотской морали».

Я искренне сочувствую иным нашим критикам и литературным активистам: им не терпится освободить ниши в старом «пантеоне», чтобы

заставить их своими, собственноручно отформованными кумирами. Во-первых, льстит самолюбию, а во-вторых, обдувать пыль намного проще, чем пристально следить за сложными извивами художественного процесса и давать им честное профессиональное объяснение. Вчитайтесь в критические разборы, публикуемые как в левой, так и в правой печати, и вы заметите характерную «готтентотскую» закономерность: создание новых, посткоммунистических литературных авторитетов часто идет по старому, соцреалистическому принципу. Наш, по-нашему думает, по-нашему сочиняет — «подсажу на пьедестал». Ну а если из чужой команды или вообще какой-нибудь литератор, пишущий сам по себе, — не то что понимания, пощады не жди!

Говоря об этом, не могу не остановиться на одном примечательном факте нашей литературной жизни. Состоялось вручение британской премии Букера за лучший российский роман этого года, и лучшим романистом оказался Марк Харитонов, запомнившийся читателям своей повестью про Гоголя, опубликованной в середине семидесятых в «Новом мире». А в шестерку сильнейших кроме него вошли Л. Петрушевская, В. Маканин, Ф. Горенштейн, А. Иванченко, В. Сорокин. Все эти

имена у меня сомнений не вызывают, а вызывают только уважение, за исключением, пожалуй, В. Сорокина, работы которого мне представляются подзатянувшимся и не очень талантливым розыгрышем как российской, так и зарубежной читающей публики. Хотя, быть может, я и ошибаюсь…

Но какое отношение к «готтентотской морали» имеет премия Букера, спросите вы? Имеет. И дело не в том, кто именно получил премию, хотя я бы на месте высокого жюри, коль уж выбирать из шестерых, поделил бы ее между Л. Петрушевской и В. Маканиным. А дело в том, что все шестеро принадлежат к одному, пусть уважаемому, достойному, но все-таки одному течению отечественной словесности. Конечно же, как люди одаренные, они не похожи друг на друга, но эта непохожесть, по-моему, укладывается в рамки общего эстетического и духовного направления. Только ведь, как я понимаю, наши британские доброжелатели намеревались в трудную годину поддержать всю российскую словесность, а не одно, пусть даже очень перспективное ее направление. Полагаю, учредители премии сами будут огорчены, когда поймут, что эта благотворительная акция вызвала в литературном мире

больше недоуменных вопросов, чем слов благодарности. Впрочем, заграничным благодетелям не привыкать: они часто видят свою гуманитарную помощь на кооперативных прилавках и втридорога…

Однако вернемся к нашим отечественным деятелям и госмужам, которые с родной словесностью поступают совершенно «по-готтентотски». Пока они боролись за власть, они охотно пользовались ее извечной тягой к переустройству мира. Но, усевшись в кресла, как-то сразу про нее и позабыли. А может быть, наоборот, — очень хорошо запомнили, на что способна российская литература, возжаждавшая перемен! Во всяком случае, прежде стоял вопрос, может ли писатель на свои заработки содержать семью. Сегодня стоит вопрос, может ли семья на свои заработки содержать писателя. Тоталитарный режим гноил юные таланты в котельных и сторожках — это общеизвестно. Но мало кто знает, что нынче и молодым, и пожилым литераторам гораздо чаще приходится идти в дворники, чем лет десять назад.

«Все сегодня трудно живут!» — воскликнете вы и будете правы. Поэтому не кормления хочет творческий работник, а возможности за-

работать на прокорм. Как? Нереализованных возможностей много. Вот хотя бы одна. Скажите, пожалуйста, неужели деньги, потраченные на покупку несчетно-серийных рыданий-страданий, после которых чувствуешь себя абсолютным латиноамериканцем, нельзя было пустить на развитие отечественной теледраматургии?

Да что там говорить, если о собственных ученых-атомщиках вспомнили лишь после того, как старшие американские товарищи обеспокоились расползанием ядерного оружия по планете! Об отечественной культуре вспомним, наверное, только в том случае, если атомная бомба бездуховности рванет так, что вылетят стекла и в Кремле, и в обоих Белых домах.

И спросит миссионер русского: «Что такое зло?» — «Это когда сосед украл у меня барана…»

«Россия», 1993

ПОЧЕМУ Я ВДРУГ ЗАТОСКОВАЛ ПО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сознаться сегодня в приличном обществе, что тоскуешь по советской эпохе, — примерно то же самое, как в году 25-м сознаться, что скучаешь по царизму. Расстрелять не расстреляют, но на будущее обязательно запомнят…

И все же.

Я не стану рассуждать о России, которую мы потеряли. Это тема необъятная, и об этом еще будут написаны тысячи томов стихов, прозы, публицистики, следственных дел. Я хочу немного поговорить о литературе, которую мы потеряли. О советской литературе. Согласен, само определение — «советская» — довольно нелепо. Почему в таком случае не «нардеповская» или «совнаркомовская»? Но, с другой стороны, ведь не вычеркиваем мы из мировой истории коренных обитателей Американского континента лишь потому, что в результате навигаторской ошибки их назвали «индейцами»! Хотя, кто знает, может, это и было первопричиной их печальной судьбы?..

Мы все в неоплатном долгу перед советской

литературой. Говорю это совершенно серьезно, отбрасывая в сторону столь милую лично мне и моему поколению «мировую иронию». Именно она, советская литература, волей-неволей восприняв художественную и нравственную традицию отечественной классики, смогла противостоять той «варваризации» общества, которая неизбежна в результате любой революции. А известные заслуги литературы перед революцией обеспечили ей даже некоторые послабления: Священное Писание в атеистическом государстве было фактически запрещено, а «Воскресение» или «Двенадцать» включались в школьную программу. Да и вообще «преодоление большевизма» началось уже тогда, когда красноармеец Марютка завыла над бездыханным белогвардейцем Говорухой-Отроком, а профессор Преображенский взял да и вернул Шарикова в первобытное состояние. И если бы большевики, опамятовавшись, не начертали «Россия, единая и неделимая» симпатическими чернилами на своем красном знамени, то, вполне возможно, возвращение в лоно цивилизации происходило б не сегодня по записочкам Бурбулиса, а полвека назад по задачам И. Ильина. Кстати, не этим ли «симпатическим» лозунгом объясняется обилие

красных флагов на митингах нынешней оппозиции, в своем большинстве совсем не мечтающей о возвращении в развитой тоталитаризм?

Да, 90 процентов из написанного в советский период отечественной литературы сегодня читать невозможно. Точно так же, как невозможно сегодня читать 90 процентов из всего написанного за последние семь десятилетий во Франции или в США. Эти книги устарели вместе со своей идеологией, которая есть в любом обществе независимо от того, есть ли в нем идеологический отдел и вообще ЦК. Там тоже были свои комиссары в пыльных шлемах, свои павлики морозовы, свои целинники и ферапонты головатые. Кстати, «Золотая фильмотека Голливуда», показываемая ныне по нашему ТВ, самое удивительное тому подтверждение! А социализм… Социализм был общепланетарным наваждением заканчивающегося века, а мы народ отзывчивый, увлекающийся. Знаете, как бывает: втянули ребята постарше простодушного паренька во что-нибудь, но сами-то вовремя опомнились, а паренек за всех и отдувался. И великая литература с ним тоже вместе отдувалась…

Всем еще памятно, какая у нас была цензура и как она охотно в отличие от своей дореволюци-

онной предшественницы владела шпицрутеном! Тотальная была цензура: уйти от нее можно было, только эмигрировав, а преодолеть — только художественно. И ведь преодолевали! Борясь за свободу слова, советская литература была вынуждена выдавать тексты с такой многократной степенью надежности, что цензура была бессильна. Знаменитый подтекст Хемингуэя — забава в сравнении с подтекстами советских писателей. Это была мощнейшая и сложнейшая крипто-эстетическая система, понятная читающей публике, да и цензуре тоже. Однако произведения, где инакомыслие достигало градуса художественности, входили (не всегда, но чаще, чем нынче изображают) в правила той странной игры, которая завершилась падением постылого режима и распадом горячо любимой страны.

Советская литература была властительницей дум в самом строгом и упоительном смысле этого слова! Это настолько очевидно, что даже не буду доказывать, а просто предлагаю припомнить общественный трепет, связанный с выходом новой повести Ю. Трифонова или романа В. Астафьева, книги стихов Владимира Соколова или постановкой пьесы А. Вампилова… Имена подобраны в духе личных пристрастий, но каждый может

длить этот список по своему вкусу. А обязательный ответственный работник ЦК КПСС, сидящий на писательских собраниях и строчащий что-то в своем служебном блокноте, — это и фискальный знак эпохи, но это и знак уважения власти к литературе, к ее власти над умами…

Тут я, что называется, подставляю горло любому критику с большой дороги: мол, вот она, рабская натура, вот она, тоска по кнуту. Грешен, недовыдавил из себя раба, но иногда мне кажется, что человек, родившийся и сложившийся в тоталитарном обществе, может выдавить из себя раба только вместе с совестью. Во всяком случае, исторически и психологически мне понятнее А. Фадеев, визирующий присланные с беспощадной Лубянки списки приговоренных, чем седоусый «апрелевец», призывающий набычившегося всенародно избранного «власть употребить».

Но пойдем дальше. Советская литература, особенно если брать ее последнюю золотую четверть века, была той редкостной сферой, где осуществилось почти все, декларированное, но не воплощенное в жизнь большевиками. (Не путать с коммунистами — они у нас у власти никогда не были.) Но история ждать не любит, поэтому объяснения нынешних политиков, исповедую-

щих коммунистические ценности, напоминают обещания отвергнутого мужа не изменять и носить на руках. С одной стороны, очень хочется поверить, а с другой — обидно второй раз оказаться в дураках. Итак, в литературе мы имели жизнь, где в конечном счете побеждали или хотя бы, погибая, показывали свое нравственное превосходство люди честные, добрые, талантливые, бескорыстные… А что касается книжек про кулаков и вредителей, то это тоже наднациональная черта любой литературы — образ врага. Только мы самокритично нажимали на врага'внутреннего, а те же американцы — на врага внешнего. Сегодня, когда идет обвальный перевод средней американской литературы, этот факт очевиден. Кстати, может быть, именно поэтому они остались сверхдержавой, в то время как мы спихнулись с дистанции.

А привитая у нас в стране любовь к художественному слову! Где это, интересно знать, не сотня-другая эстетов, а сотни тысяч обыкновенных людей читали бы интеллектуальную прозу А. Битова или разгадывали историко-литературные шарады мовиста В. Катаева? Или покупали из-под полы долгожданную первую книжку Олега Чухонцева? Не-ет, иногда мне кажется, что

развитой социализм — это лучший строй для обеспечения читательского досуга. Если б он еще изобилие обеспечивал — цены б ему не было! Однако серьезные ученые уверяют, что мировая цивилизация будет развиваться в сторону ограничения потребительской разнузданности. Раз так — к опыту социализма, запечатленного, в частности, в советской литературе, человечество еще вернется.

А вспомним Дни советской литературы! Писатели, подавленные местным гостеприимством, влекутся вдоль бесконечного конвейера того же КамАЗа и вяло слушают объяснения главного инженера. А вечером — многотысячный зал, и заводчане, как тогда выражались, слушают гостей-писателей, а наиболее любимых узнают и хлопают заранее. И если во время такого вечера Сергей Михалков в президиуме наклонится к первому секретарю горкома и попросит дать квартиру местному талантливому поэту — через месяц-два новоселье! Я не любил Дней литературы: мне было стыдно похмельно шататься среди работающих людей, мне была смешна организованная местным агитпропом всенародная любовь к литературе. Но нынешнее забвение и равнодушие, оно не смешно, а страшно. Девочке,

которая хочет «boot такой миллион», неинтересен Том Сойер, если он не находит в конце клад. Сегодня в литературе, как мне приходилось уже писать, «кафейный период» — был такой в Гражданскую войну, когда все остановилось, и чтобы обнародовать свое новое творение, писатель заходил в литературное кафе, заказывал на последние морковный кофе и ждал кого-нибудь в слушатели. На заваленных всем чем угодно — от Сведенборга до «Счастливой проститутки» — книжных прилавках современных российских писателей вы почти не найдете. Их издавать невыгодно — и поэтому у них «кафейный период». Заметьте, я говорю не об идейно выдержанных бездарях, они-то как раз устроились и рьяно обслуживают теперь каждый свою крайность. Я говорю о талантливых писателях, которых читали, обсуждали, покупали… Они стали хуже писать? Нет, просто люди стали хуже читать. Привычка к серьезному чтению — такое же достояние нации, как высокая рождаемость или низкое число разводов. Добиться трудно — а утратить очень легко. Ведь добро должно быть не с кулаками, а с присосками, чтобы не соскользнуть по ледяному зеркалу зла в преисподнюю. Восстановление поголовья серьезной читатель-

ской публики — общенациональная задача на ближайшие десятилетия.

Но как же случилось, что отечественная литература оказалась в брошенках именно тогда, когда она, к счастью, духовно обеспечила победу демократии и, к несчастью, победу демократов?! Ну подумайте сами: на площади людей выводило истошное чувство социальной справедливости, воспитанное, между прочим, этой самой советской литературой. Вроде как и поблагодарить надо. Ан нет, какой-нибудь косноязычный партократ, брошенный с коксохимии на культуру, заботился о писателях поболе, чем наши нынешние деятели, которые совершенно справедливо в графе «профессия» могут писать «литератор». Да, литераторы — и по результатам политической деятельности, и по вкладу в родную словесность: жанр мемуаров быстрого реагирования изобретен ими.

В чем же дело? Руки у них не доходят? Возможно… Но я подозреваю, дело в другом: литература — властительница дум — может снова вывести людей на площади, на этот раз с прямо противоположными целями. Допустить этого нельзя, но снова затевать цензуру — глупо. Во-первых, сами промеж собой недодрались, а во-вторых,

снова у писателей появится ореол мучеников — и значит, влияние на умы. Все можно сделать гораздо проще. Горстью монет, ссыпанной в носок, можно прибить человека, а можно и литературу. Надо только знать, куда ударить…

Написал — и засомневался: сгустил по российской литературной традиции краски. Потом подумал, еще поозирался кругом и понял: ничего я не перебрал. Одни писатели (в количестве, даже не снившемся застою) работают, чтобы прокормиться, сторожами, грузчиками, лифтерами, но западные журналисты не заезжают к ним, чтобы узнать, как идет работа над романом-бомбой. Другие ушли в политику, но там, сами понимаете, вовремя разбитые очки важнее вовремя написанной поэмы. Третьи стали международными коммивояжерами и мотаются по миру, чтобы с помощью родни и друзей пристроить свой лет двадцать назад написанный роман, про который и в России-то никто слыхом не слыхивал. Четвертые ушли в глухую оппозицию, пишут в стол, но ящик стола уже не напоминает ящик Пандоры, а скорее свинцовый могильник, да и за несуетную оппозицию теперь не дают госдач в Переделкине, как прежде. Пятые… На похоронах пятого, моего ровесника, я был недавно.

А когда я думаю о советской литературе, у меня на глаза наворачиваются ностальгические слезы, как если б я зашел в мою родную школу.

«Комсомольская правда», 1993

ОППОЗИЦИЯ УМЕРЛА. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОППОЗИЦИЯ!

…Под выстрелами толпа любопытствующих дружно приседала. Потом кто-то начинал показывать пальцем на бликующий в опаленном окне снайперский прицел. Били пушки — словно кто-то вколачивал огромные гвозди в Белый дом, напоминавший подгоревший бабушкин комод. А около моста, абсолютно никому не нужный в эти часы, работал в своем автоматическом режиме светофор: зеленый, желтый, красный…

Вечером торжествующая теледикторша рассказывала мне об этом событии с такой священной радостью, точно взяли рейхстаг. Что это было на самом деле — взятие или поджог рейхстага, — покажет будущее. Однако кровавая политическая разборка произошла. В отличие от разборок мафиозных в нее оказались втянуты простые люди, по сути, не имевшие к этому никакого отношения. Я — не политик, я — литератор и обыватель. Мне по-христиански жаль всех погибших. Нынешним деятелям СМИ и тому, что осталось от

нашей культуры, когда-нибудь будет стыдно за свои слова о «нелюдях, которых нужно уничтожать». А если им никогда не будет стыдно, то и говорить про них не стоит.

Профессиональное воображение подсказывает мне, какой ад сейчас в душах арестованных. У одних потому, что осознали кровавую цену политического противостояния. У других потому, что хотели большего, а лишились всего. У третьих потому, что представляют себе, как недруги празднуют победу на какой-нибудь правительственной даче. Бог им судья: они сами виноваты, ибо пошли или дали себя повести на крайность, на кровь. Что толкало или подтолкнуло их на это — мы когда-нибудь узнаем. Думаю, произойдет это гораздо раньше, чем полагают многие. Уверяю вас, правда будет отличаться от того мифа, который срочно лепится прямо на наших глазах, как подлинник Ренуара отличается от тех подмалевок, какие продают на художественных толкучках. Не это сейчас главное. Я слушал и участвовал в разговорах людей, толпившихся у Белого дома, на Смоленке, у Моссовета. Правда, в последнем месте от разговоров спорящих часто отвлекала обильная гуманитарная помощь, раздававшаяся прямо с грузовиков. Так вот: того

единодушия, которым отличаются комментаторы ТВ, там не было. Большинство склонялось к тому, что виноваты и те и другие.

Противостояния президента и парламента, двоевластия больше нет, но то неоднозначное отношение к происходящему в стране, которое это противостояние символизировало, осталось. От того, что Мстислав зарезал Ередею пред полками касожскими, ничего не изменилось. Как, впрочем, ничего не изменилось бы, если б Ередея зарезал Мстислава… Поляризация в обществе осталась. Поэтому сейчас нужна не сильная рука, а мудрая голова!

Как справедливо заметил Сен-Жон Перс, плохому президенту всегда парламент мешает. Кстати, на улицах об этом тоже немало говорили. В одной группе спорщиков можно было схлопотать за хулу в адрес президента, в другой — за хвалу. Но все сходились на том, что указы, после которых следует кровь, совсем не то, что нужно стране, уже однажды потерявшей в братоубийственной войне лучших своих людей. И кого сейчас волнует, кто из них был белым, а кто красным?

Итак, оппозиция, пошедшая в штыковую контратаку, уничтожена. Закрыты оппозиционные газеты, передачи, возможно, будут «закрывать»

неудобно мыслящих политиков и деятелей культуры… Создатели политических мифов не любят оттенков: у врага в жилах должна течь не кровь, а серная кислота — желательно поконцентрированнее. Но, надеюсь, даже активист «Демроссии» не будет спорить, что демократия без оппозиции невозможна. Без оппозиции, действующей, конечно, в рамках закона, выражающей свои политические цели, критикующей находящихся у власти. В противном случае можно и ГУЛАГ объявить оппозицией Сталину, да и считать впредь, что его режим был не тоталитарным, а демократическим.

Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!

Конечно, инакомыслящим политикам сейчас трудно высказывать свою точку зрения. Ситуация, когда, говоря словами классика, «где стол был яств — там гроб стоит», — деморализует. И потом, новая оппозиция еще должна оформиться. Не исключаю, что ее будущие лидеры сегодня вместе с Б. Ельциным принимают поздравления, как два года назад вместе с ним же принимали поздравления А. Руцкой и Р. Хасбулатов. Посмотрим.

Я не политик, никогда этим не занимался и, надеюсь, не буду. Я, повторяю, литератор и обыва-

тель, поэтому мне проще говорить об оппозиции. Не о той, что в президиумах, а о той, что в душе. Я хочу воспользоваться неподходящим случаем и сказать о том, что я — в оппозиции к тому, что сейчас происходит в нашей стране. По многим причинам.

Во-первых, потому что как воздух необходимые стране реформы начались и идут очень странно. Представьте, вы пришли к дантисту с больным зубом, а он, предъявив диплом выпускника Кембриджа, начал сверлить вам этот самый зуб отбойным молотком. Я за рынок и за частную собственность. Но почему за это нужно платить такую же несусветную цену, какую мы заплатили семьдесят лет назад, чтобы избавиться от рынка и частной собственности?

Во-вторых, меня совершенно не устраивают те территориальные и геополитические утраты, которые понесла Россия на пути к общечеловеческим ценностям. Я очень уважаю исторический и экономический опыт США, но я уверен: вас бы подняли на смех, предложи вы американцам решить их социальные проблемы (а их и там немало) в обмен на хотя бы квадратный километр флоридских пляжей. Я уже не говорю о россиянах, оказавшихся заложниками этнократических игр

в странах ближнего Зазеркалья. Они-то теперь прекрасно разбираются в общечеловеческих ценностях.

В-третьих, мне совсем не нравится пятисотметровая дубина с бесполым названием «Останкино», которая снова изо дня в день вбивает в голову единомыслие. Ее просто переложили из правой руки в левую, но голове-то от этого не легче. Да и толку-то! Уж как коммунисты гордились «небывалым единением советского народа», а что получилось…

В-четвертых, меня берет оторопь, когда я вижу, в каком положении оказалась отечественная культура, как мы теперь догадались, не самая слабая в мире. Гэкачеписты во время путча хоть «Лебединое озеро» крутили. А нынче в перерывах между разъяснительной работой ничего не нашлось, кроме сникерсов, сладких парочек да идиотского американского фильма, по сравнению с которым наш «Экипаж» — Феллини…

В-пятых, я не понимаю, почему учитель или врач должен влачить нищенское существование, когда предприниматель, детей которого он учит и которого лечит, может строить виллы и менять «мерсы», как велосипеды. Я с большим уважением отношусь к предпринимателям, на

износ работающим сегодня в своем сумасшедшем и опасном бизнесе. Я никогда не назову такого человека торгашом или спекулянтом. Это особый и трудный талант. Но ведь человек приходит на землю не только для того, чтобы купить дешевле, а продать дороже! И талантливый ученый или квалифицированный рабочий, бросившие все и пошедшие в палатку торговать «жвачкой» — это знак страшной социально-нравственной деградации народа.

В-шестых… Впрочем, думаю, и сказанного довольно.

Не знаю, возможно, преодолеть все эти «ужасы», как выражается моя знакомая, президентской команде действительно мешал парламент. Поживем — увидим. Если так, я честно признаюсь, что был не прав, и встану под знамена победителей, хотя, думаю, там уже и сейчас нет ни одного свободного места… Но скорее всего дело в ином: наше нынешнее руководство просто не соответствует тем сложнейшим задачам, которые стоят сегодня перед Россией. А плоскостопие лечить посредством ампутации ног любой сможет. Поэтому, как справедливо говорит президент, нужны новые выборы. А выборы без оппозиции, имеющей доступ к средствам массовой информации, никакие

не выборы, а голосование, каковое мы и имели семьдесят лет. Не будете же вы просить девушку выйти за вас замуж, приставив ей пистолет ко лбу?! Конечно, выйдет, если жить хочет. А потом — спать в разных комнатах, бить посуду и подсыпать друг другу тараканьи порошки…

…От Белого дома гнали кого-то с поднятыми руками. Мимо проносили очередного убитого или раненого. Мальчишки втихаря вывинчивали золотники из колес брошенных машин. А светофор все так же работал в автоматическом режиме: красный, желтый, зеленый…

«Комсомольская правда», 7 октября 1993

РОССИЯ НАКАНУНЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО БУМА

Со словом «патриот» за последние годы произошли странные вещи. Уважаемые деятели культуры уверяли нас, будто патриотизм чуть ли не зоологическое чувство, характерное более для кошки, нежели для человека. В газетных шапках различные производные от этого слова появлялись, как правило, в тех случаях, когда речь заходила о каком-нибудь политическом дебоше. Если в просвещенной компании человек лепетал, что социализм, конечно, не мед, но зачем же всю нашу новейшую историю мазать дегтем, как ворота не соблюдшей себя девицы, — его, морща нос, тут же спрашивали: а не патриот ли он, часом? Наконец, меня просто добил эпизод, когда теледикторша с чувством глубочайшего, доперестроечного удовлетворения сообщила, что, по последним социологическим опросам, патриотов поддерживает всего один процент населения.

Никогда не поверю, что у нас в стране столь ничтожное число людей, обладающих патриоти-

ческим сознанием. В таком случае России давно бы уже не было, а была бы огромная провинция «недвижного» Китая или незалежной Украины. Тут налицо явная подмена понятий. В минуты семантических сомнений я всегда обращаюсь к словарю Даля. Открываем и находим: «Патриот — любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник…» Как будто все ясно, и слово-то хорошее, чистое, а тем не менее превратилось в политическое, да и в бытовое ругательство. «За что, Герасим? — спросила Муму» — так написано в одном школьном сочинении.

Было за что. Напомню, в прежние времена это слово употреблялось в устойчивом сочетании — «советский патриотизм». Дело тут не в эпитете, который в те годы лепился ко всему: советская литература, советская женщина, советский цирк… Тут проблема гораздо сложнее и тоньше. Но сначала сделаю небольшое отступление. Когда я впервые попал в США и пообщался с тамошними рядовыми налогоплательщиками, то обратил внимание на их своеобразный патриотизм — яркий, демонстративный, напористый — с непременным звездно-полосатым флагом перед домом. Но мне показалось, это была не «любовь к

родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а, скорее, любовь к социально-политическому устройству своей страны. Это патриотизм эмигрантов, которые на новом месте зажили лучше, чем на прежнем.

А теперь я хочу предложить читателю одну гипотезу. Мы помним, что Ленина, большевиков всегда грел американский опыт. Обратились они к нему и тогда, когда, говоря по-нынешнему, обдумывали концепцию нового патриотизма без самодержавия, без православия, без народности в стране победившего пролетариата. Поначалу, правда, пытались обойтись одной классовой солидарностью, но мировая революция как на грех запаздывала. А лозунг «Штык в землю!» хорош, пока ты борешься за власть, а когда ты ее взял и хочешь удержать, необходим совсем другой лозунг, например: «Социалистическое Отечество в опасности!»

Итак, обдумывая эту новую концепцию, большевики, предполагаю, вспомнили об опыте американского, назовем его условно «эмигрантского», патриотизма. Ведь, по сути, 150 миллионов подданных исчезнувшей Российской империи в результате революционных преобразований, оставаясь на своей отеческой земле, на родном

пепелище, стали переселенцами, эмигрантами, ибо очень скоро очутились в совершенно новой стране, с совершенно иным устройством и принципами жизни. И если «передовому» россиянину начала XX века полагалось не любить Отечество из-за его реакционной сущности и даже желать ему поражения в войне, то теперь он, напротив, был обязан горячо любить Советскую Россию за новое, передовое устройство. Очень хорошо это прослеживается у Маяковского. «Я не твой, снеговая уродина» — до Октября. «Читайте, завидуйте…» — после Октября. А ведь речь-то шла о той же самой стране — с той же историей, культурой, ландшафтом, населением, правда, сильно поистребленным. Этот новый «эмигрантский», то бишь советский, патриотизм был внедрен в умы и души настойчиво, талантливо, стремительно. И не надо сегодня, задним числом, преуменьшать привлекательность тогдашних коммунистических лозунгов, идей, символов. На них купились не только в России. Вспомните, ведь и Есенин совершенно искренне писал: «За знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша». Любопытно, что не до Босфора и Дарданелл… Правда, в другом месте великий поэт уточнял: «Отдам всю душу октябрю и маю, но только ли-

ры милой не отдам». За это и поплатился, как и тысячи других, надеявшихся совместить новый советско-«эмигрантский» патриотизм с прежним — назовем его также условно «отеческим». И не могли не поплатиться: у выпученных рачьих глазок агитпропа всегда были безжалостные чекистские клешни.

Но совмещение, взаимопроникновение этих двух патриотизмов все равно произошло, ибо новое, как всегда, возводилось на старом фундаменте, подобно тому как заводские клубы строились на фундаментах снесенных церквей. В конце концов этот подспудно шедший процесс совмещения возглавила и подстегнула сама новая власть. Когда? Когда подступила Великая Отечественная. Заметьте, Отечественная, а не пролетарская или социалистическая. Поднять и повести в бой нужно было всех до единого, даже пострадавших, униженных новой властью. Заград-отряд может остановить отступающего, но на смерть ведет любовь к Отечеству. В последней фразе есть, конечно, пафосная условность, но есть и неоспоренная истина. И вот тогда-то до зарезу понадобились такие, например, строчки сотрудника газеты «Сокол Родины» Дмитрия Кедрина:

Стойбище осеннего тумана,

Вотчина ночного соловья —
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Несмеяна? Да за такое еще год-два назад отрывали голову. Но теперь голову могли оторвать сидевшим в Кремле — и это меняло ситуацию!

Разумеется, все было не так просто и однозначно. После войны были чудовищная кампания против космополитов и не менее чудовищное «ленинградское дело», преследовавшие как раз противоположные цели, но процесс, как говорится, пошел… Кстати, можно вообще нашу культурную жизнь последних трех-четырех десятилетий проанализировать с точки зрения «единства и борьбы двух патриотизмов». Тогда гораздо понятнее станут и приснопамятная статья А.Н. Яковлева против антиисторизма в 70-е, и пресловутое письмо группы литераторов, направленное против «Нового мира», возглавляемого А. Твардовским, и многое, многое другое. Но это тема серьезного исследования, которое по плечу не мне, дилетанту, а специалисту-культурологу.

Одно можно сказать с уверенностью: каким бы гремучим синтез этих двух патриотизмов ни был, режим он обслуживал. Хотя, конечно, на плацу

клялись в верности социалистической Родине, а любили все-таки «стойбище осеннего тумана».

Сегодня даже политическому младенцу ясно: когда наметилось принципиальное изменение политического и экономического устройства нашей страны, этот патриотизм был обречен, ибо являлся немаловажной частью всего каркаса, державшего систему. Конечно, поначалу говорили о социальной справедливости и социализме с человеческим лицом, но исподволь, а потом все откровеннее стала внушаться мысль, что эту страну любить нельзя. Эту страну — с кровавым усатым деспотом на партийном троне, с гулаговскими бараками, с тупыми людьми, стоящими в драчливых очередях за водкой, с вечным дефицитом всего элементарного, с искусством, осуществляющим непрерывный аннилингус власти… И ведь с точки зрения прагматичного «эмигрантского» патриотизма это было абсолютно верно: обещали рай земной, а что нагородили! В общем, как семьдесят лет назад людей напористо выучили любить свою советскую Родину, так теперь столь же стремительно отучили. Эта взлелеянная нелюбовь стала идейно-эмоциональной основой для таких грандиозных процессов, как распад Союза, отстранение от власти компартии,

изменение геополитического положения нашей страны в мире…

И когда упоенная теледикторша сообщает, что всего один процент населения поддерживает патриотов, она имеет в виду, что подавляющая часть граждан (тут сделаем поправку на непредсказуемость наших социологических методик) разочаровалась в советском патриотизме, то есть разлюбила былое социально-политическое устройство своей страны. Но ведь это совершенно не значит, что 99 процентов населения разлюбили свою страну, что они не переживают распад державы, что их радует утрата исконных земель и 25 миллионов россиян, оказавшихся за границей. Это совсем не значит, будто их устраивает наша страусино-аллигаторская экономическая политика, наше вялое «чего изволите» на мировой арене, упадок российской культуры, без всякой поддержки оставленной один на один с обильно финансируемой западной массовой культурой, от которой сами западники не знают, куда спрятаться. А если вести речь об оборонной доктрине, то, извините, чего стоит присяга Отечеству, если его «передовому» человеку и любить-то неловко? Генералы рыдают, что срываются призывы, — я вообще удивляюсь, что хоть кто-то в такой атмо-

сфере надевает на себя военную форму! Зачем? Разве для того, чтобы за большие деньги пострелять из пушки по собственному парламенту!

Но шутки — в сторону! Я берусь утверждать, что, несмотря на жесточайшую спецобработку общественного сознания, патриотизм никуда не делся, а просто временно перешел (даже в душах) на нелегальное положение — ситуация постыдная и чрезвычайно вредная для государства.

Кто в этом виноват, мы вроде худо-бедно разобрались. Теперь самое главное: что делать? На первый взгляд проще всего — спешно приучать людей любить наше новое социально-политическое устройство. Но ведь его пока попросту нет — руины. А те реформы, что успели наколбасить, подавляющей части населения тоже любить не за что — нищаем. Вот и наши записные рыночники, которые три года назад уверяли, что хватит-де жить верой в светлое завтра, горбатиться на потомков, теперь, решив свои личные проблемы, с той же аввакумистостью запели про то, что рынок построить — не фунт изюму съесть, что процесс этот длительный, а ради счастья детей и внуков можно потерпеть и подзатянуть пояса, стоически проходя мимо обильных витрин. (На «Березках» хоть глухие шторы висели.) Лично

я ради свежеотпущенной бородки Г. Попова и тимуровского оптимизма Е. Гайдара терпеть не собираюсь. Ради будущего моего Отечества — дело другое!

А теперь, догадливый читатель, надо ли объяснять, что без новой концепции патриотизма не обойтись, особенно теперь, когда двоевластие закончилось, когда завершена, кажется, битва за гаечный ключ и теперь уже совершенно ясно, кто персонально будет затягивать гайки разболтавшейся государственной конструкции. Да, время лозунга «Баллистическую ракету — в землю!» закончилось. Наступает эпоха лозунга «Демократическое Отечество в опасности!». Не пугайтесь, наши дорогие зарубежные благожелатели, думаю, поисков внешнего врага не предвидится — не до жиру. Обойдемся врагом внутренним. Но суть от этого не меняется: укрепившейся новой власти теперь до зарезу понадобится возрождение патриотического чувства, которое, собственно, и делает население народом и заставляет людей терпеть то, чего без любви никто терпеть не станет.

Каким он будет, этот новый патриотизм? «Отеческим», новой разновидностью «эмигрантского» или, скорее всего, синтетическим? Не знаю. Будет ли отмыто загаженное прекрасное слово «патриот» (месяц активной работы ТВ) или возьмут что-нибудь новенькое, вроде далевского «отчизнолюба»? Не знаю. Кто будет разрабатывать и внедрять новую концепцию — те же люди, что изничтожили старую, или посовестятся и призовут новых людей, незапятнанных? Не знаю, хотя, увы, догадываюсь… Одно я знаю твердо. Мы с вами, соотечественники, живем в канун патриотического бума.

«Комсомольская правда», 1993

ЗРЕЛИЩЕ

Когда с дубовым веником под мышкой я подошел к Краснопресненским баням, там бегали люди в бронежилетах с рациями и автоматами в руках. На вопрос, что случилось, свежепопарившийся гражданин со смехом ответил, что какой-то мужик не поделил с кем-то шайку и его застрелили. Наутро из газет я узнал, что застрелили знаменитого Отари Квантришвили. Бог судья покойному. Его убийце, полагаю, судьей будет тоже Бог. Но меня поразило иронически-равнодушное отношение к чужой смерти. Раньше такого не было! Разбомбили сербов — возмутилась, по-моему, только кучка чудаков, прибежавшая с плакатами к американскому посольству, да Б. Ельцин, которого забыли поставить в известность. А если б не забыли? Студенты, которые хотят учиться, а не заниматься мелким бизнесом или рэкетом, демонстрируют возле Дома правительства и требуют своих нищенских стипендий. Ну и что? Да ничего: вчера шахтеры касками стучали, сегодня студенты глотки дерут, завтра еще кто-нибудь притащится за социаль-

ной справедливостью. Взглянул прохожий — и мимо. И власть тоже — мимо.

«Каждый народ имеет такое правительство, которое заслуживает» — эта фраза стала уже банальностью. Среди государственных мужей поругивать человеческий материал, выпавший на их долю, стало навязчивой традицией. Ну а если перевернуть формулу — каждое правительство имеет такой народ, который заслуживает? И в самом деле, давайте порассуждаем о том, какое влияние моральный облик властей предержащих (да простится мне сей старорежимный оборот!) оказывает на общественную мораль, а следовательно, и на всю жизнь общества.

Что и говорить, политический театр минувшей эпохи был крайне скуп на выразительные средства. Хотя, конечно, мы догадывались, что за внешним единодушием президиума съезда, напоминающего в этом своем единодушии большой академический хор, скрываются подлинно шекспировские страсти. Но что мы знали? Вот пошли слухи, что у члена Политбюро имярек сынок что-то там выкинул за границей. Ну, стал не сумевший достойно воспитать сына имярек реже появляться в телевизоре, потом строчка в газете «освобожден в связи...» Дальше — рабо-

тяги в телогрейках изымают его канонический портрет из длинного ряда портретов где-нибудь на Ленинском проспекте, бросают в грузовик и увозят. А ведь в 37-м в грузовике увезли бы труп! Конечно, мы не были наивными и понимали: сын тут ни при чем или почти ни при чем — идет политическая борьба, а это всегда — торжище и игрище. Но в застойный период она не была зрелищем, и поэтому тогдашние деятели своим личным моральным примером не оказывали прямого воздействия на общественную нравственность. Еще памятная всем формула «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» оказалась роковой: ведь отсутствие вышеперечисленных качеств связывалось в общественном сознании не с конкретными деятелями коммунистического и международного рабочего движения, а с партией как с политической силой. Именно поэтому она так вдруг потеряла власть. Именно поэтому неотвратимое народное возмездие тоталитаризму закончилось ритуальной посадкой Чурбанова. Именно поэтому большинство президентов в подразделениях СНГ — это бывшие крупные партийные функционеры. Да, политические спектакли прошлой эпохи шли при опущенном занавесе. И вдруг занавес поднялся

— оставаясь торжищем и игрищем, политика в нашей стране стала еще и зрелищем!

Помните бесконечные трансляции съездов, которые поначалу смотрелись как «Просто Мария»? Вот Горбачев запросто переругивается с депутатом, запросто лезущим на трибуну. А вот самого Сахарова сгоняют с трибуны за общегуманистическую неуместность! А вот Ельцин публично объясняется по поводу своего исторического падения с моста! А вот Оболенский самовыдвигается в президенты! А вот Бондарев произносит свою пророческую метафору про самолет, который взлетел, не ведая, куда будет садиться! А вот уже и чета Горбачевых, точно погорельцы, спускается по самолетному трапу… Одним словом, большая политика из тайной стала у нас настолько явной, что закончилось все пушечной пальбой по парламенту на глазах у потрясенной отечественной и мировой общественности.

Эта зрелищность большой политики повлекла появление на сцене совершенно нового типа деятеля, разительно не похожего на тех, что мы видели прежде. Вспомните хотя бы Громыко, который во время своих редких телевизионных выступлений говорил так медленно, будто за каждым новым словом ему приходилось от-

лучаться в соседнее помещение. А ведь то был золотой интеллектуальный фонд тогдашнего Политбюро! Как же нас всех тогда поразил новый генсек, говоривший быстро-быстро и без бумажки! К общеизвестным неправильностям его речи мы относились снисходительно, хотя месяца работы со специалистом хватило бы, чтобы наш первый президент заговорил на хорошем мхатовском уровне. Думаю, тут сказалась та нетребовательность к себе, которая и привела к преждевременному уходу Горбачева из большой политики.

А потом вдруг выяснилось, что можно быстро-быстро и без бумажки говорить не только на родном, но даже и иностранном языке, ибо если прежде для успешной карьеры требовалось поработать на комбайне или помесить раствор, то теперь — окончить спецшколу и пройти стажировку за границей. Впрочем, если бы отцы не месили раствор, то вряд ли их дети стажировались бы за границей. Как заметил классик, каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего. Не надо только вытирать о предшественников ноги… Как мы гордились Гайдаром, когда он где-то в европах говорил по-английски без переводчика, хотя, полагаю, по протоколу надо бы

как раз с переводчиком, но, как известно, понты дороже денег! Впрочем, Гайдар принадлежал уже к новому поколению и отлично сознавал, что является персонажем зрелищной политики. Лично я просто восхищен тем, как оперативно избавился он от своего пресловутого причмокиванья. Оставалось еще стремительно похудеть в соответствии с резким обнищанием народа, но не будем отчаиваться — его политическая карьера еще не закончена!

О том, что за власть держатся до последнего, общеизвестно. Но как именно за нее держались в застойные годы, можно было только догадываться, взирая на задыхающегося Черненко. Теперь мы это увидели ясно и четко — вплоть до побелевших от напряжения пальцев, намертво вцепившихся в государственное кресло. А помните, что они говаривали нам в сладкую пору обольщения: мол, власть для них не самоцель, а тяжкая ноша, что, мол, если что-нибудь не получится, они тут же куда-нибудь уедут за рубеж преподавать и т. д. А теперь вспомните, как всем им не хотелось расставаться с тяжелой ношей, и, даже выпихнутые из тронной залы, никуда они не уехали, а толпятся в комнате ожидания, надеясь снова вернуться, хотя, насколько я понимаю,

мы с вами уже давно их об этом не просим.

Однако и у прежнего, и у нынешнего поколения политиков есть одна общая, неискоренимая, чисто большевистская черта — неумение и нежелание признавать свои ошибки. То, что реформы не вышли, а если и вышли, то только боком, сейчас признано всеми, включая и тех, кто эти реформы затевал. Вы слышали хоть слово извинения, хоть лепет раскаянья: «Мол, простите, люди русские и нерусские, бес попутал!» Лично я не слышал. Наоборот, те самые парни, что учудили нынешний развал и оскудение, не вылезая из телевизора, учат нас, как жить, говоря сегодня обратное тому, что провозглашали еще недавно. Говорят, все сказанное не исчезает, но витает где-то в околоземном пространстве. Представляете, каково словам Собчака-91 встречаться там со словами Собчака-94?

А теперь призадумаемся: может ли такое поведение на самом верху не отразиться на нравах в обществе? О каком патриотизме и государственном подходе к делу «новых русских» может идти речь, если они, еще сидя в своих первых палатках где-нибудь возле Курского вокзала, усвоили, что эти ребята там, на Олимпе, занимаются тем же самым, но только в особо крупных размерах?

Трудно осуждать мелкого или среднего предпринимателя, перегоняющего свои капиталы на Запад, если он постоянно слышит неопровергаемые (или неопровержимые?) факты о гигантских счетах за границей, о каких-то странных лицензиях, о родственниках, перебравшихся за рубеж и там прекрасно натурализовавшихся. Весь год, предшествовавший октябрьским событиям, высокопоставленные бойцы противоборствующих станов обливали друг друга тщательно аргументированными помоями. Когда схватка закончилась, никто не стал отмываться, а все сделали вид, что ходить с повисшей на вороту бранью — просто новый стиль одежды. О том, как этот новый стиль отразится на миропонимании рядового налогоплательщика, никто не позаботился.

Но, конечно, самое губительное воздействие на общественную мораль оказали уже поминавшиеся нами октябрьские события прошлого года в Москве. Ведь суть этих событий, давайте сознаемся, заключается в том, что одним махом было зачеркнуто то, что Бердяев очень точно назвал «преодолением большевизма». А ведь это был длительный, мучительный процесс, вобравший в себя и государственническую переориентацию

режима в 30-е годы, и возвращение к патриотическому сознанию во время войны, и хрущевскую «оттепель», и неуклюжую либерализацию при Брежневе, и горбачевский апрель… Как холостой выстрел «Авроры» вверг страну в Гражданскую войну, так нехолостые залпы на Краснопресненской набережной ввергли, а точнее, вернули нас в ту страшную эпоху, когда господствовал принцип, сформулированный писателем-гуманистом: «Если враг не сдается, его уничтожают». Любопытно, что среди тех, кто подталкивал исполнительную власть к крутым мерам, было немало писателей, считавших, а может быть, и продолжающих считать себя гуманистами. А теперь попробуйте упрекнуть преступника, на заказ застрелившего строптивого банкира. «Эге, — скажет он, — заказное убийство из пистолета — плохо, а из пушек — хорошо?» И будет, как ни стыдно признаться, по-своему прав!

Вот к чему приводит зрелищность в политике, когда персонажи забывают, что их пример заразителен. И мне почему-то вспомнился рассказ мемуариста о том, как в первые годы советской власти какой-то красноармеец, сидя в театре, так вознегодовал на шиллеровского негодяя, что вскинул винтовку и застрелил актера наповал. Но наши нынешние политики не актеры, а мы не зрители. Вот о чем хорошо бы помнить, составляя меморандумы о гражданском мире, иначе все это окажется очередным никого ни к чему не обязывающим зрелищем. Впрочем, у В.И. Даля можно найти синоним слову «зрелище» — «позорище», но в этом своем забытом значении оно сегодня в русском языке не употребляется. А жаль…

«Комсомольская правда», 1994

ПАРУСА НЕСВОБОДЫ

Нынешнее наше отношение к собственной недавней истории иногда напоминает мне запоздалую и неумную мстительность разведенной жены, которая, вернув свою полузабытую девичью фамилию, принялась бегать по соседям и всем рассказывать о том, какой ее бывший муж был хам, сквалыга и скотина. А соседи, вежливо кивая, только подсмеиваются, ибо новый поселившийся у разведенки мужик от прежнего отличается разве лишь тем, что брюхо имеет поболее да шею полиловее и погрязнее…

Редкий нынешний деятель культуры, добравшись до эфира, не заведет речь о монстре тоталитаризма и вампире социализма, изначально враждебных творческой личности и погубивших талантливых людей без числа. Сказав об этом, как в прошлые времена поблагодарив партию о заботе, можно начинать разговор и по существу: о духовном оскудении общества, о воцарении духа бессовестной и безоглядной наживы, об утрате нравственных ориентиров, о нищенской жизни нынешней интеллигенции, вероятно, именно

таким образом наказанной за свой безответственный поводыризм, за который не «Вехами» надо бы и не «Глыбами», а оглоблей…

Любопытно, что мысли о несовместимости таланта с социализмом, о невозможности самореализации незаурядной личности в совковой действительности впервые, на заре гласности, начали высказывать не какие-нибудь творческие заморыши или воинствующие графоманы, а худруки знаменитых театральных коллективов, всемирно известные наши музыканты, выдающиеся кинематографисты, литераторы, выпускавшие прижизненные собрания сочинений. При этом они как-то забывали объяснить тот странный факт, что сами встретили перестройку не в психушке, не в бойлерной, не в нищей эмиграции, а в ореоле славы, тогда именовавшейся всесоюзной.

Развитой тоталитаризм не столько утеснял деятелей культуры, сколько их ублажал, правда, при условии соблюдения определенных правил поведения. Во-первых, нужно было верить или делать вид, что веришь в прогресс в рамках существующего порядка, во-вторых, если и критиковать систему, то в терминах господствующей идеологии (замечательный образчик — слова

одного известного поэта с трибуны: «Красный карандаш цензора и красное знамя — не одно и то же!»), в-третьих, нельзя было выносить сор из избы. Помню, когда моя повесть «Сто дней до приказа» начала ходить по Москве в рукописи, меня пригласили и очень серьезно предупредили, что в общем-то разделяют пафос моего сочинения, но лишь до тех пор, пока его не опубликовали какой-нибудь «Посев» или «Метрополь».

«Ага, — воскликнете вы, — ведь был еще и андеграунд, подлинное искусство, не склонившее гордой выи перед режимом!» «Был», — отвечу я. И историкам литературы еще предстоит разобраться, кто обязан больше тоталитаризму, — соцреализм или андеграунд!

Думаю, в равной степени. Дело в том, что и социализм, и андеграунд отличаются эстетической самонедостаточностью. Поясню на простом примере: бывают стихотворные тексты, оставляющие нас совершенно равнодушными, пока их не положат на музыку. Тот, кому приходилось читать стихи В. Высоцкого, которые он никогда не пел, понимает, о чем идет речь. Так вот, для книг соцреализма такой музыкой были шумная пропаганда и реклама, хвалебные статьи, экранизации, инсценировки, включения в школьную

программу. А для андеграунда такой же музыкой были разгромные статьи, бульдозерные атаки режима, слепые машинописные копии, глушение по радиоголосам… И в первом, и во втором случаях сам текст играл роль второстепенную. Да простит меня лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, но, собственно, его стихи, при всем моем к ним академическом уважении, оказали на общественное сознание советского общества влияние гораздо меньшее, чем, скажем, творчество известного художника-ленинописца Исаака Бродского. Другое дело конфликт Бродского-поэта с режимом, отъезд за рубеж и последующий мировой триумф. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если б вместо того, чтобы оказаться под судом за тунеядство он, как Александр Кушнер (поэт, на мой взгляд, не менее талантливый), выпустил бы книжку в «Советском писателе»…

С падением режима, обеспечивавшего самонедостаточные тексты «музыкой», последовал крах как соцреализма, так и андеграунда. Испытания на самоценность не выдержали ни тот, ни другой. Испытание выдержали хорошие писатели, крупные художники, которые в катакомбы не спускались, но, печатая то, что можно было «пробить», «непроходимое» хранили в

своих письменных столах до лучших времен. Я очень хорошо помню этот «парадокс гласности», когда вчерашние лауреаты доставали из своих финских письменных столов, купленных по литфондовскому ордеру, самый крутой непроходняк. А подвижники андеграунда выходили навстречу заре общечеловеческих ценностей с приветственно воздетыми вверх пустыми руками (литература русского зарубежья — отдельная тема). Думаю, сегодня сыновнюю тоску по тоталитаризму в одинаковой степени испытывают как отставные деятели соцреализма, так и былые труженики андеграунда. Как ударники-метростроевцы, они встретились в тоннеле, который рыли с двух сторон…

Чтобы понять свое прошлое, нужно прежде всего усвоить: историческая публицистика, а тем паче историческая наука — это не конкурс на самый меткий плевок! А застой, давайте сознаемся хоть сегодня, был не только результатом одряхления системы, он был и результатом вполне понятного стремления избежать «великих потрясений», каковых в текущем веке на Россию навалилось сверх всякой меры. Люди, руководившие в ту пору государством (я имею в виду не тех, что кемарили по президиумам), очень хорошо

знали, что горные обвалы иной раз начинаются с оброненного спичечного коробка и что реформы легко только «начать». Во всяком случае, когда теперь заполночь я спускаюсь, чтобы возле подъезда в палатке купить банку американского пива, я почему-то всегда вспоминаю, что Крым и Байконур — нынче заграница, а в переходах не протолкнешься от нищих. Но пиво пью…

Понимали те прежние руководители и другое: в стране, где в силу укорененной однопартийности нет оппозиции политической, ее нужно придумать. Такой придуманной оппозицией и стала советская культура, а также ее подземные коммуникации — андеграунд. Кто в те годы бывал в писательском Переделкине и видел мирное сосуществование под сенью Литфонда инакомыслящих и какнадомыслящих, полагаю, не станет спорить со мной по этому поводу, конечно, если его сильно об этом не попросят. В общем и целом интересы «придумавших» и «придуманных» совпадали. Власти, как организму гормоны, необходима относительно безопасная критика, а настоящего художника всегда распирает от претензий к современной ему эпохе, будь это феодализм, капитализм или социализм. Неудовлетворенность существующим порядком

вещей — главная особенность, да и обязанность любого творца.

Вот строчки:

Довольно: не жди,
Не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство поди
И разбейся,
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать:

…Туда, — где смертей
И болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство,
Исчезни, Россия, Россия моя!

Интеллектуалы и мужья-ревнивцы схожи: и те и другие так и норовят крикнуть в критической ситуации: «Так не доставайся ты никому!» Но я о другом. Вдумчивый читатель, даже не узнав

стихов, сообразит: принадлежат они не нашему современнику, ибо сразу бросаются в глаза такие анахронизмы, как «мой бедный народ», «родина-мать», «Россия моя…». У современного поэта было бы «народ-рогоносец», «эта страна». Но пафос, согласитесь, близок нынешним настроениям передовой части отечественной интеллигенции. А ведь приведенные строки — это знаменитое стихотворение Андрея Белого «Отчаянье», написанное в 1906 году, то есть в эпоху, которую мы сегодня называем Серебряным веком, в ту эпоху, когда Россия на всех парусах двинулась к своему баснословному 1913 году. Андрей Белый умер в 1934 году, как сказано в некрологе, «советским писателем» и, полагаю, видел в последние годы жизни много такого, что может повергнуть душу в беспросветное отчаянье. Но своеобразие психологии творчества заключается и в том, что для полноценного художественного отчаянья творцу требуются известная бытовая устроенность и определенная личная безопасность. И наоборот, писатель, живущий впроголодь и каждую ночь ожидающий ареста, совершенно неожиданно начинает создавать образцы художественного оптимизма:

Ветер воется дующий

В паруса несвободы.
Чепуха. Я войду еще
Под победные своды.

(Николай Глазков, 1939)

Агрессивно-жизнеутверждающий пафос искусства сталинского периода — это не только прихоть безжалостного социального заказчика, в чем нас сегодня стараются убедить ястребы партийной публицистики, сделавшиеся в одночасье кенарами общечеловеческих ценностей. Это еще и чисто художническое стремление — поймать ветер светлого искусства, пусть даже в паруса несвободы! Характерно, что по мере предсказанного Бердяевым преодоления большевизма, по мере оттаивания режима, вплоть до того момента, когда каждый народ в нашей многонациональной стране получил право избирать и быть избранным, советское искусство становилось все пессимистичнее, угрюмее. С чего бы? Ведь за то, за что раньше превращали в лагерную пыль, теперь всего-навсего приглашали на беседу в ЦК. Любопытная деталь: с перебравшим в своей оппозиционности деятелем культуры разговаривали гораздо мягче, нежели с проштрафившимся хозяйственником или нашкодившим

номенклатурным главначпупсом. Оно и понятно: оппозицию нужно уважать, тем более что это не оппозиция режиму, а оппозиция режима. Разница существеннейшая: оппозиция режима сидела в президиумах, а оппозиция режиму — в лагерях или в эмиграции. Но я, молодой литератор, написавший нечто супротив комсомола под названием «ЧП районного масштаба» и вызванный в этой связи на заоблачный ковер, в ответ на вопрос хозяина кабинета: не повредит ли моя повесть будущим видам России, горячился и доказывал, что у писателя одна цель — правда, которая должна восторжествовать, пусть даже рухнет мир… И вот мир, прежний советский мир, рухнул. Кстати, тот деликатный функционер нынче в отставке без мундира. А при мундирах его соседи по цековскому этажу, те, что на меня орали.

Тоталитаризм рухнул, о чем я уже не раз писал, в результате восстания партноменклатуры против партмаксимума, ограничивавшего ее аппетиты. До 1861 года в России были крепостные-миллионеры, которых помещики ни за что не отпускали на волю. Примерно в том же положении оказалась к началу 1980-х и номенклатура, вместе со своей безграничной властью она безраз-

дельно принадлежала партии, заглядывавшей в кастрюли и постели. Надо ли объяснять, что в этих обстоятельствах 6-я статья Конституции СССР была обречена.

Пикантность ситуации заключается в том, что реальная оппозиция режиму (номенклатура) выражала свои интересы через оппозицию «придуманную», оппозицию режима (интеллигенцию). Традиционное недовольство интеллектуальной элиты временем умело ретранслировалось в общественное сознание, где, концентрируясь и накапливаясь, рождало революционные настроения.

Человеку всегда поначалу кажется, что проще взорвать старый дом и выстроить на том же месте новый, краше прежнего. Это потом, горюя на обломках, мы задним умом понимаем, что худая эволюция лучше хорошей революции. Но во время эволюции завлабы не становятся министрами, лейтенанты запаса — генералами, а мелкие жулики — миллиардерами. Это происходит во время революций. Может, Господь Бог и замыслил интеллигенцию в основном для того, чтобы объяснять народам преимущество эволюционного пути перед революционным, но с этой задачей российская интеллигенция в

который раз не справилась, ибо уж слишком упоительным оказалось ощущение, что твое слово, твоя правда становятся движущей силой творящейся прямо на глазах истории. У порядочных людей отрезвление наступило довольно быстро: выяснилось, что «твоя правда» — это лишь набор заблуждений, которые прежняя, свергнутая идеология запрещала высказывать вслух. Более того, даже правдивое слово честного человека может привести в движение «мильонов сердца» лишь в том случае, если это выгодно нечестным людям, борющимся за власть. Когда это им невыгодно, ты можешь обораться — никто ухом не поведет. Думаю, те, кто следит за нынешней оппозиционной прессой, да и вообще за прессой, со мной согласятся.

Однако жалующийся на нынешнюю жизнь деятель отечественной культуры вслух никогда не сознается в том, что своим теперешним ничтожным состоянием он, как ни странно, обязан своей гигантской роли в деле сокрушения прежнего режима. Ведь даже самому либеральному владыке закрадывается опасная мысль: если смогли тогда, то смогут и сейчас, коль разонравлюсь!

Именно поэтому, полагаю, решено было, выражаясь языком зоны, «опустить» властителей дум,

которые укоренившимся, обсидевшим глубокие кресла и обжившим госдачи новым властителям страны теперь уже без надобности и даже опасны. И сразу как-то не стало средств на отечественный театр и кинематограф, творческие союзы, серьезное книгоиздание, воспитание творческой молодежи… «Дак, рынок, елы-палы!» — скажет кто-нибудь.

Извините! Кому рынок — а кому мать родная. Нынешним демчиновникам уже не хватает помещений бывших райкомов и исполкомов, зато средств на содержание этой втрое по сравнению с застоем возросшей оравы дармоедов хватает. Хватает и на многократно возросшую охрану демократических лидеров. Выходит, коммунисты боялись народа меньше.

Хватает на все присущие власти излишества, а на отечественную культуру не хватает. Недавно бывший узник ГУЛАГа, автор знаменитых «Черных камней» Анатолий Жигулин позвонил моему товарищу и пожаловался, что у него просто нет денег на хлеб! Кто сыт его, Анатолия Жигулина, хлебом? В самом деле, зачем нынешнему режиму честно, а значит, оппозиционно мыслящие писатели? Ему хватает оппозиции в лице сидящих без зарплаты работяг да акционеров разных АО,

рухнувших потому, что правительство очень хочет, как я подозреваю, регулировать рынок с помощью большевистской «вертушки». Находят, правда, деньги на тех, кто по первой команде сверху готов по примеру великого пролетарского писателя кричать: «Если враг не сдается, его уничтожают!» Так было в дни «черного октября». А потом по команде они же принялись кричать о гражданском согласии, очень напоминающем перерыв между раундами, когда тренеры объясняют вымотанным боксерам, как лучше нокаутировать противника. И в этой новой политической ситуации невоплотившийся принцип буревестника революции заменен другим: «Если враг не сдается, его унижают!» Собственно, это и есть краеугольный камень нынешней информационной политики. Заметьте, официальные и официозные СМИ не полемизируют с противниками курса, они над ними иронизируют. Глумятся, короче говоря. Чем закончилось глумление над «хваленой американской демократией» наших прежних идеологов, мы знаем. Чем закончится нынешнее глумление над оппозицией, можно догадаться.

Что же делать? Куда писателю податься? Снова ловить ветер в паруса нынешней, более высоко-

организованной несвободы?

То, что я хочу сказать сейчас, возможно, будет воспринято как явное противоречие с тем, что сказано выше. Возможно, и так… Душа ведь не прибор для демонстрации незыблемости законов школьной физики. Сегодня, по-моему, уже всем очевидно, что маятник отечественной истории отклонился до отказа и даже начал свое движение в обратную сторону. Движение это будет стремительно нарастать, в сущности, независимо от того, физиономия какого политического лидера красуется на маятнике. Этот со свистом летящий в обратном направлении маятник можно очень легко использовать вместо ножа гильотины. Вжи-и-к! Пополам…

Если это случится, мы потеряем все, что приобрели за минувшее десятилетие. Да, приобрели, потому что наряду с чудовищными утратами были и приобретения. Ибо даже неудавшиеся реформы — это приобретенный экономический опыт, своего рода «знаю, как не надо». Геополитические потери — тяжкие, обидные, но необходимые уроки на будущее. Номенклатурная демократия, хоть она и осуществляется вчерашними партократами, — все-таки не партократия.

Несущийся со страшной силой в обратную

сторону маятник может все срезать под корень. Некоторые публицисты, с языками, липкими от наклеивания ярлыков, называют это угрозой фашизма. Обозвать страшным — особенно в нашей стране — словом неугодные общественно-политические процессы проще всего. Но в конце концов важно другое: метание из огня да в полымя никогда не идет на пользу стране, хотя тому, кто изучает макропроцессы, это может показаться интересным. Я не изучаю Россию, я живу в ней… Что же делать? Не знаю… Знаю лишь, что сегодня нужен весь гуманистический опыт российской культуры, весь авторитет отечественной интеллигенции, точнее, его остатки, напряжение всех сил, чтобы вернуть утраченное и не утратить при этом приобретенное. Готовы ли мы к этому? Или опять все повторится по горестной схеме Блока:

И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем…

«Правда», 1994

ГАЙКА — ОРУЖИЕ ДЕМОКРАТА

Сегодня, когда мы пытаемся понять, отчего пошла вразнос Русская земля и почему в ней начали княжить люди, которых и на пушечный выстрел подпускать к власти нельзя, особенно гневные упреки бросаются в адрес интеллигенции — творческой в первую очередь. Именно она, обладая мощными средствами эмоционального воздействия на общественное сознание, создала тот образ внутреннего врага, какового и сокрушил очнувшийся от тоталитарной летаргии народ. Скажу больше; на мой взгляд, народ был умело поднят на борьбу с талантливо выполненным художественным гротеском, с мифом о режиме, пожирающем своих граждан, а сам конкретный режим и — шире — строй свалены были попутно, впопыхах, на скаку к зловещей мельничной голограмме.

Я совсем не хочу сказать, будто у предшествовавшего мироустройства не было недостатков, вопиющих, унижающих, маразматических, но, по моему глубокому убеждению, это были недостатки изживаемые, устранимые эволюци-

онным путем. Думаю, для большинства рядовых налогоплательщиков и по сей день социализм с человеческим лицом ближе, нежели дикий капитализм даже с лицом Ростроповича. И главная вина отечественной интеллигенции, по-моему, в том, что она снова помогла навязать обществу революционный путь, путь потрясений под видом преобразований, приведший к колоссальным геополитическим, экономическим и культурным утратам. Чуть перефразируя А. Зиновьева, можно сказать: целили в ритуальное чучело коммунизма, а попали в реальную Россию.

Мне уже приходилось писать, что советская интеллигенция — и в этом ее главная особенность — была не оппозицией режиму, а оппозицией режима, который сознательно культивировал эту оппозиционность отчасти для демонстрации своей широты Западу, отчасти для того, чтобы восполнить отсутствие настоящих политических оппонентов. Была, как показали события, и еще одна причина. Когда партноменклатура (в широком смысле этого слова, ибо завкафедрой политэкономии и главный режиссер театра более «номенклатурны», чем, скажем, инструктор райкома) открыто взбунтовалась против партмаксимума, на штурм «старого мира» побежали

не матросы, перепоясанные пулеметными лентами, а именно отечественные интеллигенты, размахивая томиками «тамиздата». Что же касается выступлений нашей интеллектуальной элиты в прессе и на телевидении, то их можно смело сравнить с залпом из всех корабельных орудий «Авроры», и совсем даже не холостым…

Поговорите с любым честным западным интеллектуалом, и он порасскажет вам о своем родном обществе такого, что вам тут же захочется в Москву, в Москву… Мыслящий человек всегда оппозиционен существующему порядку вещей. Но скептическое отношение многих американских интеллектуалов к капиталистическим ценностям и внешнему экспансионизму Штатов не привело там к социалистической революции, расстрелу Белого дома из танков, а южные штаты не оказались унесенными ветром в Мексику. Зато мы, разрушив Берлинскую стену между немцами, возвели беловежскую стену между русскими. Лично мне не очень-то нужны такие общечеловеческие ценности, которые можно получить только в обмен на наши национальные интересы. Хотел добавить «дураков нет», но понял, что это выражение в данном случае не подходит.

Сегодня мало кто может повторить вслед за

Чаадаевым: «Слава Богу, я ни стихами, ни прозой не содействовал совращению своего Отечества с верного пути… Слава Богу, я не произнес ни одного слова, которое могло бы ввести в заблуждение общественное мнение…» Лично я — не могу. Нет, речь не о тех холуях умственного труда, кому все равно, какой режим обслуживать и что говорить, лишь бы давали чаевые, а чаевые по сравнению с советским периодом возросли на порядок. Весь вклад этих людей в сокровищницу отечественной политической мысли свелся к тому, что формулу «С Лениным в башке, с наганом в руке» они трансформировали в нечто вроде «С Сахаровым в башке, с «калашниковым» в руке».

Речь о других, о тех, что, совершенно искренне и публично предавшись упоительному российскому самоедству, принимая его за покаяние, сами не заметили, как внушили чувство исторической неполноценности целому народу, позволили нанести сокрушительный удар по патриотическому сознанию, которое выплеснули вместе с коммунистической идеологией. Вспомните, еще совсем недавно патриотизм был просто бранным словом и «зоологическим» чувством. А Великую Отечественную войну сначала сократили до аббревиатуры ВОВ, а потом и вовсе стали выдав-

ливать из нашей истории, представляя маршала Жукова истребителем собственных солдат, которые к тому же не умели воевать. Сейчас вроде одумались, но тем не менее к 50-летию Победы готовимся как-то с оглядкой, словно извиняясь за славу собственного оружия.

Ныне много говорят о безнравственности политики и низких моральных качествах самих политиков. Президент в каком-то телевизионном интервью признался, что отец его порол… Возможно, это и осталось бы фактом его трудного детства, а не отечественной истории, если бы деятели культуры толпами не бегали к нему в Кремль и не призывали выпороть сначала компартию, потом непримиримую оппозицию, затем парламент и т. д. Теперь они очень удивляются, что для очередной порки заголиться предложили им самим. А дело уже идет к тому, чтобы широкий ремень очередного «отца народов» стал основным способом решения всех проблем. Успевшие убежать от порки за рубеж, облокотясь о кафедры западных университетов, будут хаять русский народ, не выдержавший испытания демократией. Дурной интеллигенции, знаете, всегда народ мешает…

Но я-то веду речь о тех, кто не собирается менять

место проживания, кто независимо от этнической принадлежности хотел бы, как сказал поэт:

…долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить…

Что могут они? Что можем мы? Очень немногое. Можем не подавать руки нашему коллеге, совершившему интеллектуальную подлость. Редко, но помогает. Можем в тех нечастых случаях, когда власть интересуется нашим мнением, а не мнением будущих преподавателей Кембриджа и Гарварда, говорить то, что думаем, а не то, что от нас хотят услышать. Редко, но прислушиваются.

Можем, а точнее, обязаны помочь людям на следующих выборах (если состоятся) отличить серьезного, совестливого политика от очередного телевизионного позера с уровнем мышления кафедрального интригана. Уж и не знаю, что хуже: былой партократ, путающий управление государством с аппаратными играми, или былой завлаб, путающий управление страной с компьютерными играми. Как сказано, оба хуже…

Увы, от слоя населения, который принято именовать у нас в стране «интеллигенцией», сегодня

зависит очень мало: слишком низок нравственный, да и социальный авторитет. Сами виноваты: нельзя в одних случаях целовать броню танков, а в других — плевать на ту же броню в зависимости от того, какую политическую задачу эти танки выполняют. За танки в Чечне пусть вольнолюбивый Кавказ благодарит тех, кто призывал «добить гадину» на набережной Москвы-реки.

Но есть и еще один аспект: «опустить», как выражаются в местах не столь отдаленных, интеллигенцию независимо от ее взглядов, уверен, решили совершенно сознательно. Укрепившейся власти не нужны властители дум, ей нужна идеологическая обслуга. И обратите внимание — в самом беспомощном положении люди умственного труда оказывались при самых интеллигентных правительствах. Самоуверенный образованец, дорвавшийся до рычагов, — это та еще штучка! Для Горбачева и Ельцина, например, Солженицын — это все-таки Солженицын, а для писучего Гайдара, сына и внука писателей, он всего лишь старый ворчун, проспавший свой выход в грандиозном шоу под названием «Возрождение России». Это, кстати, и было продемонстрировано во время выступления автора «Архипелага» в Думе.

Реализм сегодня не в чести не только в политике, но и в искусстве. Вспомните, чем больше лютовала цензура, тем выше в прежние годы мы ценили произведения, которые несли в себе помимо чисто художественных моментов и честный анализ происходящих в обществе процессов. Любопытно, что реализм был пасынком и после Октябрьской революции. Это понятно: реализм дает оценку мироустройству на языке, понятном всему обществу, а не узкому слою посвященных, в тех редких случаях, когда есть во что посвящать. Недавно я беседовал с одним «новым русским» и сослался на книгу Юрия Трифонова. «А кто это?» — спросил он…

Совершенно не случайно оставленное государством без призора воспитание творческой молодежи сегодня взяли на себя различные, в основном зарубежные, фонды, отмечающие своей благосклонностью и премиями, как правило, наименее сориентированных на социальную проблематику и на национальные ценности авторов. Идеал — текст, чье влияние на умы ограничивается участниками семинара при кафедре русистики.

В том же ряду и оскудение мощнейшей прежде традиции журнальной литературы в России.

Лишившись государственной поддержки, стремительно дорожая, журналы независимо от направления теряют своих столь же стремительно нищающих подписчиков. Одновременно рынок заваливается ярко изданным и сравнительно недорогим западным чтивом. Лет семь назад я спросил у британского филолога, известен ли ему Дж. Олдридж, любимец советских издательств. После длительного раздумья он все же вспомнил это имя. Когда недавно я назвал тому же профессору несколько наиболее часто встречаемых на наших прилавках имен его соотечественников, он ответил, что таких писателей просто нет в природе, во всяком случае он, специалист, о них никогда не слышал… Традиция серьезного чтения — это национальное достояние, вырабатываемое веками, но теряется оно очень быстро. От чтения, которое учит думать, мы стремительно скатываемся к чтению, которое отучивает думать. Между прочим, гоголевский Петрушка тоже много читал!

Полагаю, все эти явления вписываются в тот процесс угрожающего разгосударствления страны, каковой последнее время стал беспокоить и саму правящую верхушку, сообразившую: править-то скоро будет нечем. Правда, они пока еще не возрождают Отечество, о чем без устали твердят, а всего-навсего пытаются вернуть на место те гайки, которые свинтили из стыков государственных рельсов, но не для того, чтобы, подобно чеховскому злоумышленнику, удить рыбу, а для того, чтобы, пользуясь гайками как кистенями, бить по головам своих политических противников. Сейчас гайки прикручивают. Скоро, думаю, начнут закручивать. Это естественно: ведь и вся предшествовавшая политическая борьба была всего лишь битвой за гаечный ключ. Лично для меня важнее другое: имя поезда, который, угрожающе громыхая, мчится по полуразобранным рельсам, — Россия…

«Правда», 1995

ГРЕШНО ПЛЕВАТЬ В ЧУДСКОЕ ОЗЕРО

Давайте порассуждаем на уровне «ты меня уважаешь?» Если вы думаете, будто это сакраментальное словосочетание означает лишь то, что застолье плавно переходит в заурядную пьянку, вы глубоко ошибаетесь. «Ты меня уважаешь?» — главный, я бы сказал, краеугольный вопрос человеческих взаимоотношений, взаимоотношений государства и народа, а также взаимоотношений между народами и государствами.

Социализм с доперестроечным лицом рухнул потому, что он человека не уважал, а только учитывал как фактор. Собственно, исключительно на обещании уважать конкретного человека и пришли к власти люди, именующие себя демократами. Обманули, конечно. Более того, человека перестают учитывать даже как фактор. Межнациональные конфликты, а точнее — бойня… Опаснейшая, скрытая, но все более открывающаяся безработица… Тропический рост цен, когда стоимость гипотетической потребительской

корзины в несколько раз выше символической средней заработной платы… Взрыв преступности: идешь по улице и чувствуешь себя жестяным зайцем из тира… А «новые русские»? В своем большинстве они просто-напросто заняли место номенклатуры у госкормушки, только влезли туда с ногами и не столько едят — сколько «за бугор» утаскивают, подальше от остальных! Но довольно об этом. Очень многим сегодня хочется снова почувствовать себя хотя бы «человеческим фактором».

Сила государства — в уважении народа. Мысль не новая, но тем не менее. Может народ уважать государство, где выяснение отношений между ветвями власти заканчивается танковой пальбой по парламенту? И В. Листьев, мне представляется, погиб не от пули наемного убийцы, а от осколков тех октябрьских снарядов, рвавшихся в окнах черного от копоти Белого дома… Организованная преступность резонно оправдывается: «А мы-то что? Мы — как они там, наверху. Но пользуемся, заметьте, только стрелковым оружием, разве что в особых случаях подкладываем бомбы под автомобили!»

А теперь об уважении на международном уровне. Можно уважать государство, которое,

решив выводить свой народ из застоя, ввело его в прострацию? Государство, которое дернуло со своих геополитических рубежей чуть не нагишом, как застуканный суровым супругом любовник? Хоть бы вещички собрали. А ведь в ту же Европу мы пришли буквально по костям миллионов собственных сограждан, что бы там сегодня ни говорили. Да, конечно, Сталин не Черчилль. Но ведь и Черчилль не Джавахарлал Неру! А можно ли уважать государство, которое собственную армию довело до такого состояния, что солдаты и офицеры боятся журналистов больше, чем вооруженного противника? Можно нас уважать, если мы ядерное оружие, как при Левше, скоро начнем кирпичом чистить? Могут американцы, поднимающие международный хай, когда их соотечественнику наступят на ногу в панамском трамвае, уважать Россию, которая с какой-то дебильной фригидностью наблюдает, как подвергаются утеснениям и унижениям 25 миллионов русских, оказавшихся вдруг за границами, прозрачными, точно старческая катаракта?

А как насчет уважения к политикам, если они, чуть что у них не ладится, бегут жаловаться на оппозицию к зарубежным коллегам, как раньше бегали жаловаться в партком на неверного

супруга? Те, конечно, и посочувствуют, и поддержат, и финансовую помощь пообещают, может, и отстегнут под — немалые, разумеется! — проценты… Но ведь это — даже не жалость, это — плохо скрываемое презрение. Думаете, наши политики не понимают? Отлично понимают, но поступают в точности по рецепту своих пламенных предшественников. Те пугали нас империалистической агрессией, а нынешние — финансовым охлаждением Запада. Собственно, это единственное отличие автора книги «Государство и революция» от автора книги «Государство и эволюция», если не сопоставлять масштабы личностей.

Народ, не уважающий собственных прошлых побед, обречен на будущие поражения. Даже в самые мрачные годы наша Победа в Великой Отечественной войне была свята. И дело не в том, что никто не знал о заградотрядах и подлом отношении к собственным солдатам, попавшим в плен. Не в том, что могли-де малой кровью, а положили миллионы. Разговор о малой крови — это вообще из области гематологии, и события в Чечне это страшно подтвердили. Наконец, дело даже не в том, что хуже — свастика или звезда. А именно такая дискуссия навязывается нам ныне. Звезду придумал, кстати, не тамбовский крестья-

нин… Но какая, в сущности, разница, при каком режиме народ борется за свое существование, спасая к тому же от истребления десятки народов, — при тоталитарном или демократическом? Предают-то в случае чего не режим, а Родину.

Это, кстати, относится и к многочисленным книгам В. Суворова-Резуна, которые изданы у нас тиражом едва ли не большим, чем Карамзин, Соловьев и Костомаров, вместе взятые. Кстати, я хотел бы посмотреть, каким тиражом издавались бы в США написанные успевшим перебежать к нам тем же Эймсом книги про то, что-де все американское благополучие зиждется на костях десятков миллионов несчастных негров, в течение столетий вывозимых из Африки и зачастую отправлявшихся на тот свет еще по пути в Новый Свет? Даже если бы каждое слово в книгах В. Суворова-Резуна было правдой (а это совсем не так), я бы все равно спросил: «Ну и что?» Святой Александр Невский разбил немцев и шведов вообще будучи под оккупацией Золотой Орды и пользуясь ее золотым ярлыком, как аусвайсом… что ж, теперь из-за этого всенародно плевать в Чудское озеро?

А ведь плевали! Чего только стоила эта одно время поселившаяся в средствах массовой

информации, особенно на ТВ, извиняющаяся интонация по поводу нашей Победы в Великой Отечественной войне… Мол, нет, чтобы ширпотребом прилавки заваливать да сельское хозяйство поднимать, — развоевались, аж до Берлина доперли! Да еще пол-Европы ядовитыми клыками социализма, как вампиры, перекусали! Совершенно забывая при этом напомнить, что тогда, перед войной, не пол-Европы, а вся Европа социализмом прихварывала и ради сталинского антифашизма закрывала просвещенные очи на его тоталитарные художества. Перечитайте Фейхтвангера… Вы никогда не задумывались, почему вождь своим опальным соратникам неизменно связь то с Германией, то с Японией присобачивал с тем же упорством, с каким сегодня любую оппозицию стараются в красно-коричневые записать?.. Ну конечно, чтобы просвещенную Европу порадовать!

А где было наше жаждущее международного уважения государство, когда за границами стали валить памятники советским солдатам? Очень хорошо помню эти сюжеты в информационных выпусках, когда наши, между прочим, а не их комментаторы с плохо скрываемым злорадством поучали: вот что бывает с памятниками тем,

кто принес свой чудовищный строй на штыках другим народам! Давно нет уже там ни наших памятников, ни наших штыков, а коммунисты, слегка переназвавшись, то там, то тут к власти с помощью демократических выборов приходят. А нет ли в этой самой идее, как, впрочем, и в буржуазной, судя по многолетнему опыту, неких извечных, неуничтожимых исторических вирусов? Поэтому нечего из нашего народа эдакого бациллоносителя делать! Пусть время разбирается, кто кого заразил…

Результаты неуважаемости ждать себя не заставили: нас вдруг продинамили с торжествами по поводу открытия второго фронта. А некоторое время спустя случайно подзабыли, кто из союзников освобождал чудовищный Освенцим: вроде как его совместными усилиями Польши, Америки, Германии и Израиля освободили… А тут еще одна любопытная вещь выяснилась: немцы, получается, перед всеми народами за свой фашизм виноваты, но только не перед нами: оказывается, мы, по мнению Суворова-Резуна, первыми напасть хотели: танки на шинном ходу для езды по европейским автострадам перед войной строили… Да если бы даже тогдашнее Политбюро открытки с Эйфелевой башней и словами

«Привет от Васи из Парижа!» печатало, — какое это имеет отношение к миллионам погибших на той войне?! Если мы такими уж историческими поганцами в ту пору были, что ж западные демократии с нами против Гитлера объединялись, а не с Гитлером против нас? Конечно, в истории все было сложнее, но ведь даже сложность элементарной нравственности не отменяет!

Кстати сказать, многоуважаемых г-д Клинтона и Коля на Красную площадь 9 Мая мы приглашаем не бюсту «вождя народов» кланяться, а склонить головы перед памятью этих несчитаных миллионов. Вот ведь в чем дело. Но эти господа затрудняются даже пообещать, что приедут на наш главный праздник: не уважают! Одного война в Чечне смущает. Не буря, понимаете ли, это в пустыне! Другому в качестве командировочных подавай художественные ценности, вывезенные из размолоченной Германии в качестве компенсации за неисчислимые культурные утраты, понесенные нашей страной в годы войны! Реституцией это, извините за выражение, называется.

Но давайте встанем на их место! Трудно — но попытаемся. Мы бы, например, на их месте поехали? Поехали бы в страну, куда посылаются списанная с их военных складов тушенка и недо-

ношенная их гражданами одежонка? В страну, которая к своим недавним союзникам и в Европе, и в Азии, и в Африке относится с переменчивостью склеротической кокетки? В страну, где один журналист в связи с убийством другого журналиста заявляет многомиллионной телеаудитории: «Теперь в этой стране делать нечего. Надо уезжать!»?

Человек может жить, где хочет. Но для подобных заявлений существует ОВИР. При чем тут национальное телевидение? Поехали бы мы с вами на праздник в страну, которая наряду с нефтью экспортирует за рубеж тонны боевых наград, принадлежащих умершим и живым ветеранам, ибо живым, как ни странно, нужно есть? В страну, еще до сих пор не захоронившую прах тысяч воинов, лежащих в сырой земле там, где их и застала гибель?! В страну, где страшным словом «фашист» политики в своих шкурных интересах пользуются, как продавцы клейкими ценниками в универсаме?! Вы любите ходить на юбилеи к неуважаемым людям? Я не хожу. Поэтому на их месте я бы тоже не приехал. Поэтому-то и звать-надрываться не след…

Впрочем, зачем нам ставить себя на их место? У нас есть свое место — и оно в России. А слово «уважать» подходит к взаимоотношениям между людьми, между народом и государством, между государствами, но только — не между человеком и его Родиной. Родину, простите за подзабытую банальность, можно только любить. По-всякому — с нежностью, с восхищением, с уважением, с горечью, с досадой, — но только любить… Поэтому нас-то на праздник Победы звать не надо. Мы придем — со слезами на глазах, как поется в песне. Будем праздновать эту святую дату с уважением к прошлому Отечества и с надеждой, что уж следующий юбилей Победы отметим с уважением к настоящему Державы. А это, поверьте, немало для нашего неуважительного времени…

«Труд», 1995

НАШИ ГОСТОМЫСЛЫ

Эпоха перемен — это всегда время авантюристов и подвижников, ворюг и работяг, гостомыслов и патриотов. Первые начинают, процесс идет, а когда страна превращается в груду обломков, за дело берутся вторые и спасают государство. Почему вторые никогда не начинают первыми — одна из загадок российской истории.

1. Кто такие гостомыслы?

Великий Лев Гумилев считал, что слово «гостомысл» только со временем превратилось в имя собственное, обозначив полумифического старейшину Гостомысла, призвавшего Рюрика владеть нами, беспорядочными. А первоначально «гостомыслами» на Руси называли тех, кто благоволил иноземцам — «мыслил гостям». Люди, определяющие сегодня судьбу страны, не только зачастую «мыслят гостям», но и мыслят как гости…

Гостомыслы есть в любом народе. Проще всего, конечно, объяснить дело кровью, генами, и всех людей, в ком течет хоть капля «нетитульной» крови, объявить потенциальными гостомыслами и строго за ними приглядывать (так, кстати, и поступают на государственном уровне во многих местах ближнего зарубежья). Но что тогда делать с русским лингвистом Иваном Бодуэном де Куртене, героем Севастополя инженер-генералом Эдуардом Тотлебеном, мастером русского стиха Борисом Пастернаком и тысячами других известных и миллионами безвестных людей, верно служивших государству Российскому, которое

никогда бы не достигло своих размеров и мощи, если б занималось выяснением, откуда приехал Аристотель Фьораванти, почему Пушкин смахивает на эфиопа и зачем такая странная фамилия у летчика Гастелло. Гостомыслье — мировоззрение. Оно формируется иногда семьей, иногда обстоятельствами, чаще идеологией, порой это просто характер, а характер нынче принято объяснять исключительно астрологией. Я знал одного гостомысла, буквально ненавидевшего страну, где родился, за то, что вместо коммуналки он никак не мог получить отдельную квартиру. Он говорил, что в Европе каждый работающий имеет коттедж. Мысль о том, что он мог родиться в Африке, где попросту умирают с голода, ему в голову не приходила. Сейчас он в Америке, и эта страна ему тоже не нравится, потому что в районе, где он живет, много негров, а на более приятное окружение у него не хватает денег.

Но это — примитивное, потребительское гостомыслье. Бывает и другое — интеллектуальное. Вот литератор Л. Бежин, именующий себя «русским православным европейцем», с презрением пишет в «Новом мире» про мордастого лавочника в картузе и поддевке, сдувающего пену с пивной кружки, сплевывающего на мостовую шелуху

подсолнечников и призывающего к еврейским погромам… А буквально через несколько абзацев наш русский православный европеец с восторгом живописует «почтенных немецких пивоваров, наполняющих пенистой струей тяжелые кружки» и с партитурой в руках слушающих оперы Вагнера и симфонии Брамса… Я даже не буду останавливаться на том общеизвестном факте, что чудовищный многомиллионный погром, в том числе и еврейский, вылился не из российских трактиров, но как раз из музыкальных немецких пивных, а только напомню, что «мордастый лавочник» вместе с чадами и домочадцами сгинул после революции в подвалах ЧК или в ГУЛАГе и, вполне возможно, по приговору какого-нибудь «русского европейца»…

И еще я хочу отметить это безотчетное и в то же время умозрительное (ведь поддевку-то автор только на старых карикатурах или в музеях видел) пренебрежение к собственному народу: и пену-то он не так сдувает, и картуз-то носит, и семечками мусорит. Эх, да европейские или американские зрительные залы к концу дня просто завалены бумажками от жевательных резинок и чипсов — этих семечек конца XX века. Ну и что с того?

Кстати, именно эта разновидность гостомыслов-интеллектуалов постоянно говорит о народе как об источнике повышенной опасности. Сейчас вот достали всех пресловутым «русским фашизмом», которым, конечно же, легче себе самим и миру объяснить грозное недовольство ограбленного и согнанного с родных мест населения (обобранные крестьяне, кстати, тоже гостомыслам-переломщикам в свое время очень не нравились: «запечный разврат» и все такое прочее!). Но фашизм-то тут при чем? Такой терпимый к иным племенам и незлопамятный народ, как наш, еще поискать! Если б не так, то во время буденновской бойни чеченскую диаспору на российских просторах на куски разорвали бы. Но не было такого и не будет, что бы там ни накликивали заполошные чибисы «русского фашизма»!

2. Без порток, но в джинсах

Объективности ради надо сказать, что советская власть немало потрудилась над формированием довольно обширной колонны гостомыслов в стране. Это были гостомыслы-романтики, и такой тип мировоззрения мог сформироваться только за железным занавесом в условиях господства моноидеологии. Если человека насильно заставляют верить в Бога, он верит в черта, если заставляют верить в коммунизм, он верит в антикоммунизм.

Мы проиграли Третью мировую войну, потому что мы проиграли войну идеологий, а войну идеологий мы проиграли, потому что проиграли войну жизненных стандартов. О том, почему это произошло, написано уже много — и о неповоротливости нашей экономики, и о скованности людской инициативы, и о зловещем преобладании группы А над группой Б… Сейчас, правда, стали писать, что в результате реформ А упало, Б пропало, но это — тема отдельного разговора…

Застой у нас, конечно, был, но это был, если так можно выразиться, проточный застой… Мы хотели большей социальной справедливости, а

огребли большую социальную несправедливость. Вместо того чтобы расчистить протоки, второй раз за столетие решили рыть новое русло. За то и расплачиваемся! Расплачиваемся за главный принцип гостомыслов: или так, как там, или никак! Неважно, где «там» — в капиталистической Европе или в «Капитале» Карла Маркса. Правда, острое недовольство своим уровнем жизни было в основном у элиты, не случайно несгибаемые большевики, до старости довольствовавшиеся регулярным продуктовым заказом и бесплатной путевкой в барвихинский санаторий, своих детей и внуков старались пристроить поближе к той небольшой скрипучей дверце в железном занавесе, которая помогала приобщаться к жизненным стандартам идеологического противника. Окончив спецшколу и хороший вуз, потомки старых большевиков, привозя из-за границы джинсы и запретный том Генри Миллера, говаривали, что мы так не умеем ни шить, ни писать. При этом они как-то не задумывались, что если б не преобразовательный зуд их дедов, то наши Саввы Морозовы и другие работяги в картузах и поддевках завалили бы джинсами с романтическим названием «портки» полмира, а что касается генри миллеров, то они у нас перед революцией

косяками ходили, как карпы в правительственном пруду. Кстати, по одной из легенд, Гостомысл был внуком Вандала. Улавливаете? Впрочем, скрипучей дверью пользовался авангард гостомыслов, большинство же ограничивали свой кругозор щелями и дырочками в проржавевшем железном занавесе. Это многое объясняет в наших нынешних заморочках и в наших нынешних лидерах. Чего только стоит один московский префект, принимавший население, надев форму американского шерифа… Пустячок, а символ!

Обозначился и главный политический постулат гостомыслов-романтиков. «Заграница нам поможет…» Такая, понимаете, разновидность идеи мировой революции, только теперь идущей в обратном направлении. Но загляните в любой учебник истории: если в чем и может одна великая геополитическая общность помочь другой, так только в максимально быстром и бесшумном исчезновении с арены мировой истории. Можно дружить семьями, народами, даже государствами. Геополитическими интересами, зачастую противоположными, дружить невозможно. Новое мышление — это когда любители отбивных, опасаясь, что мяса на всех не хватит, начинают пропагандировать вегетарианство. Смешно, но

окруженная убежденными мясоедами Россия на эту диету села и сразу катастрофически потеряла в весе. Нынче ее просто качает атлантическим ветром. А немалую часть населения качает от недоедания…

«А права человека?!» — воскликнете вы. Вот ведь совсем из головы вылетело! Тут, конечно, неоспоримая заслуга гостомыслов, настолько неоспоримая, что впору ставить памятник. Я бы предложил поставить танк. На площади Свободы, возле Белого дома. Вот ведь парадокс: люди, не простившие советской власти танки на Вацлавской площади, бурно приветствовали танки на Краснопресненской набережной. Большевики начали с холостого залпа «Авроры», а закончили ГУЛАГом. Чем могут закончить гостомыслы, предпочитающие кумулятивные снаряды, одному Богу ведомо. Впрочем, о Чечне, сначала старательно вооруженной, а теперь кровавой ценой замиряемой, ведаем и мы… «Но свобода слова?!» — еще раз воскликнете вы. Да, конечно… Только наша нынешняя свобода слова напоминает мне родовой послед, стремительно пожираемый самой же сукой…

3. Портрет Дориана Грея

Но мало кто предвидел это в 1985-м, когда гостомыслы взяли власть в стране одной рукой, и понимал в 1991-м, когда они взяли власть обеими руками. Чтобы понять, понадобилось время.

Понадобились чудовищные внешнеполитические провалы Горбачева — этого лучшего немца всех времен и народов; крах реформ Гайдара — этого классического гостомысла, чьим именем еще долго будут пугать студентов экономических факультетов во всем мире; понадобился развал СССР, на который Б. Ельцин, борясь за власть, пошел сознательно, но и не без влияния советчиков-гостомыслов, говоривших примерно следующее: «Да куда они, Борис Николаевич, денутся — все равно прибегут к нам со своими кринками, казанами и бурдюками за нашей расейской нефтьюшкой!» Прибежали… А что толку? За такие советы Иван Грозный смолу в глотку заливал. Понадобилась череда геополитических унижений, когда нам мягко, но твердо объяснили, что сфера интересов Запада везде, а сфера интересов России ограничивается восстановленным Красным кремлевским крыльцом. В ответ

на запоздалые упреки советники, как и положено людям с гостевым мышлением, отвечают теперь, что, если ими недовольны, они готовы хоть сейчас уехать преподавать куда-нибудь в Гарвард. Но не едут… Только один на моей памяти, сброшенный в буквальном смысле слова с теплохода современности, отбыл послом в Ватикан. Но их время кончается, это понимают все — и острее других, между прочим, сам Б. Ельцин, человек с выдающимся инстинктом самосохранения.

Полагаю, он осознал, а может быть, понимал всегда, исходя из той же истории КПСС: с помощью гостомыслов можно взять власть. Но направить эту власть на созидание, а не на разрушение, опираясь на гостомыслов, невозможно. И они, легко прощавшие Б. Ельцину многие ошибки и несуразицы, этого понимания своей политической неуместности никогда ему не простят. Неуклонная сатиризация образа президента в средствах массовой информации — самое верное тому свидетельство… Иногда этот образ напоминает мне своего рода портрет Дориана Грея, зловеще запечатлевающий всю безнравственность и бестолковость гостомысльского периода нашей истории. Вероятно, гостомыслы-романтики полагают, что таким образом сами они в глазах

общества останутся чистыми и непорочными, как нецелованный и непьющий юноша Дориан… Напрасно. Приходит время других людей. Они, кстати, все чаще, к неудовольствию гостомыслов с подпольным стажем, появляются в коридорах власти. Наша верхушка уже сегодня напоминает диковатую пару времен Гражданской войны: кожаный комиссар из германского вагона и красный военспец из окопов германской… Но сначала несколько слов о сформировавшейся за последние годы новой разновидности гостомыслов — прагматиках.

4. Насчет клубнички

Они — плод маниакального стремления боевитых внуков создать класс собственников в такие же сжатые сроки, в какие их деды в пыльных шлемах этот класс уничтожили.

В идеале формирование нового класса собственников мыслилось наподобие того, как в последние годы «застоя» работали некоторые колхозы-клубниководы: заходишь в поле, шесть туесков собираешь колхозу, седьмой — себе. Кто быстрей собирает, тот больше домой клубники и уносит. Но то ли в результате неумных законов, то ли в целях быстрейшего создания нового класса — опоры реформ — уносить с колхозного поля стали всё, что собрали, а тем, кто сажал, полол, поливал, травил садовых вредителей, ничего не доставалось, кроме нищенской зарплаты с полугодовым опозданием. Но это еще не все. Поскольку желающих попользоваться насчет клубнички оказалось слишком много, самые сообразительные и крутые стали действовать методом кнута и пряника. Пряник с большим количеством нулей — председателю колхоза, чтобы других в поле не допускал. Кнут — наив-

ным гражданам, вообразившим, будто в садовом бизнесе все дело в усердии и умении быстро рвать ягоды… Вот вам исток нашей чудовищной коррупции и преступности.

И это еще не все: совершенно не беспокоясь о том, как отразятся их действия на будущих видах России, гостомыслы-прагматики нашу с вами «ягоду» гонят по дешевке за рубеж, а выручку складывают в тамошних банках, улучшая и без того некислую зарубежную жизнь и ухудшая нашу и без того несладкую. Но гостомыслам-романтикам дела до этого безобразия нет, они обещали, что уже наше поколение будет жить при капитализме, и в отличие от коммунистов, не дотянувших по многим причинам до социализма с человеческим лицом, свое слово сдержали, ввергнув нас в капитализм с неандертальской мордой.

Но шутки — в сторону. Итак, что мы имеем в результате? А имеем мы страну, отброшенную в своей геополитике в XVII век. Хотел бы я узнать, что сказали бы американцы, вдруг в результате реформ проснувшиеся в деревянном форте, обложенном гикающими индейцами? Мы имеем такое удручающее расслоение общества, что осталось только ввести закон, по которому 95

процентов населения должны падать ниц перед приближающимся «мерседесом» и под страхом отсечения головы не подниматься с колен до тех пор, пока не рассеется пыль. Мы имеем войны и предвоенное напряжение на рубежах — верный признак развала страны. Алмазная республика Якутия, Амурско-китайская автономия или Прикаспийский черноикорный каганат — не такая уж нелепая фантазия. Мы имеем неслыханный упадок национальной науки и культуры, неведомый даже в те времена, когда гостомыслы в кожанках пароходами сплавляли философов за границу. Мы имеем мощнейший, чисто колониальный натиск западной массовой культуры и идеологии. Реформа гуманитарных наук в школе и вузах движется в таком направлении, что для следующих поколений солнце будет всходить с Запада, а сама Россия с замороченным населением будет восприниматься как несчастная часть Аляски, которую царь-освободитель не успел вовремя продать в цивилизованные руки, так как был убит арабскими террористами, а потом началась черносотенная реакция — и стало не до этого…

5. Последнее прибежище

Что мы можем? Единственное: отправить самых неугомонных гостомыслов-романтиков преподавать на Запад. Если их не будут брать, сброситься всем миром и дать взятку, чтобы взяли… Если они и там примутся за реформы, баланс мировых сил может резко измениться в нашу пользу. К власти должны прийти патриоты — не те люди с ущербно-озлобленными лицами и бредовыми лозунгами, не те недотыкомки, которых старательные операторы выискивают на каждом оппозиционном митинге и которых, по теории вероятности, можно обнаружить при любом большом скоплении людей, даже на встречах либерально настроенной интеллигенции с президентом. К власти, разумеется, в результате выборов должны прийти патриоты в первоначальном смысле этого слова, не замутненном лукавыми толкованиями, люди, готовые на жертвы, лишения, даже унижения, — чтобы вытащить страну из грязи и вернуть основной части населения для начала хотя бы тот уровень жизни и безопасности, с какого стартанули пресловутые реформы. И прежде всего нужно

прямо сказать: да, у России, как у любой другой страны, — свой собственный путь. Возможно, все семьи счастливы одинаково, а несчастны по-разному, но с народами дело обстоит как раз наоборот: все народы несчастны одинаково, а счастливы по-разному.

Ради реального, а не фуршетного возрождения страны стоит потерпеть и затянуть потуже пояса, хоть туже вроде уже и некуда. Кстати, и гостомыслы уже не обещают нам скорого благоденствия, но тоже предлагают потерпеть. И если уж терпеть, то ради восстановления державы, а не ради дальнейшего ее растаскивания. Да, нас ждет пора самоограничений и ригоризма. Это неизбежно после такого разгрома государства и экономики. Но самоограничения надо начинать сверху, а не снизу, как сейчас. В свое время был введен партийный максимум, то есть строгое ограничение доходов нового красного чиновничества. Может быть, именно с этого и началось то «преодоление большевизма», о котором писал в свое время Н. Бердяев. Партмаксимум, увы, впоследствии сменился номенклатурным злоупотреблением. Сегодня мы живем в обстановке «демократической» обираловки. Выход — патриотический максимум, самоограничение ради будущего

наших детей. Способ — личный пример власть имущих. Политики, начинающие строительство светлого будущего со своей четырехэтажной виллы, нам не нужны. Впрочем, они не нужны нигде…

А что же делать, спросите вы, с гостомыслами-прагматиками? Ничего. Они на то и прагматики, что как только им будет выгодно зарабатывать на усилении собственной державы и обогащении народа, а не на ее ослаблении и грабеже, они сразу станут патриотами, пусть патриотами-прагматиками. Отлично! Одни будут «умом Россию понимать», а другие будут в нее «просто верить». Так и сработаемся. Так и победим. Останутся, конечно, и те, что будут упорно проповедовать гостомыслье, эдакие гостомыслы-фундаменталисты. Тоже хорошо! В небольших количествах (и не у власти) гостомыслы нужны каждому обществу; чтобы голова от успехов не кружилась и чувство национальной исключительности под ногами не путалось. Но уверяю вас, большинство гостомыслов-романтиков, как это уже и бывало в нашей истории, дело себе отыщут. Став истошными патриотами и обнаружив в сдувании пивной пены символ исконной народной удали, они будут ездить по городам и весям с лекциями «Россия

на стрежне прогресса», писать книги «Смердящие штаты Америки», а в телевизионных репортажах возмущаться ленью и филистерством западного общества. Их даже урезонивать придется: мол, что вы такое несете? Америка — прекрасная страна, а народ там просто замечательный… Но вряд ли они послушают, может, даже начнут обвинять нас в антироссийских настроениях. Но это будет завтра, а сегодня они еще любят, словно заглядывая в будущее, повторять вслед за британцем С. Джонсоном слова, которые почему-то приписываются Льву Толстому: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя…» Я бы, правда, перефразировал помягче: «Патриотизм — последнее прибежище гостомысла…»

«Труд», 1995

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД УРНОЙ
Двадцать один совет другу-избирателю

Скоро выборы в Думу. Многие средства массовой информации с деликатностью агрегата для забивания свай убеждают нас, что ничего путного из этих выборов не получится, что список кандидатов напоминает по толщине «телефонную книгу» и что нормальные граждане на выборы вообще не придут. А для тех, кто плохо поддается внушению и все-таки собирается прийти к урнам, постоянно публикуются различные рейтинги, которые так же соответствуют действительности, как членораздельная надпись на сарае его реальному содержимому.

Идти на выборы, конечно, надо, хотя бы для того, чтобы по заслугам отблагодарить тех, кто руководил нами в последние годы и явно отсидел свое, по крайней мере в Думе. Но как снова не ошибиться, как сделать такой выбор, чтобы не было мучительно стыдно последующие пять лет, а возможно, и всю оставшуюся жизнь? Вот несколько советов. Надеюсь, они помогут вам

избежать досадных промахов и выбрать таких депутатов, которые будут видеть в нас людей, а не электорат.

Совет первый. Человек, который достоин заседать в Думе, должен прежде всего выглядеть абсолютно нормальным и вызывать положительные эмоции. Орущие, хамящие, дерущиеся, плюющиеся, плескающиеся и пр., а также вызывающие вольные или невольные ассоциации со знаменитой лечебницей имени П.П. Кащенко отметаются сразу и навсегда.

Совет второй. Будущий член Думы, понятное дело, должен уметь думать и выражать свои мысли в адекватной форме. Те, кому и первое, и второе дается с таким же трудом, как теннис адвокату Макарову, пусть лучше возвращаются туда, откуда пришли — в бизнес, на производство, в поля, в армию, на театральную сцену, в мафию, в коридоры власти.

Совет третий. Кандидат, о котором ходят упорные слухи, — то ли он у кого-то шубу украл, то ли у него украли, — тоже нам не подходит. Пусть сначала разберется с этими шубами, а потом уж лезет в политику. Если он утверждает, что гнусно оклеветан прессой, сообщившей о наличии у него роскошной виллы в Пальма-де-Мальорка,

не спешите ему верить, хотя не исключено, и он говорит чистую правду: просто его вилла находится в Пальма-де-Соль.

Совет четвертый. Кандидат, носящий на шее золотую цепь величиной с национальный доход суверенной Эстонии, тоже не годится. Богатство, как и красота, требует ежедневных забот: ему будет просто не до своих избирателей. Не нужен нам и соискатель, одетый в засаленный костюм довоенного покроя. Одно из двух: или он чудовищно беден, что очень портит характер и отвлекает от законотворчества, или он чудовищно богат и подло скрывает это. Если в прежнюю Думу он баллотировался все в том же засаленном костюме и прошел, значит, он уже богат и не подходит нам по причинам, изложенным выше. Бизнесмен, конечно, может быть депутатом, но депутат не может быть бизнесменом.

Совет пятый. Кандидат не должен появляться на людях в окружении более чем четырех охранников. В противном случае в его биографии есть какие-то темные криминальные пятна, и он опасается возмездия. Если вы не хотите пулеметных разборок и в Думе тоже, решительно игнорируйте этого подозрительного искателя вашей избирательской благосклонности.

Совет шестой. Если кандидат томился за свои убеждения в местах лишения свободы, полюбопытствуйте, в чем именно заключались его убеждения. Вполне возможно, они сводились к убежденности в том, что свободный человек имеет полное право растрачивать казенные деньги или посвящать несовершеннолетних в восхитительные тайны секса.

Совет седьмой. Соискатель думского мандата должен быть женат и иметь детей, иначе проблемы рядовой российской семьи будут ему непонятны и даже чужды. Его дети, по крайней мере, на период предвыборного марафона должны посещать одно из отечественных учебных заведений или трудиться на одном из отечественных предприятий, предпочтительно бюджетном. Если у кандидата есть внебрачная связь, то убедитесь с помощью молодежной прессы, что его партнер не одного с ним пола, а сам политик не транссексуал. Я не против сексуальных меньшинств, упаси бог. Но будет нелепо, если эти меньшинства составят в новой Думе большинство. История Отечества может тронуться в самом неожиданном направлении.

Совет восьмой. Грядущий парламентарий не должен менять свои принципы больше одного

раза за весь период политической деятельности. Единожды это допустимо, ибо порой видение, скажем, под древом или голос из космоса круто меняли взгляды и жизнь разных людей. Возьмем того же принца Гаутаму, ставшего Буддой, или Андрея Козырева, ставшего русским империалистом. Но если судьбоносные видения приходят к человеку регулярно в зависимости от направления кремлевских сквозняков, то ему лучше пойти работать политическим обозревателем на ТВ.

Совет девятый. Человек, уже однажды получавший в руки рычаги власти и, как выражаются музыканты, облажавшийся, пусть занимается не политикой, а чем-то другим, например, разводит розы или разводит руками перед телекамерами. Утверждения, что на ошибках учатся, верны не только в отношении ошибшегося политика, но и в отношении избирателей, от этих ошибок пострадавших.

Совет десятый. Если кандидат обещает вам взрыв изобилия и разгул правопорядка через 100 или 500 дней после избрания в Думу, не выбирайте его! Скорое благоденствие бывает только в телевикторинах с их лукавыми ведущими да еще, возможно, в рекомендациях Международного валютного фонда.

Совет одиннадцатый. Избегайте кандидатов, тратящих на предвыборную кампанию слишком большие средства. Главный признак: соискатель появляется на телеэкране так же часто, как реклама женских гигиенических прокладок. Помните, возвращать эти деньги кредиторам будущего думца придется нам с вами!

Совет двенадцатый. Произнося такие слова, как «Россия», «патриотизм», «народ», «государственность», «возрождение Отечества», кандидат не должен кривиться, словно от зубной боли, но и не должен бить себя в грудь, будто Кинг-Конг. Я бы отдал предпочтение тем политикам, из чьих лексиконов эти слова не исчезали все последние пять лет, ведь нынче каждый рвущийся в Думу в графе «профессия» норовит написать «патриот».

Совет тринадцатый. Все непосредственно причастные к показательным парламентским стрельбам осенью 93-го и к «странной чеченской войне» исключаются. Не ровен час, им снова захочется раздавить гадину, и, очень может быть, «гадиной» на сей раз окажемся мы с вами.

Совет четырнадцатый. Если кандидат призывает вас на баррикады, голосовать за него не стоит. Один раз баррикаду из парламента уже сделали, и ничем, кроме дорогостоящего ремонта

и скоропортящейся конституции, это не кончилось. Обратите внимание на «классовый накал» выступлений соискателя думского мандата. Если он, накал, измеряется в «зюганах», это, по-моему, нормально, но если достигает одного «анпила», хорошенько подумайте!

Совет пятнадцатый. Если есть возможность, полюбопытствуйте, каких высот достиг будущий парламентарий в своей профессиональной деятельности. Вполне возможно, он хочет стать депутатом Думы, чтобы отомстить своему оппоненту, задробившему на ученом совете его кандидатскую диссертацию. Пусть уж набьет оппоненту морду и успокоится. Нам же с вами будет лучше.

Совет шестнадцатый. Слушая прелестные речи кандидата, обратите внимание, не предлагает ли он (и не предлагал ли в прошлом) для укрепления международного авторитета России передать иностранным государствам некоторые наши территории, спецслужбы перенацелить на охрану муниципальных рынков, а накопленное «империей зла» оружие ссыпать куда-нибудь в Марианскую впадину от греха подальше. Если — да, то голосовать за него не стоит. Пусть лучше баллотируется во французский парламент и бо-

рется там за прекращение ядерных испытаний на атолле Мурароа и возвращение острова Корсика Италии.

Совет семнадцатый. Если кандидат при коммунистах занимал приличный пост, послушайте, ругает ли он советскую власть. Помните: порядочные люди о бывших хозяевах говорят или хорошо, или ничего.

Совет восемнадцатый. Если кандидат представляет уважаемое правозащитное движение, вспомните, говорил ли он о правах человека, когда нас с вами лишали законного права на трехразовое сбалансированное питание, или же он вспоминает о правах человека, только если государство пытается навести в стране хоть мало-мальский порядок.

Совет девятнадцатый. Если будущий парламентарий зовет вас в социализм, присмотритесь, с человеческим ли он лицом, а если кандидат кличет вас, наоборот, в капитализм, убедитесь, не дикий ли он.

Совет двадцатый. После того как вы последуете предыдущим рекомендациям, в пресловутой «телефонной книге» останутся в лучшем случае два-три кандидата. Теперь можно прочитать их программы. Но и это необязательно. В сущности,

все предлагают одно из двух: рынок с элементами распределителя или распределитель с элементами рынка. Тут уж я вам не советчик — на вкус и цвет товарища нет.

Совет двадцать первый, последний. Опуская избирательный бюллетень в урну, помните, что опускаете его в урну Истории!

«Труд», 1995

СЛОВОБЛУЖДАНИЕ

Сегодня журналист в России — больше чем журналист. В частности, потому, что в течение многих десятилетий был меньше чем журналист.

До известного перелома в судьбе нашего Отечества он был зачастую литобработчиком спускавшихся сверху политических указаний, и если проявлял неуместную самостоятельность, то получал по рукам, а иногда и — по голове. Это не значит, скажем, что застойная «Правда» не могла снять с политического пробега крупного функционера. Могла. Но чаще всего только в том случае, если его уже решили снять с пробега еще более крупные функционеры. Бывали, конечно, исключения, но погоды они не делали. Это время у всех на памяти, поэтому не буду углубляться, подчеркну лишь: журналист эпохи застоя (точнее сказать, эпохи устоев, многие из которых, но не все, к тому времени уже обветшали) мог выражать свои личные политические взгляды только у себя дома на кухне. Приходя в редакцию, он превращался в рядового совслужащего,

на своем участке работы прилагающего усилия для выполнения общегосударственного плана строительства социализма.

А потом наступила гласность, задуманная, очевидно, и первоначально воспринимавшаяся многими как попытка привести государственную идеологию в соответствие с исторической и социальной реальностью. У нас сложилось такое количество невнятных табу, священных животных и кровавых идолов, требовавших постоянного принесения им в жертву здравого смысла, что дальше так жить было нецелесообразно. Насчет «нельзя» — это Говорухин, конечно, талантливо погорячился. С наступлением гласности Бухарин и Бердяев, не ужившиеся в свое время в одной России, стали соседствовать в журналах, а сами журналисты сначала вполголоса, а потом все громче начали говорить городу и миру то, что прежде позволяли себе лишь на кухне. Именно таким неожиданным образом воплотилось в жизнь предвидение Ленина о кухарках, управляющих государством. Пишущая братия бурно прорвалась в политику. По массовости и плачевности результатов этот прорыв можно сравнить — и то лишь приблизительно — со знаменитым призывом ударников производства

в литературу в сталинские времена.

Помните знаменитые утренние очереди к газетным киоскам во второй половине восьмидесятых? Да, журналисты стали властителями дум, но не потому, что умели думать и понимать происходящее лучше остальных, а потому, что наступила эпоха легализации кухонных споров. А «письменные» люди как раз и оказались обладателями средств, необходимых для этой самой легализации, — газетными полосами и микрофонами. Свою приватизацию они начали еще тогда, когда Чубайс только торговал цветами в Ленинграде.

Вы никогда не задумывались, почему первыми звездами перестроечной прессы стали в основном журналисты-международники? Конечно, они знали многие приемы западных СМИ, непривычные и заманчивые для неискушенного советского потребителя информации. Но есть и другая причина: они в силу своей специальной идеологической подготовки лучше других владели черно-белым методом подачи материала, незаменимым в любой политической борьбе. Только объектом этого метода стала теперь не западная «империя зла», а собственная страна, для которой даже не потрудились придумать какие-

то новые определения, механически перенеся на нее все «прибамбасы» советской международной журналистики. Характерно, что, отбомбившись по собственной стране, ставшей вдруг «империей зла», отстрелявшись по обитавшим в ней «совкам», многие из буревестников «нового мышления» мирно отлетели с родного пепелища собкорами в более благополучные страны. Оно понятно: копаться в соблазнительно-грязном белье принцессы Ди куда приятнее, чем копошиться на обломках державы, развалленной не без твоей помощи.

Но, может быть, я злостно преувеличиваю роль журналистов в разгроме страны? Сходите в библиотеку и полистайте газеты за декабрь 91-го, когда бабахнуло Беловежское соглашение: восторг, переходящий в исступление. Почти никто из газетных аналитиков не заметил, что Россия в одночасье лишилась своих исконных территорий, а русские превратились в разделенную нацию. Зато «письменный» люд очень забавлялся тем фактом, что столицей СНГ стал Минск, а не Москва. Тогда это называлось изживанием комплекса «старшего брата». Справедливости ради нужно заметить, что и депутаты в своем большинстве тоже особенно не огорчались, а на

немногих, доказательно протестовавших (на того же С. Бабурина), смотрели как на ненормальных. Правда, депутатов потом за это вместо Бога — а может быть, как раз и по поручению — президент покарал. Вообще, наш президент напоминает мне чем-то гегелевский Абсолютный Дух, который творит историю во всей ее неприглядной непредсказуемости для того, чтобы лучше познать самого себя. Но это тема отдельной статьи.

Была у стремительной политизации журналистов и другая причина. Начавшаяся в верхах борьба за власть и влияние не могла уже вестись по старой схеме: Политбюро присудило, ЦК приговорил, а пресса обнародовала. Пресса стала приговаривать, ибо тогда, при определенном равновесии разнонаправленных сил наверху, при двоевластии, это был иной раз единственный способ избавиться от политического противника, по-другому мыслящего пути реформирования. Людей, в принципе не желающих никаких реформ, за эти десять лет я ни разу не встречал. Более того, именно либеральные журналисты начали формирование новой политической элиты — «птенцов гнезда Борисова», а также выбраковку тех, кто за реформами старался видеть и людей. Тогда-то и ушло в прошлое советское

бесправие прессы и началось ее триумфальное вхождение во власть. СМИ постепенно как бы соединили в себе функции двух отделов ЦК КПСС — агитпропа и кадрового. Делалось это так. Один, не совладавший с собой на трибуне, тут же превращался в «плачущего большевика». Второй, заикнувшийся, что Крым хоть и далеко, но нашенский, сразу становился «ястребом». А третий, имеющий мозги и внешность ярмарочного попугая, не совладавший ни с одним из порученных дел и собиравшийся подарить Курилы японцам, как пасхальное яйцо, был и остается ну просто светом в телевизионном окошке. Такого не то что снять с должности — отругать-то по-настоящему нельзя: пресса сразу же заревет, как ребенок, у коего отбирают любимую игрушку!

И то обстоятельство, что первым главным реформатором стал Е. Гайдар, член редколлегии журнала «Коммунист» и сотрудник «Правды», — не случайное совпадение. Это исторический символ. Если вы, кстати, мысленно переберете фамилии людей, вломившихся во власть в те годы, то непременно заметите: многие из них, как и Ленин, могли бы в графе «род занятий» написать — «литератор». Это повторение истории — тоже характерная, а возможно, и целенаправ-

ленно сформированная особенность эпохи. Ведь у «письменных» людей особое отношение к реальности. Я называю это эффектом «скомканного листа». Не получилось — выдрал лист из каретки пишущей машинки, бросил в корзину и вставил новую страничку. И вся недолга! С такой психологической установкой гораздо легче начинать шоковые реформы, даже если окончательный их смысл до конца не внятен. Некоторые из «литераторов», по-моему, так и не поняли до сих пор, что скомканным листом оказалась Держава, а вместе с ней — миллионы человеческих судеб. А если поняли и помалкивают, то Бог им судья. Пока…

Именно журналисты в значительной мере привели к президентству Бориса Ельцина. Страна в него влюбилась как бы заочно, точно провинциальная девушка в немногословного дембеля, за которого любовные письма писал ушлый военкор из солдатской многотиражки. И теперь, когда эти самые «военкоры» говорят нам, что президент их разочаровал, мне хочется воскликнуть: «Да хрен с вами — сами виноваты! А вот что теперь делать доверчивой провинциальной девушке, замышлявшей родить от любимого «дембеля» социально сориентированный рынок, а забрюхатевшей монстром дикого капитализма?!» Да и

разочаровывает их, «военкоров», Б. Ельцин почему-то именно тогда, когда временами вспоминает о своей первоначальной профессии строителя… Теперь даже клиническому «демократу» стало ясно: к грандиозному реформированию страны мы приступили без серьезного плана. Наши западники (а чтобы стать западником, в советское время достаточно было родиться в номенклатурной семье, окончить спецшколу и постажироваться на Западе) с какой-то совершенно почвеннической авосистостью предположили, будто умный рынок решит все наши экономические проблемы, а пресса, еще вчера бывшая партийной, сначала демонтирует советскую идеологию, а потом также энергично смонтирует новую, общечеловеческую. Увы… «Умный рынок» бывает только у умных реформаторов, не выпускающих из рук вожжи госконтроля. А с идеологией получилось то же, что у слесаря-интеллигента Полесова из «Двенадцати стульев» вышло с расклепанными воротами — вновь склепать их он так и не сумел… Но Полесова за это били. Прессу же бить нельзя — она как бы ребенок, у которого помимо любимых игрушек есть еще рогатка — и дитятко, осерчав, может запросто вышибить глаз любому взрослому политику. А еще может наябедничать

строгим заокеанским дядькам про нарушение в России прав обычно какого-нибудь конкретного и — желательно — со здоровым диссидентским прошлым человека, ибо нарушение прав большого количества людей, даже всего народа, на языке политических лидеров называлось и называется не иначе как революционным реформированием общества.

Есть ли тут злой умысел? Очевидно, у кого-то есть. Любое государство, тем более такое огромное, потенциально мощное и богатое, как наше, всегда имеет геополитических недоброжелателей, а иностранные спецслужбы встречаются не только в фильмах про Джеймса Бонда. Но этой проблемой пусть занимается наша контрразведка, которая, хочется верить, осталась у нас не только в сериале «ТАСС уполномочен заявить…». Я о другом: общественное сознание стало жертвой если не словоблудия, то по крайней мере словоблуждания СМИ, а за ними следом по кривым постсоветским дорожкам побрел и наш газетопослушный соотечественник. Чтобы не тратить времени на многочисленные примеры, я вновь отсылаю вас к газетным подшивкам. Прочитайте подряд статьи какого-нибудь вашего журнально-эфирного любимца, написанные в

течение буквально одного года, и вы убедитесь: его взгляды и оценки недолговечнее дешевых женских колготок. Неизменны лишь визгливо-самоуверенный тон и нетерпимость к думающим иначе.

Поэтому нынешние сетования прессы на политическую наивность, даже тупость избирателей явно нетактичны. Это как если к Митрофанушке для разъяснения демократических ценностей приставить все тех же Кутейкина, Цифиркина и Вральмана, а потом удивляться, что парень так и остался, по сути, крепостником. Более того, ведь и кликушеский антикоммунизм многих журналистов очень смахивает на ненависть вынужденно завязавшего гражданина к тем, кто продолжает выпивать и закусывать. Неужели так трудно понять, что проголосовавшие за коммунистов совсем не хотят вернуться в унизительное прошлое? Они просто-напросто не желают жить в омерзительном настоящем! И если популярный ведущий дебильной телеигры при социализме ездил на трамвае, а теперь пересел на джип и построил себе виллу, это совсем не означает, будто реформы в России удались. Даже в блокадном Ленинграде были люди, евшие на завтрак черную икру.

Я далек от мысли обвинять свободолюбивую прессу в целенаправленном и злонамеренном разрушении государства. В большинстве случаев речь идет о другом: наша пресса оказалась не подготовленной к роли политической силы, а уж тем более — «четвертой власти». Возьмите хотя бы ее постыдно-науськивающую роль в сентябре — октябре 93-го, причем независимо от того, чью сторону она принимала. Это было очень похоже на подлое шпанистое подзадоривание: «А ну — дай ему! А вот и не подеретесь!» Подрались. До крови. Когда я читал газеты и смотрел телевизор в страшные дни, то мысленно как бы составлял список журналистов и деятелей культуры, которым теперь просто нельзя подавать руки. Но вскоре я сообразил, что проще было бы вообще отменить рукопожатие, как это делалось во время эпидемий чумы.

Я убежден, даже трагедия Чечни во многом связана со странной позицией нашей прессы, заголосившей о правах человека лишь тогда, когда президент решил повторить испытанную танковую атаку, но теперь уже на Кавказе. Если бы «четвертая власть» вспомнила о правах человека еще тогда, когда суверенитет предлагался национальным элитам в качестве легко усваиваемой

пищи, когда сотни тысяч русских были согнаны с обжитых мест, сотни убиты на месте, а оружие бесконтрольно шло в Чечню и не только туда, — все бы сложилось, возможно, иначе. Почему же молчали? Где была совесть российской интеллигенции, в том числе и пишущей? Или думали, в случае открытого возмущения обобранных (чаще их называют почему-то «красно-коричневыми») можно будет обратиться за помощью к «дикой дивизии» — способ, еще царями испытанный. Взяли бы в заложники, например, роддом имени Грауэрмана, что рядом с парламентом, — и дело с концом! Но так или иначе, теперь перед многострадальным чеченским народом, как и перед не менее страдальным русским, — надо бы не за три другие власти извиняться, изображая федеральных солдат карателями, а признать и собственную вину. Да куда там! Это в торговом бизнесе всегда прав покупающий. В журналистском бизнесе всегда прав продающийся.

Мы все, люди пишущие, вольно или невольно очень виноваты перед своим Отечеством. Мне, например, до сих пор не дает покоя то обстоятельство, что моя повесть «Сто дней до приказа», написанная в 1980 году и опубликованная в 1987-м, была активно использована не для борьбы с

недостатками армии, а для борьбы с самой армией как неотъемлемой частью государственности. Помню, через какое-то время после ее публикации в журнале «Юность» мне позвонили сверху и предложили возглавить — ни больше ни меньше — газету «Красная звезда». Я ответил, что не подхожу по званию — рядовой запаса. Тогда мне предложили возглавить какой-то общественный комитет по борьбе за профессиональную армию. На мой вопрос, а есть ли у страны с ее немереными границами возможность содержать профессиональную армию, мне ответили, что не в этом суть, главное — начать. В отличие от Горбачева ударение в слове «начать» поставили правильно. Но я отказался. И тем не менее когда я видел потом, как армию втравили в кровавые маскарады суверенизации, когда видел в «Новостях» сожженные танки на улицах Грозного, трупы наших солдат и наших же мирных жителей, а все это еще сопровождалось глумливыми комментариями, — я не мог отделаться от чувства собственной вины.

Да, конечно, нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Но если нам наплевать на то, как оно отзовется, народ еще не раз будет, пусть даже подзадориваемый штатными провокаторами, хо-

дить на штурм «Останкино», а может, и возьмет когда-нибудь.

И еще одно соображение: объявив себя «четвертой властью», пресса действия трех прочих ветвей, но особенно законодательной, самой беззащитной, воспринимает с пренебрежительным сарказмом. Вот, мол, косорукие! Скажу больше, СМИ вообще усвоили некий насмешливо-капустниковый тон домжуровских тусовок, особенно когда речь заходит о явлениях и фигурах, не укладывающихся в ту цеховую концепцию прогресса, которая в данный момент возобладала в журналистской среде. Впрочем, наша пресса может быть и очень серьезной, но это если только речь заходит о ее корпоративных интересах. Вспомните, ведь разгул преступности она всерьез заметила, только когда погиб коллега В. Листьев. А прежде: ну что ж вы хотите — первичное накопление капитала, столкновение клановых интересов, об этом ясно в любом учебнике политэкономии написано!

Неясно, правда, почему же на эти самые учебники не ссылались, когда, захлебываясь, рассказывали людям, «чьи пироги пышнее»? Или другой пример. На экране жизнерадостный телекомментатор: «Убыточные предприятия?

Значит, не умеют работать! Закрыть немедленно, а рабочие пусть переучиваются!» Логично? Вроде логично. Но спросите у него же про убыточные издания и в ответ услышите совершенно новую логику: «Ну, так это ж совсем другое дело! Журналистика в опасности!! Нужна государственная поддержка…» Но что же выходит? Вы, читающие, при капитализме корячьтесь, а мы, пишущие, свою четвертую веточку на социалистической деляночке обихаживать будем!

Кстати, заметьте, такое слово, как «справедливость», почти исчезло из словарей пишущих и вещающих людей! Зато все чаще стало появляться в речах политиков. Во власти все меньше (особенно в последние месяцы) становится «литераторов» и прочих «алармистов» — так В. Даль называл суетливых и безответственных крикунов. И наоборот, прибавляется число «заботников». Кого именно тот же Даль подразумевал под этим словом, полагаю, русскоязычному читателю объяснять не нужно. К чему бы это? Только ли к президентским выборам? Или дело в наметившемся обратном движении маятника российской истории?

И тут бросается в глаза одна знаменательная деталь: наша «четвертая власть» как личную

опасность воспринимает малейшее укрепление трех остальных. Ведь, укрепившись и сработавшись, эти три могут резонно спросить: «А на черта нам четвертая? На троих как-то привычнее!» И понять их можно, ведь пресса сегодня норовит занять очень комфортную позицию: по отношению к обществу вела и ведет себя как власть — навязывает жесткий тип реформ, диктует геополитические симпатии и антипатии, контролирует кадровые вопросы, определяет законы поведения и даже мышления, а когда доходит до ответственности, вдруг оборачивается эдакой вольной художницей, подстригающей газон демократии и озабоченной исключительно процветанием свободы слова. Что же это за власть такая четвертая, если ни спросить с нее, ни переизбрать, ни назначить? Шалишь, быстроглазая!

Честно говоря, когда все начиналось, я по наивности думал, что пресса станет по отношению к руководству страны своего рода «свежей головой», замечающей ошибки и подсказывающей более верные решения. Но пресса решила сама пойти во власть, а во власти как во власти: первая может не только второй, но и четвертой так по сопатке дать, что только «шапки» с газетных полос

посыпятся! Никакие заокеанские дядьки тогда не помогут… Тем более что свободе затыкать рот оппозиции «первую власть» учили не одуревшие от реорганизаций спецслужбы, а самые что ни на есть либеральные печать и ТВ. Кажется, научили-таки, запамятовав, наверное: те же Карл Радек и Михаил Кольцов пострадали не потому, что были плохими «коллективными пропагандистами и агитаторами», а потому, что хотели оставаться еще и «коллективными организаторами», когда этого от них уже не требовалось…

Нет, я не спорю, свобода слова — вещь замечательная, и эти мои заметки на газетной полосе — тому свидетельство. Но спросите онемевшего от утрат беженца или нищего, читающего только безумные ценники на недоступных витринах, спросите рабочего, полгода не получающего зарплату, или инженера, уволенного «по сокращению штатов» за полемику с директором, — нужна ли им свобода без цензурного слова. И узнаете, что если даже нужна, то исключительно для того, чтобы послать вас в самую нецензурную русскую даль. Да и какая это зачастую свобода слова? Скорее — полусвобода полуслова: выгодная с точки зрения «четвертой власти» информация печатается на первой полосе буквами величиной

с кулак, а невыгодная — мельчайшей нонпарелью или вообще дается в игривом и абсолютно невнятном изложении. Тот же рабочий, воротившись с многотысячного митинга оппозиции и включив телевизор, вдруг выясняет, что, оказывается, побывал на «сборище нескольких десятков неуравновешенных люмпенов». А видный, но не показавшийся журналистам политик обнаруживает на экране такой монтаж своего выступления да еще с использованием таких спецэффектов, что не может узнать ни себя самого, ни собственных слов. Эффект «Буратино» на ТВ — далекая история. Теперь гораздо чаще прибегают к эффекту «Карабаса-Барабаса»…

От иных именующих себя «демократическими» или «патриотическими» изданий просто разит агитпропом. Кстати, не сомневаюсь: если завтра мы по прихоти Истории или по причине профнепригодности наших реформаторов снова проснемся при тоталитарном режиме, то на телеэкранах увидим все тех же людей, подводящих итоги или комментирующих подробности. Если профессия человека — полуправда, то ему, в сущности, не важно, какую половину утаивать, хотя, конечно, предпочтительнее ту, что подороже…

Вот один лишь пример. Но характерный. Жур-

налисты любят пугать нас пушкинскими словами о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Чаще пугают разве только фашизмом, что лично я воспринимаю как бессовестное вранье и прямое оскорбление собственного народа — антифашиста по самой своей сущности. И в этом пугании очень точно прослеживается основной метод управления, используемый «четвертой властью», — метод полуправды, полуцитаты, полуухмылки, полуинформации. Кстати, замечательный журналист, умнейший и честнейший человек А. Гостюшин, автор знаменитой «Школы выживания», незадолго перед смертью начал писать книгу о том, как уберечься от злокачественной полуинформации, полагая, что это — главное условие духовного, да и физического выживания. Есть о чем задуматься. А есть ли кому задуматься? Есть. Порядочных людей, простите трюизм, больше, чем непорядочных. И в журналистике тоже. Беда в другом: честная оценка происходящего для многих пишущих и вещающих в эфире людей снова стала делом кухонным. Приходя в редакцию, журналисты снова становятся рядовыми служащими, участвующими в выполнении общегосударственного плана строительства, но теперь уже — капитализма. И

понять их можно. Раньше партийный журналист думал: самое страшное — лишиться партбилета. Теперь, став как бы беспартийным, он осознал: куда страшней — лишиться средств к жизни, которая становится все дороже, ибо быстрое создание класса собственников — дело дорогостоящее, может быть, даже более дорогостоящее, чем быстрая ликвидация того же самого класса после Октября 1917-го. А перспектива нищеты сплачивает похлеще самой строгой партийной дисциплины!

Но вернемся к Пушкину, который, как известно, «наше все». В необрезанном варианте его знаменитые слова выглядят так: «Состояние края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, кто замышляет у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

«Российская газета», 1996

ДЕСОВЕСТИЗАЦИЯ

Приснопамятный процесс десоветизации в нашем Отечестве проходил громко — под рев тысячеглоточных митингов, требовавших больше социализма, под залпы показательных парламентских стрельб, под плач беженцев, потерявших кров в кровавой суматохе суверенитетов, под обиженный клекот слетавшихся в страну диссидентов. Зарубежная общественность наблюдала за происходящим в России с чисто спортивным интересом, делала ставки и выигрывала. Оно и понятно — десоветизация на первый взгляд шла успешно: вместо серпа с молотом — двуглавый имперский орел, вместо советской империи — геополитический оглодок с гордым именем Свободная Россия, вместо мелких расхитителей социалистической собственности — крупные банкиры и предприниматели, вместо советов народных депутатов — мэрии и префектуры…

Впрочем, по поводу успешности этой десоветизации у меня есть свои соображения. Скажем, после окончательного развала Золотой Орды,

полагаю, на Руси тоже проводилась своего рода «детатаризация», однако не мной сказано: поскреби русского — найдешь татарина. Да, попытка создать нового, советского человека в целом потерпела крах, но, в частности, все мы немножко советские люди. Навсегда. И дети наши будут таковыми, и внуки, и правнуки. Иногда это будет почти незаметно, иногда будет поражать своей внезапной очевидностью: так в вызывающе славянской семье порой рождается маленький очаровательный чингисханчик… Но я о другом!

Дело в том, что одновременно с десоветизацией шел и другой процесс, тихий, неприметный, почти невнятный нам самим, не говоря уже о наших заморских болельщиках, переживающих как личную победу каждый гол, забитый нами в собственные ворота. Процесс этот, понимая всю его неоднозначность и сознавая условность любого термина, я решил назвать *десовестизацией.* О ней и пойдет речь.

Поверьте, я далек от того, чтобы представить доперестроечную Россию в виде заповедника, где обитали показательно нравственные и примерно совестливые жители и где верхи с заботливостью опытного любовника все время

спрашивали у низов, хорошо ли им… Кабы так — советской власти сносу бы не было! Помнится, в начале семидесятых, будучи семейным студентом, я подрабатывал на стройке, почти как Шурик из «Операции “Ы”». Мы возводили дом по спецпроекту: так в те относительно совестливые времена именовалось жилье, которое в нынешнее откровенное время именуют попросту «элитным». Наша бригада состояла в основном из лимитчиков и очередников, работавших, как в ту пору выражались, «за жилье». И вот один каменщик, многолетний, надо сказать, очередник, поинтересовался, что это за странное помещение — без окон, без дверей — наблюдается в каждой возводимой квартире. «Комната для собаки», — заглянув в спецпроект, простодушно ответил прораб. Что же тут началось! «У вас совесть есть? Мне с тремя детьми жить негде, а вы комнаты для собак строите!..» — кричал каменщик. Был он хоть и не в фартуке белом, но весьма революционно настроенный. Началась стихийная забастовка, понаехало страшное количество начальства на черных «волгах». И вот что любопытно: начальники не ругались, не возмущались, а, наоборот, чувствовали себя как-то неловко, уверяя, что в их собственных квартирах никаких комнат для

собак и в помине нет. Думаю, кое-кто из них лукавил. В общем, пролетариев успокоили и вернули к общественно полезному труду, а зачинщика, бесквартирного многодетного каменщика, потом вызвали куда следует и потихоньку дали жилье из какого-то райкомовского фонда…

Но нечасто в те годы бунты против «комнат для собак» заканчивались столь удачно. Кстати, в том самом спецдоме получил квартиру мой знакомый, а вся его заслуга перед Отечеством заключалась в том, что женат он был на дочке кандидата в члены Политбюро. Именно жажда социальной справедливости погнала наш народ из чахлого оазиса социализма в барханы демократии и зыбучие пески рыночных отношений!

Я недавно перелистал прессу первых лет перестройки. Так и есть: среди самых употребимых слов — «совесть» и «справедливость». А потом сравнил с текущей периодикой: эти два слова в ней почти не встречаются, а если и попадаются, то исключительно в каком-то постмодернистско-ироническом смысле. Эта заурядная лексическая подробность на самом деле — свидетельство огромных и страшных по своим последствиям сдвигов в общественном сознании. Вспомните, как нетерпимы мы были к любым проявлениям

несправедливости! В багажнике у партийного босса обнаружили связку копченой колбасы… Позор! У маршала Ахромеева на даче два холодильника… Срам! Опять полуговорящего Брежнева на трибуну вынесли… Они что там, наверху, нас за идиотов считают? Увы, считали и считать продолжают до тех пор, пока не оказываются внизу или на кладбище…

Помнится, в школе нас заставляли наизусть учить признаки гипотетической революционной ситуации. Но судьба удружила наблюдать революционную ситуацию воочию. И теперь, на основании личных впечатлений, я хотел бы добавить еще один пункт к хрестоматийным признакам. А именно: резкое обострение у граждан чувства социальной справедливости в формах, не адекватных конкретной политико-экономической ситуации. Грубо говоря, это такая общественная ситуация, когда слезинка ребенка может непоправимо переполнить чашу народного терпения. И пусть потом историки выясняют, что это, оказывается, были слезы радости по поводу покупки внепланового мороженого.

Шучу? Только наполовину. Вспомните сарказмы и анекдоты в связи с жилищной программой, обещавшей каждой семье отдельную квартиру

до 2000 года. Только идиоту было не ясно, что полностью ее выполнить невозможно. Но, с другой стороны, только идиот мог не заметить, что в ходе попытки выполнить эту неосуществимую программу миллионы семей улучшили свои жилищные условия. Не заметили… Вспомните взвинтивший общество страшный рассказ академика Сахарова о том, как наши солдаты в Афганистане расстреляли своих раненых товарищей, чтобы те не попали в плен к душманам! И не важно, что вся эта история впоследствии оказалась вымыслом. Любой ценой народная совесть должна быть воспалена — иначе серьезные социальные взрывы невозможны… Хотели разбудить совесть. А разбудили лихо! Теперь власть и на самом деле попросту бросила своих солдат сначала в огне, а потом в чеченском плену. Кого это волнует, кроме обезумевших от горя матерей?

А помните, как радовались мы тому, что посадили Чурбанова — и таким образом справедливость настигла генсековскую семейку?! Это теперь мы поняли: если за то, что сделал Чурбанов, сажать в тюрьму, значит, за то, что творят иные сегодняшние политики, чиновники и бизнесмены, нужно вешать на фонарях вдоль Москвы-реки, предварительно обжарив в подсолнечном масле!

Это я, разумеется, в гиперболическом смысле. Но публицистические гиперболы довольно скоро становятся рутинной очевидностью истории.

Однако вернемся к обнаруженному мной новому признаку революционной ситуации. В 91-м целенаправленно перевозбужденное народное чувство справедливости содрогнулось в пароксизме удовлетворенной страсти и задремало, восстанавливая силы для новых битв за социальную гармонию. Тут-то и начались реформы. Кто знает, может быть, с этим естественным после многолетнего перенапряжения ослаблением социальной бдительности и связан тот известный факт, что всякое послереволюционное устройство общества поначалу менее справедливо, нежели дореволюционное? Ведь нынешний бесквартирный строитель не только о комнате для собак шуметь не станет, а будет с умилением возводить четырехэтажный особняк с зимним садом, тихо радуясь, что зарплату хоть раз в три месяца, но дают…

Справедливости ради надо отметить, люди довольно скоро поняли, что происходящее в стране совсем не то, чего ждали они от реформ, но борьба за выживание уже не давала им возможности сконцентрироваться на жажде

социальной справедливости. Так в 1918 году приват-доцент, которого вели расстреливать по приговору ревтройки, вряд ли вспоминал про то, как волновал его в 1913 году вопрос: имеет ли право надзиратель обращаться к политическому заключенному на «ты»? Почему так произошло? Почему такое могло произойти? Объяснюсь метафорически. Представьте себе, что на ваших глазах пьяный мужик бьет женщину. Реакция очевидна. Смелый человек бросается в драку. Рассудительный вызывает милицию или кличет общественность. А теперь вообразите: на ваших глазах тысяча пьяных мужиков бьет тысячу женщин. «А может, это и есть шоковая терапия?» — подумают как смелый, так и рассудительный.

Советское общество было, как выражаются ученые, традиционным, и очень многие отношения в нем регулировались не законами, а издавна сложившимися, порой даже нигде не зафиксированными представлениями о том, что делать можно, а что делать нельзя. Совестью, иначе говоря. Мое детство прошло в общежитии маргаринового завода. Понятное дело: рабочие выносили то пачку маргарина, то пару банок майонеза, к празднику, случалось, вытаскивали и поболее. Но вот выяснилось, что новый налад-

чик в специальных мешочках под телогрейкой выносит столько, что даже приторговывать стал. «Совсем совесть потерял!» — был общий приговор, после чего мужики вызвали зарвавшегося несуна на лестницу покурить. Отбюллетенив две недели, наладчик стал как все. Собственно, даже история директора Елисеевского гастронома укладывается в эту традиционную схему. Просто вызвавшие его «на лестницу покурить» мужики оказались посуровее наших, маргариновых…

А теперь представьте себе, что в результате реформ с «территории» социализма предстояло вынести заводы, газеты, пароходы и т. д. Ведь для того, чтобы стать собственником в стране, где все общее, нужно было взять чужое, украсть, причем в особо крупных размерах. О том, как это делалось, какими разнообразными способами, включая ваучеры, осуществлялось, написано много. Я хочу обратить ваше внимание на другой аспект — нравственный. Ведь через закон переступить никто уже не боялся, ибо призыв обогащаться любыми средствами был прочмокан тем же Гайдаром достаточно отчетливо, а Гавриил Попов вообще объявил взятку, получаемую чиновником, чем-то вроде «прогрессивки» (если помните, была при социализме такая премия за

рост производительности труда).

Но оставалась совесть. Один «новый русский» рассказывал мне: когда он из скромного инженера превратился в предпринимателя (старшие товарищи доверили ему прокрутить госбюджетные средства) и стал носить домой деньги чемоданами, жена на полном серьезе уговаривала его оставить себе немножко, а остальное перевести в детские дома. А то, мол, перед людьми неловко… Понятно, что с таким человеческим материалом далеко в капитализм не уедешь. Богатый должен быть абсолютно уверен: он богат, потому. что умнее, а не безнравственнее бедного! А как же быть, если еще руки — после того, как взял чужое, — трясутся?

Тут-то десовестизация и приняла размах государственной программы. Осуществлялась она разными путями. Например, почти исчезла из средств массовой информации нравственная оценка представителей нарождающегося класса и способов их обогащения. Рыцари пера и микрофона сделали все возможное и невозможное, чтобы убедить общество, будто одновременный рост числа богатых и нищих — два абсолютно не зависящих друг от друга процесса. На мой взгляд, журналистика стала повивальной бабкой ублю-

дочного российского капитализма.

Хороший пример бессовестности подали и политики. Они меняли свои убеждения с такой же частотой, с какой топ-модели меняют на подиуме наряды. Они никогда не сознавались в совершенных ошибках, даже в тех случаях, когда в результате этих ошибок приходилось заново перерисовывать политическую карту мира, и явно не в пользу России. За иными из них тянется такой хвост компроматов, что не только суровый капитан Жеглов, но даже гуманный Шарапов забрал бы их на Петровку не задумываясь. Нынешний политический серпентарий сделал невозможное: самим фактом своего существования он полностью реабилитировал советский режим со всеми его немалыми, надо заметить, пороками!

Посильный вклад в десовестизацию общества внесла и интеллигенция, особенно ее гуманитарный подвид. Оговорюсь сразу, я имею в виду ту часть интеллигенции, которая в эти годы вела себя не как национальная элита, радетельница Отечества, а как особое сословие, даже каста, озабоченная исключительно своими узкими корпоративными интересами. И тут гораздо уместнее слово *«интеллигентство»*

— по аналогии с мещанством или купечеством. Трагикомизм ситуации заключается еще и в том, что именно представителей интеллигентства время от времени объявляют «совестью народа», о чем извещают этот самый народ через средства массовой информации.

Именно интеллигентство прилепило к пострадавшей, основной части общества ярлык «красно-коричневые» и старательно при всяком удобном случае натравливало власть на народ. А ведь помимо чисто политического маневра тут крылся глубокий нравственный, точнее — безнравственный смысл: если это действительно отребье (или ублюдки, как любил выражаться бывший министр иностранных дел интеллигентнейший Андрей В. Козырев), то и нечего мучиться совестью по поводу их обнищания и вымирания. Произошла довольно тонкая подмена понятий: неумение зарабатывать деньги было приравнено к неумению работать. Таким образом, Эйнштейн со всей своей не приносящей доходов теорией относительности был бы у нас сегодня бездельником, а человек, укравший у него в трамвае часы, был бы тружеником, ибо сумел-таки заработать детишкам на молочишко! Кстати, та сердобольная новорусская женщина, о которой я рассказал

выше, очень быстро сообразила, что переводить деньги на свой счет в швейцарский банк гораздо выгоднее, чем на счет детского дома.

Бескорыстие и энтузиазм стали главными мишенями интеллигентства. Например, один актер в телешоу очень весело изображал уморительного Павку Корчагина, нелепо вкалывающего на строительстве узкоколейки. А ведь ее строили, напомню, не для бронепоезда Льва Троцкого, а чтобы привезти дрова и спасти замерзающий город. Неужели человеку нужно окоченеть в нетопленой зимней квартире, чтобы понять: есть вещи, над которыми смеяться нельзя? Но, увы, в последнее время мы часто принимаем скудоумие за остроумие. А по поводу актеров и вообще существует мнение: чем они глупее, тем легче вживаются в сценический образ.

Между прочим, причины разгула преступности скрыты не только в экономике, но и в той деформации общественного сознания, которое я называю десовестизацией. Ну на самом деле, в чем сегодня смысл предпринимательства? За большие деньги купить деньги очень большие, то есть дать взятку чиновнику и получить доступ к госбюджету. В чем сегодня смысл политики? Опустить соседнюю ветвь власти как можно

ниже, а если не получается, выстрелить первым, лучше всего из танковых орудий. Скажите, может уголовный авторитет в такой обстановке чувствовать хоть какой-то нравственный дискомфорт? Может в нем, как писал Некрасов, «совесть Господь пробудить»? Нет, он чувствует себя полноправным членом такого общества. Вспомните, какими частыми гостями телеэфира стали уголовные авторитеты в начале 90-х! О сращении криминалитета, чиновничества и политиков сегодня говорят так, словно речь идет о нормальном социальном партнерстве, о чем-то наподобие нерушимого союза рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. А это уже пропасть…

Почему же мы в нее не падаем? Лишь по одной причине: процесс десоветизации не зашел столь далеко, как процесс десовестизации! Мы с постсоветской обреченностью уже не верим в социальную справедливость, но мы пока еще с советским угрюмством, уходящим корнями во времена Бусовы, верим в спасительную силу государства. Это и держит. Пока… А то ведь какую отличную тачанку можно сварганить из пулемета, купленного у нищего комбата, и джипа, угнанного у банкира!

Но и эта реликтовая державность иссякает.

Молодые люди не хотят служить в армии, ибо защищать бессовестное государство никто не желает. Вот и ходит полуанекдот-полубыль про то, как солдат пишет домой: «Дорогая мама, когда ты получишь это письмо, со мной уже будет все в порядке, я буду в плену…» А какой Жеглов станет по-настоящему бороться с преступниками, если у тех все наверху схвачено? Вот и получается, за подделанный проездной билет тебя посадят, а за жульнически приватизированный металлургический гигант, который вся страна громоздила аж три пятилетки, назовут современным Саввой Морозовым. Если пользоваться хрестоматийным сравнением, то государство — сторож, охраняющий наши покой и имущество. Следовательно, налоги, которые мы должны платить, — это как бы его, сторожа, зарплата. Но какой же дурак будет платить жалованье сторожу, когда тот постоянно приворовывает у охраняемых обывателей? Вспомните историю ваших денежных вкладов в сберкассах! Вспомните, как благосклонно взирало государство на бесчисленных пирамидостроителей, обокравших миллионы людей! Вспомните, когда вы в последний раз получали зарплату или пенсию!

А теперь давайте вспомним, что сказал Борис

Ельцин после операции на сердце! Он сказал, что не платить пенсии — безнравственно. Прошу отметить, он не сказал, что это антиконституционно, противозаконно, политически вредно… Он сказал — безнравственно. То, что такой несентиментальный и философски относящийся к страданиям сограждан политик, как Ельцин, вдруг заговорил о нравственности, свидетельствует лишь об одном: процесс десовестизации, как, впрочем, и десоветизации общества достиг нижней точки — и граждане относятся теперь к государству почти с таким же презрительным равнодушием, с каким государство относится к ним. От социального энтузиазма, которым даже в самые глухие годы славился наш народ, осталось лишь шоссе Энтузиастов в Москве.

За счет чего же мы будем выходить из глубочайшего кризиса? Заграница нам не поможет, это понятно уже даже клиническим западникам. Маленький, но сплоченный класс нуворишей и обслуживающее его интеллигентство не поделятся, они твердо объявили: «Никто пути пройденного у нас не отберет!» Значит, по традиции возрождение России будет происходить за счет, как говаривали прежде, широких народных масс. У ста пятидесяти миллионов проще

отобрать по одному рублю, чем у одного отобрать сто пятьдесят миллионов. Но для того чтобы навязать этот мобилизационный курс, нужно воззвать к гражданской совести и социальному мужеству, более того — к жертвенности. Сегодня не издеваться надо над Павками Корчагиными, а трепетно надеяться, что не перевелись они еще в Отечестве. Но для того чтобы призвать народ к жертвенности, власть как минимум должна иметь нравственный авторитет. Кто же станет приносить жертвы на загаженный алтарь! И едва ли стоит надеяться на столь восхищавший Канта нравственный закон внутри нас, когда снаружи царят безнравственность и беззаконие! Единственный выход — неотложная *совестизация* общества. Лучше, конечно, если начнется она сверху. Лучше, если сопутствовать ей будет частичная советизация — я имею в виду местное самоуправление. Лучше, конечно, если осуществлять ее будет энергичный, но умный лидер… А пока народ безмолвствует и усмехается, глядя в телевизор. Смех, конечно, дело хорошее… Хотя, смеясь, можно расстаться не только с прошлым, но и с будущим!

«Труд», 1997

ГОМО ПОСТСОВЕТИКУС — ЧЕЛОВЕК НЕДОУМЕВАЮЩИЙ

Последнее десятилетие породило в нашем Отечестве нового человека. Его предшественник, так называемый «гомо советикус» (или человек верящий), отличался прежде всего клинической верой в светлое завтра.

Обилие в СССР разнообразного инакомыслия, начиная с мужественного и бескорыстного, а также спонсируемого диссидентства и заканчивая стихийным политическим анекдототворчеством, как раз и являлось ярким свидетельством всенародной устремленности в лучшее будущее. Смеясь над полупарализованным Брежневым, люди расставались с прошлым ради будущего. Провожая во внеочередной восстановительно-оздоровительный отпуск Ельцина, они только недоуменно хмурятся.

Теперь очевидно — советский режим пал жертвой собственной оптимистической идеологии, на разработку и внедрение которой он потратил огромные средства. Если бы хоть у кого-то были

сомнения в необратимости прогресса, в неизбежности улучшения жизни, — хрен бы шахтеры стучали своими касками супротив партократов, а творческая интеллигенция черта с два топтала бы давно уже скончавшийся социалистический реализм. «Метили в коммунизм, а попали в Россию» от силы несколько тысяч убежденных антикоммунистов, по историко-генетической иронии происходящих непосредственно от «пламенных революционеров». Большинство населения метило в светлое будущее, а попало в себя самое. Я, конечно же, не хочу сказать, что «все у нас было хорошо». Все зависит от того, с чем сравнивать. Общаясь доверительно с соотечественниками, работавшими в советские времена за рубежом, я приметил любопытную закономерность: чем в более высокоразвитой стране человек трудился, тем больше у него было претензий к покинутой временно Родине. И наоборот. А если человек, как большинство советских людей, вообще никуда не выезжал (разве что в Крым или на Кавказ) и сравнивал тогдашнюю жизнь, к примеру, не с нью-йоркским супермаркетом, а с периодом послевоенного восстановления? В этом случае, согласитесь, оптимизм гомо советикуса не кажется таким уже нелепым и беспочвенным.

Будь «неуклонное повышение благосостояния советского народа» всего лишь пропагандистским мифом — коммунисты, как это ни парадоксально звучит, оставались бы у власти и по сей день… Но оптимизм гомо советикуса опирался, согласимся, и на реальные факты жизни. Сейчас, слушая какого-нибудь телевизионного витию, в это трудно поверить. Однако при советской власти рождались дети, росло народонаселение, игрались свадьбы и новоселья, выплачивались зарплаты и пенсии, строились садовые домики — маленькие, зато в огромном количестве, а за похищенных детей и журналистов не родители выкладывали доллары, но руководители соответствующих органов — партбилеты.

Жить постепенно становилось если и не веселее, то во всяком случае — все-таки лучше… Вот и автор этих строк начинал жизнь в каморке заводского общежития, расположенного в переулке, где стояла одна-единственная частная машина, а встретил достопамятный суверенитет России в трехкомнатной квартире и каждый вечер, паркуясь у дома и ругая советскую власть, ломал голову, куда бы воткнуть свои «жигули». Неуемная жажда реформ появляется обычно на сытый желудок. И утоляется у всех, кроме самих

реформаторов, очень быстро.

Победа Ельцина — это подлинный триумф советской идеологемы «завтра будет лучше, чем вчера». Борьба хорошего с лучшим закончилась падением советской власти. Никому ведь в голову не могло влететь, что завтра может оказаться хуже, чем сегодня. И академик Сахаров, клеймя с трибуны съезда афганскую войну, я уверен, не мог себе вообразить, что следующая война будет вестись уже на территории России, что компоненты для атомной бомбы станут контрабандировать, как пасхальные яйца, и что на крымские пляжи начнут высаживаться пока еще учебные украинско-американские десанты. Андрей Дмитриевич, если вы меня слышите и если я в чем-то прав, явитесь хоть на миг обнищавшим атомщикам, устроившим марш протеста на Москву, чтобы не помереть с голодухи.

Гомо советикус исчез именно в тот момент, когда, держа в одной руке трехцветный флаг, он другой рукой схватил-таки за хвост «птицу счастья завтрашнего дня», но вместо чаемого волшебного пера получил в награду хороший залп помета. У всех еще на памяти время страшной гиперинфляции, когда людей лишали даже «гробовых» сбережений — и покойников порой

приходилось хоронить, словно цыплят, завернутыми в целлофан. Никто пока не забыл, как вышедшие из котельных и редакций комсомольских газет интеллектуалы-правдоискатели превратились в убогих трибунных врунов, как герои обороны Белого дома образца 1991-го стали бессовестными казнокрадами, а уголовники и взяточники с советским стажем преобразились в «новых русских», застроивших виллами половину курортного мира в то время, когда к большинству российских деревень осенью добраться по-прежнему можно только на вездеходе. Вполне возможно, среди «новых русских» есть и такие, что нажили свои капиталы честно, но, полагаю, этот опасный биографический факт они тщательно скрывают от соратников по классу.

Все еще помнят, как в одночасье набившиеся в телевизор, точно тараканы в банку с сухарями, нахальные трепачи стали называть наше Отечество «этой страной» и шумно радоваться распаду империи, словно в этой империи они не пооканчивали престижные вузы, а вкалывали в Баренцевом море, прикованные к галерам. На памяти и то, как вместо ТАСС, который с неуклюжим ехидством комментировал неудачи американских «звездных войн» и поражения

чужих экспедиционных корпусов, мы получили национальное телевидение, талантливо ликующее по поводу распада отечественной космонавтики и успешных операций чеченских «робин гудов» против федеральных войск.

В результате сегодня мы живем в стране, поражающей своим единомыслием — тем самым, которого так и не смогли добиться коммунисты. Размышления (между авансом и получкой) на тему, как должно жить завтра, — замечательная почва для инакомыслия. Заставить основную массу людей, лишив их самого необходимого, судорожно искать способы выживания сегодня — вот кратчайший путь к введению единомыслия в России. Тем более что немногочисленный класс нуворишей уже заранее един в своем страхе потерять оттяпанное у зазевавшегося большинства.

В момент, когда гомо советикус (человек верящий) после контакта с птицей счастья окончательно протер глаза, огляделся и, потрясенный, спросил: «За что, ребята?» — в этот самый момент он и превратился в гомо постсоветикуса — человека недоумевающего. А пока он протирал глаза, произошла и замена главного лозунга общественной жизни. Никто уже не обещал, что завтра будет лучше, чем вчера. Более того, вся

идеология оказалась нацеленной на то, чтобы вызвать у человека недоумевающего комплекс неполноценности и сомнения в том, имеет ли он вообще право на завтрашний день. Цель была достигнута быстро и умело.

Один из любимых лозунгов первых реформаторов — научись плавать в новых условиях, иначе утонешь! Никто его, кстати, не отменял, просто стало очевидно: утопленников может оказаться столько, что поток изменит направление и смоет заодно и новоявленных гидропрожектеров. Именно это остановило первоначальный разбег «реформ», а не протесты шахтеров, которые начали стучать оземь уже не касками, а своими доверчивыми головами. Именно этот возможный выход из берегов умерил пыл дорвавшихся до социальной практики завлабов и торговцев цветами, а не потрясенный ропот интеллектуалов, которым показали, что отныне их место не в приемной секретаря ЦК КПСС, а на коврике в прихожей банкира. Реформы не забуксовали, а затормозили на краю пропасти. И основная задача нынешней «команды молодых реформаторов» — продолжить движение вперед с помощью заднего хода. Цель — ничто, движение — ничто, важно — кто за рулем!

Подобно тому, как всеобщая вера в будущее привела Ельцина к власти, так всеобщее безверие сохраняло ему власть в самые, казалось бы, отчаянные моменты. Пассивность обобранных и обманутых в 1993-м, «шепот, робкое дыханье» жертв пирамидостроения в 1994-м, избрание на второй срок тяжелобольного и не менее тяжело запутавшегося президента в 1996-м — все это, кажется, подтверждает мою версию случившегося в Отечестве. Увы, страх народа перед будущим, оказывается, не последняя спица в колесе Истории.

Боязнь любого резкого движения, которое теперь, в свете постперестроечного опыта, может только ухудшить жизнь, делает людей абсолютно беззащитными перед нынешней властью, которая уже позволила в коробках из-под ксерокса вынести из страны огромную часть национального достояния, призвав организованную преступность и Международный валютный фонд чуть ли не в официальные свои соправители. Миленький такой триумвират. Советская власть не смогла победить мелких «несунов». Новая власть попросту стала гарантом несущих в особо крупных размерах.

Мудрый премьер Рабин не устраивал определенную часть израильского общества и получил

пулю в голову. Только в прошлом году в России тихо покончили с собой около пятисот отчаявшихся офицеров. Гордый девиз: «Наше дело правое — мы победим!» — сменился жалобой: «Наше дело правое, а мы не едим…» Человека с ружьем, страшащегося завтрашнего дня, можно уже не бояться. У некоторых угрофинских племен, как известно, принимавших серьезное участие в формировании русского этноса, есть обычай, по которому обиженный в отместку вешается на воротах обидчика. Народ, болтающийся на роскошных, выстроенных турецкими рабочими воротах российской власти, — не к этому ли все идет сегодня в нашей стране?

Человек недоумевающий — замечательный материал для социально-нравственной инженерии. Его легко можно убедить в том, что проституция — отличный приработок для бедствующей учительницы, а киллерство — не самое плохое занятие для доброго молодца. Ему можно доказать как дважды два, что двойное гражданство совершенно не мешает занимать ответственный государственный пост и что свои богатства политики обретают исключительно благодаря чтению лекций за рубежом. Его можно заболтать, и он поверит, будто выплата пенсий за счет

очередного западного кредита — это вершина государственной мудрости, а пересаживание чиновников с иномарок на «спецволги» — это борьба со злоупотреблениями. Наконец, он уже искренне уверовал в то, что НАТО — это просто компания веселых бойскаутов, задумавших совершить невинный турпоход по территориям, еще недавно входившим в СССР.

Человек недоумевающий охотно поверит в то, что резкое сокращение армии — лучший способ укрепления обороноспособности, а расстрел парламента — изысканная форма совершенствования демократии. Ему легко вбить в голову, что воссоединение с братской Беларусью — дело вредное, а президент Лукашенко (по своему парламенту, кстати, не паливший) — враг рода демократического. Его, недоумевающего, легко заставить считать заполонившую наши экраны и полки американскую киномуру и книгожуть приобщением к высокой западной культуре, а камнелицего Сильвестра Сталлоне — эталоном русского национального характера и образцом для подрастающих мальчишек.

Нет, доверчивость тут ни при чем. Доверчивость умерла вместе с гомо советикусом. Гомо постсоветикус страшно, до заторможенности

недоверчив и скорее всего только делает вид, будто верит во весь этот бред. А может быть, тут другое — и он подсознательно продлевает, культивирует в себе это спасительное недоумение, подобно тому, как Отелло медлил поверить в измену своей белокожей супруги, ибо поверив — надо действовать. Люди предчувствуют: на смену человеку недоумевающему обязательно придет человек ненавидящий. А в огне ненависти потом, как показала История, сгорают все — и обманутые, и обманщики, за исключением тех, кто успел добежать до личного самолета… Главное — сгорает страна.

Но народ всегда мудрее и честнее власти. Недоумевая, он дает ей, обращающейся со скипетром, как с теннисной ракеткой, время подумать, а еще лучше — одуматься… Думайте, господа, думайте, пока мы терпеливо недоумеваем!

«Труд», 1997

ФАБРИКА ГРОЗ

«На зеркало нечего пенять, коли рожа крива!» — буквально так и возражает эфирная публика на любую критику в свой адрес, уверяя при этом, что телевидение есть зеркало современного российского общества. Это не так. Я берусь утверждать, что сегодняшнее российское ТВ за некоторыми исключениями абсолютно не справляется с ролью «говорящего правду стекла» — ежели воспользоваться известной строчкой В. Ходасевича. Нынешнее ТВ — это даже не кривое зеркало, ибо кривым, мутным, покрытым черными пятнами умолчаний зеркалом было позднее советское телевидение. Нынешнее ТВ — это зеркало разбитое, точнее, пустая рама от него.

Помните замечательный эпизод из комедии Макса Линдера «Семь лет несчастий», использованный, кстати, в виде изящной цитаты В. Меньшовым в «Ширли-мырли»? Лакей случайно разбивает зеркало и, чтобы скрыть это, пока принесут новое, начинает работать «отражением»: старательно повторяет все движения хозяина… Мутное советское телевидение — особенно в

последние годы своего существования — все-таки отражало реальные общественные процессы. Доблесть эфирного люда как раз и заключалась в том, чтобы, имитируя лояльность режиму, показать народу правду о происходящем. Именно поэтому стал возможен феномен Ельцина. Волна, внесшая его в Кремль, имела по преимуществу эфирное происхождение. Сегодня же основная доблесть заключается в том, чтобы, имитируя правдивость, продемонстрировать власти свою лояльность.

Почему же телевизионщики так легко отдали то, ради чего, собственно, отечественное интеллигентство позволило разворошить, распатронить, растерять страну? Я имею в виду свободу слова. Почему? Ну, во-первых, потому, что из всех природных богатств России эфир оказался самым выгодным в смысле добычи и продажи. Так что даже рядовой «бурильщик» не внакладе, не говоря уж о «мастерах», «начальниках буровых» и «владельцах вышек»… А во-вторых, сработал эффект «второго брака». Можно, впервые разведясь, всем докладывать, каким чудовищем была твоя супруга — в нашем случае советская власть. Но вот уже и вторая жена — демократия. И снова мерзавка? А может, ты сам… не того? Статистика

показывает, за второй брак люди держатся крепче, даже если он и устраивает их меньше первого, расторгнутого… Кстати сказать, демократия оказалась дамой куда более прагматичной и строгой, нежели ее увядшая предшественница, и требует ежедневных многократных доказательств любви и уважения.

Свободным по-настоящему наше телевидение было дважды — в периоды двоевластия. Я имею в виду противостояния «Горбачев — Ельцин» и «Ельцин — Верховный Совет». Оба раза оно свободно выбрало Ельцина. И этот свободный выбор телевизионной общественности обусловил совершенно несвободный выбор всей страны. Удивительно, но антикоммунистическое телевидение в точности сымитировало советское голосование за единственного кандидата, ведь в эфире Б. Ельцин был практически один — по крайней мере возникало такое ощущение. Я говорю об этом не из злопамятности, а потому что не хочу, чтобы это повторилось во время новых выборов, к которым уже все готовятся морально и материально. Мне иногда кажется: если деньги, которые уходят на покупку голосов избирателей, пустить, как говорится, в экономику, то их хватит на то, чтобы вовремя отдавать зарплаты,

пенсии, детские пособия обладателям этих самых «голосов». Возможно, еще и на культуру с наукой останется…

Сегодня, по-моему, уже все испытывают чувство удручающего безначалия или, как мог бы сказать Солженицын, «бесхозяинья» в Отечестве. Но давайте сознаемся, за надоевшим риторическим вопросом «А кто тогда?» стоит не отсутствие в России серьезных политиков, способных возглавить страну. За этим вопросом стоит отсутствие оных в виртуальной реальности телевидения. Нет, они могут появляться на экране, и даже довольно часто, но именно в виде умело смонтированной иллюстрации к роковому дефициту общенациональных лидеров. С другой стороны, кому в каком похмельном сне до отставки Черномырдина грезился на посту премьера неведомый Кириенко — лысоватый улыбчивый юноша со стальным взглядом фининспектора? Хватило трех телевизионных дней, чтобы превратить его в гиганта мысли, отца русской демократии и надежду простых россиян. Настоящий политик — это алмаз, созданный, «спрессованный» чудовищными перегрузками нашей нынешней жизни. Конечно, без средств массовой информации, и особенно ТВ, занимающихся огранкой

каждого публичного алмаза, тут не обойтись. Но если огранщик сам начинает изготавливать «диаманты» в нужное время и в нужном количестве, называется это по-другому: подделка.

А сколько таких «подделок» шагнуло с телеэкрана в реальную политику, экономику, культуру! И что же в результате? Кто-то из них быстро прокололся на страсти к бесплатным элитным квартирам, халявным фазендам или литературным гонорарам, не снившимся даже Чейзу. Кто-то сам потихоньку сошел со сцены и красивенько живет на те самые деньги, которых так не хватает нынче казне и которые мы выпрашиваем у мирового сообщества с плаксивым занудством алкоголика, жаждущего опохмелиться. Кто-то, как Собчак, почуяв затылком ледяное дыхание уголовного кодекса, превратился в политического эмигранта. Кто-то просто отъехал из «этой непредсказуемой страны», как говорится, от греха… Но многие продолжают свою двойную жизнь — бодро-созидательную на телеэкране и бездарно-разрушительную в реальности. Что-то не стало, например, романтических репортажей из Нижегородской губернии. Оно и понятно: на этом испытательном полигоне рыночных реформ произошла катастрофа. Такая, что отчаявшиеся

жители Нижнего выбрали себе мэром ранее судимого Клементьева. А зачинатель и руководитель гикнувшихся испытаний, Б. Немцов, в недавнем прошлом близкий друг и компаньон вновь осужденного Клементьева, перебрался в Москву, поближе к центру реформаторского смерча и ежедневно улыбается нам с телеэкрана. Недавно вот руководил захоронением царских останков и, разумеется, провалил порученное дело. Вместо общенационального примирения получилась общенациональная склока — с массовой неявкой на траурную церемонию и многомесячным нытьем о нехватке денег на «похороны века».

Удобным инструментом таких вот телевизионных подделок служат телерейтинги. Изготавливаются они, по-моему, там же, где и идеальное красящее средство «Титаник», с помощью которого незабвенный Остап превращал Кису Воробьянинова в Конрада Карловича Михельсона… Скажу больше: мне вообще иногда кажется, что некоторые рейтинги и даже целые аналитические программы делаются исключительно для Б. Ельцина, наподобие той «Правды» в одном экземпляре, которую собирались выпускать для больного Ленина. Телеаналитики, морща небогатые лобики, ведут с властью довольно сложную

игру, делая вид, будто они, как тот нашкодивший лакей из комедии Макса Линдера, повторяют движения хозяина. Но на самом-то деле хозяин, не замечая того, начинает повторять движения гримасничающего в пустой раме слуги. В результате многие политические решения, как мне кажется, принимаются не на основе анализа реальной жизни, а на основе анализа ее телевизионной версии, порой очень далекой от действительности. Вот такая электронная дориангреевщина!

Посмотрим, к чему это привело! Что мы имеем не в «Итогах», а в итоге? А имеем мы после многолетней верности курсу реформ обобранное, нищее в своем большинстве население, убывающее со скоростью миллион человек в год. (И что им, в самом деле, не рожается, когда на экране столько памперсов?) Имеем два миллиона беспризорных детей, а каждый четвертый ребенок школьного возраста не умеет читать-писать. (Вот тебе, бабушка, и Всемирный день защиты детей!) Имеем в регионах истошный сепаратизм, горячие точки, сотни тысяч убитых и миллионы беженцев. (Зато суверенитета все нахавались на век вперед!) Имеем вставшие заводы и разоренное сельское хозяйство. (Заграница, очевидно, нас обует и накормит!) Имеем обескровленную на-

уку и разгромленное наукоемкое производство. (Наш долгожданный новый Михайло Ломоносов наверняка перебрался уже куда-нибудь в Филадельфию и прозывается теперь, например, Майкл Брейкноуз.) Имеем деморализованную, стремительно теряющую боеспособность армию все с той же дедовщиной и добавившейся в последние годы бескормицей. (НАТО нас не тронет, а может, даже и защитит!) Имеем страшную криминализацию общества сверху донизу. (Глеб Жеглов с его прекраснодушной убежденностью, что вор должен сидеть в тюрьме, просто застрелился бы от позора.) Имеем шахтеров, легших на рельсы. (Вместо Б. Ельцина, надо полагать!) Имеем чудовищный внешний долг. (Потомкам в лаптях придется ходить, чтобы расплатиться!) Если это не общенациональная трагедия, то что же тогда?

«А разве телевидение об этом не сообщает?» — возразите вы. Сообщает. Может даже беспризорного мальчишку, живущего, как Маугли, в собачьей стае, показать. Более того, катастрофизм нашего времени подается на телеэкране с особой тщательностью и изысканностью. Но лично я все время ловлю себя на ощущении, что все это как бы вид на последний день Помпеи со стороны. Очень странно, ибо многие тележурна-

листы взаправду погибли под обломками нашей рушащейся уже не один год российской Помпеи. Откуда это принципиальное несовпадение мироощущений основной части населения и тех людей, которые определяют даже не содержание, а скорее — нравственно-эмоциональное состояние эфира?

Для того чтобы понять экономические причины такого несовпадения, достаточно посмотреть на автомобили, припаркованные рядом с Останкинским телецентром. Нет, я горячо за то, чтобы человек, работающий на телевидении, жил хорошо, тем более что я и сам веду передачу на ТВ. Но я так же горячо против того, чтобы профессор подрабатывал сторожем, шахтер спускался в забой голодным, офицер стрелялся от безысходности и позора, а безденежные учителя отказывались начинать учебный год. Впрочем, надо быть справедливым: на ТВ так же месяцами иногда не выдают зарплату, а на роскошных иномарках разъезжает верхушка. Рядовой эфирный люд добирается от метро «Алексеевская» до «Останкино» на маршрутке.

В чем же дело? Позволю себе высказать предположение: современный телевизионный деятель ощущает себя представителем и выразителем

интересов так называемого благополучного «среднего класса», широко разрекламированного «младореформаторами», но так и не возникшего вследствие чудовищных ошибок, глупостей и преступлений, совершенных в процессе демонтажа совсоцсистемы, а также в результате определенных национально-исторических особенностей. Отсюда и это принципиальное несовпадение, ибо ТВ, опять-таки за некоторыми исключениями, основывает свое мировидение и вещание на идеологии тончайшей общественной страты, вообразившей себя вполне благополучным и многочисленным средним классом. И в этом смысле наше ТВ в самом деле фабрика грез.

Помните французскую королеву, впоследствии обезглавленную, которая народу, жаловавшемуся на отсутствие хлеба, советовала в таком случае питаться пирожными? Недавно Хакамада в телевизионной дискуссии царственно посоветовала шахтерам выживать с помощью сбора грибов и ягод. Оператор показал лица шахтеров крупным планом как раз в тот момент, когда популярная политесса призывала их вернуться в эпоху первобытного собирательства, и лично мне стало ясно: от фабрики грез до фабрики гроз — всего один шаг…

Сознание своей классовой правоты некогда гнало бойцов через гнилой Сиваш на штурм Перекопа. Такое же чувство, вероятно, позволяет сегодня человеку, читающему в эфире последние известия, совершать над нами ежедневное эмоциональное насилие, навязывая не только иерархию информационных ценностей, но и свою эмоциональную оценку происходящего. Это, кстати, не так уж безобидно и тяжко действует на психику. Иной раз даже затоскуешь по нейтрально-замороженной энергетике застойных дикторов. Между прочим, мой ризеншнауцер, пес нервный и чувствительный, как только на экране появляется одна чересчур нахрапистая и издерганная дикторша, просто, поскуливая, выходит из комнаты. Чует, собака!

Эмоциональное и информационное насилие над нами осуществляется разными способами. Но из всех способов важнейшим является ирония. Тотальная ирония. Отсюда пародийный модус повествования, усвоенный современным нашим ТВ. Незнакомка Крамского, ожившая для того, чтобы брезгливо смахнуть с плеча птичий аксельбант, — своеобразный символ этой постмодернистской чувствительности. Кстати, все эти бесконечные ремейки, эти старые

песни на новый лад четко укладываются в постмодернистскую эстетику пастиша, цитатного пересмешничества и черного юмора. Виртуальная эсхатология, умозрительное восприятие «мира как хаоса» вообще характерны для молодежи стабильного и благополучного среднего класса. Но у нас-то значительная часть населения живет в предощущении вполне реальной социально-экономической катастрофы, в обстановке вполне реального хаоса… Им этот телевизионный постмодернизм абсолютно не понятен и даже вызывает раздражение. Ведь нынешнему телерепортеру ирония, как правило, заменяет то, что во времена застойного ТВ называлось «личным отношением», а иногда заменяет и просто знание предмета повествования. Ирония исчезает лишь в том случае, когда информация касается самих тележурналистов, шире — деятельности СМИ или нескольких священных коров и быков, которым позволено больше, чем Юпитеру.

Зато уж деятельность оппозиции для нашего ТВ совсем не предмет отражения, а объект пародирования. Достигается это самыми разнообразными способами. На снижение работает все — дебильный ракурс, неудачная оговорка, позевывание в заседании… Про такие элементарные вещи,

как глумливый монтаж и пренебрежительный закадровый комментарий, даже не говорю. Если бы Чубайса хотя бы несколько раз показали с той саркастической нелюбовью, с которой показывают, скажем, Зюганова, рыжеволосого «общенационального аллергена» давно бы уже в политике не было. Понятно, что угодное власти мероприятие снимается оператором сверху, если много народу, и снизу, если мало. И наоборот, неугодное мероприятие снимается снизу, если много народу, и сверху, если мало. Но это уже даже бабушки на завалинках знают.

Чтобы ни у кого не возникло подозрения, что зеркальная рама давно пуста, ТВ постоянно знакомит нас с мнениями случайно встреченных на улице прохожих россиян. Делается это так. Не допустили президента Лукашенко, скажем, в Ярославль, и вот у ярославских молодоженов спрашивают, как они к этому возмутительному факту относятся. Молодоженам, торопящимся на брачное ложе, понятное дело, все равно… Хороший репортерский ход, не правда ли? Но лучше, конечно, было бы в первую брачную ночь из-под кровати с микрофоном вылезти да и спросить: могут и вообще — к радости противников воссоединения Белоруссии и России — даже не

вспомнить, кто такой Лукашенко…

К некоторым политикам эфирный средний класс вслед за отдельными олигархами, разбогатевшими на абсурдистском разделе общенациональной собственности, испытывает совершенно явную и устойчивую неприязнь. Причем чем больше в этой фигуре государственнической энергии, тем неприязнь сильней. Ничего странного тут нет: восстановление мощной государственности неизбежно приведет к пересмотру раздела собственности и к переориентации телевидения с идеологии несуществующего класса на идеологию общенациональных интересов. А это, как ни крути, затронет судьбы многих людей, определяющих нынешний эфир, коснется это и тех персон, чьи политические судьбы определяются исключительно эфиром…

Со сказанным тесно связана и еще одна особенность современного российского эфира. «Младореформаторы», окончательно пришедшие к власти под звуки «Лебединого озера» (кстати, поставленного в телепрограмму за неделю до событий), в значительной степени «юниоризировали» ТВ, приспособив под интересы энергичной, перспективной, но не обладающей достаточным социальным и жизненным опытом части

общества. Именно на них, смело шагающих в светлое капиталистическое будущее, рассчитаны ужастики про развитой социализм, дубовые американские боевики, клипы и интервью, взятые у простодушных звезд на диванах, на крышах, на кухнях, в автомобилях и в постелях… Кстати, внимание агитпропа первых лет советской власти тоже было направлено в основном на молодежь, которой предстояло жить при социализме. Впрочем, о большевистских методах нынешней власти я уже писал многократно…

Да простят меня члены самопровозглашенной телевизионной академии, но наше телевидение порой напоминает мне «классный подряд». Была, точнее, грезилась когда-то такая комсомольская инициатива: выпускной класс ехал в колхоз и брал под свою ответственность, скажем, свиноферму. Так вот, когда я переключаю программы, у меня иногда складывается впечатление, что выпускной класс московской английской спецшколы взял в подряд отечественное телевидение. Дело нашлось всем — и действительно способным, и тем, что с «фефектами фикции», и даже второгодникам… Что из этого вышло — перед глазами у каждого из нас, причем каждый божий день.

А если всерьез, произошла чудовищная деинтеллектуализация ТВ. Писателя на экране заменил скетчист, историка — журналист, кое-что почитавший по истории, ученого — полуневежественный популяризатор. Остались, конечно, еще реликты профессионализма, но я говорю о тенденции. Как стойкий оловянный солдатик, долго держался канал «Российские университеты», но и он сгорел в огне предыдущей президентской кампании. А ведь это была одна из лучших общеобразовательных программ в мире! Общественность, конечно, повозмущалась, было протестующее письмо творческой интеллигенции в «Труде», статьи в «ЛГ» — но власть их попросту не заметила… Впрочем, через некоторое время, одумавшись, президент одарил нас каналом «Культура». Спасибо, конечно! Но когда же мы изживем эту чудовищную традицию — сначала взрывать намоленный храм, а потом на его месте возводить точную копию?

Из эфира ушел серьезный разговор. Вы давно слышали с экрана стихи, если не считать Евгения Евтушенко? Крылатого Пегаса заменили прокладки с крылышками… Умер историк М. Гефтер. Умер для телевидения В. Распутин, шестидесятилетие которого вообще не заметили,

хотя на пятидесятилетии выпускника кулинарного техникума Г. Хазанова, дай ему Бог здоровья, мы вместе с ТВ гуляли чуть не неделю! А удаление с телеэкрана хлопотливого литературного Саваофа Солженицына — вообще символ эпохи. Представьте себе Льва Толстого, приносящего статью, скажем, в «Ниву» и получающего ответ: «Низковат у вас, граф, рейтинг! Мы лучше на этом месте святочный рассказец напечатаем...» Заметьте и еще одну тенденцию: если прежде в эфире были нежелательны деятели культуры в основном государственно-патриотической направленности, то теперь та же участь постигла думающих и совестливых либералов. Самые противоположные люди сошлись в неприятии того, что сегодня творится в стране и... исчезли с экрана. А что взамен? В качестве интересных гостей все чаще приглашаются в студию тележурналисты, шоумены, дикторы... Это как если б таксисты, вместо того чтобы возить пассажиров, начали бы катать друг друга!

Особо хочется сказать о кинофильмах, в основном американских, которые без конца крутят по ТВ. Об уровне даже говорить не хочется — наши рядовые «мосфильмовские» ленты смотрятся после них как высокое искусство. А уж от лент

«Москва слезам не верит» или «Место встречи изменить нельзя» просто дух захватывает. Обилие «импорта» нам объясняют тем, что-де советский кинематограф в свое время не обеспечил нас достаточным для многочасового и многоканального вещания киноматериалом. Допустим… Но почему тогда так любовно и тщательно отбираются для нас американские боевики, снятые в самый разгар «холодной войны» и показывающие, как хорошие американские парни бьют, режут, стреляют, взрывают тупых монстров, одетых в странную форму — гибрид советского кителя и гусарского ментика времен войны 1812 года. (Звезда Героя Советского Союза величиной с орден Белого орла прилагается.) Не уверен я, что американцы при всей своей симпатии к интенсивно идущему в России процессу саморазрушения, освященному братской дружбой Билла и Бориса, показывают своим налогоплательщикам, скажем, весьма неплохой сериал «ТАСС уполномочен заявить…». Они же не идиоты, чтобы за свои деньги воспитывать у соотечественников комплекс национальной неполноценности. А мы? Идиоты?..

Телевизионщики любят показывать, как кто-нибудь закрывает растопыренными пальцами

объектив камеры. Да, кто-то закрывает, потому что боится правды… Но очень многие закрывают, потому что боятся неправды. Покажут то, чего не было, да еще обсмеют мимоходом… Нет, нам не нужно ТВ упертых политинформаторов, но и телевидение бездумного хохмачества, взирающее на трагедию страны с позиций несуществующего эфирного класса, тоже не нужно… ТВ — одна из важнейших опор государства, а не агрегат по выкорчевке оных. А в комедии «Семь лет несчастий» события разворачивались следующим образом: хозяин, заподозрив, что лакей его просто-напросто морочит, сначала приставил к несуществующему стеклу свой зад, а потом быстро, так, чтобы «отражение» не успело среагировать, обернулся… Надо ли объяснять, что он увидел перед собой?! Разъярившись, хозяин (в исполнении Макса Линдера) схватил что-то тяжеленькое, чтобы прибить глумливца, а тут как раз внесли новенькое, серебряно-невинное зеркало. И тяжеленькое полетело в настоящее отражение. Бац! Звон осколков…

И снова — пустая рама.

«ЛГ», 1998

СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ — «ЭЙЗЕНХАУЭРОВСКАЯ» Заметки о ратном сознании

В вагоне метро на самом видном месте прилеплена рекламка: «Призыв в армию? Нет уж, спасибо! За помощью обращаться по телефону…» Ниже — рисунок: трогательный мальчуган, сидящий на горшке и не ведающий, какая опасность ожидает его по достижении призывного возраста. Женщина лет сорока, моя ровесница, поставила сумку и старательно переписывает номер телефона в книжечку. Она не хочет отдавать своего сына в солдаты. Трудно осуждать ее за это: один лишь кошмарный виртуальный образ современной Российской армии, творимый в телевизионном эфире, способен напугать кого угодно. Да и жестокая реальность свое дело делает. В конце концов рефрижераторы с неопознанными останками парней, погибших на бездарной чеченской войне, существуют не в воспаленном воображении визгливой репортерши Масюк, а на самом деле.

Достаточно вспомнить русский фольклор, чтобы убедиться: настроение матери, провожающей

сына в солдаты, всегда было далеко от лучезарного. Да, с ее стороны это всегда была жертва, но сознательная жертва, приносимая (красиво, черт возьми, выражались предки!) на алтарь Отечества. Это была жертва чтимому божеству — оберегу и заступнику родного воинства! Провожали со слезами — но зато как встречали победителя или просто достойно выполнившего ратный долг! Сегодня многим, слишком многим, служба в армии кажется жертвой… Минотавру.

Среди утрат последнего десятилетия есть одна, не всеми осознанная, но чреватая страшными последствиями утрата. Я имею в виду постепенную утрату нашим обществом патриотического сознания. Патриотизм — это иммунная система народа, а если прибегать к военным сравнениям, — кольчуга. Когда в обществе ослабевает патриотизм, начинаются исторические болезни: смуты, самозванство, по-дурацки проигранные войны, презрение к ратному труду, экономическое запустение при наличии всех условий для процветания, приход во власть людей, которых и к весам-то в гастрономе нельзя подпускать — не то что к государственной казне.

Почему в конце XX века, когда те же американцы засовывают в свою ребятню патриотизм

вместе с первой жевательной резинкой и вбухивают в воспитание державного сознания огромные деньги, мы оказались без кольчуги? Причины уходят далеко в глубь российской истории. Возьмем ближайшие… Когда в борьбе за власть в Кремле «демократы» начали крушить СССР, советский патриотизм был обречен. Само слово «патриотизм» стало ругательным, а один бард-шестидесятник даже назвал его «кошачьим чувством». Более того, произошло нелепое разделение общества на «патриотов» и «демократов», а это примерно так же, как если делить население на рыжих и знающих иностранные языки.

Важнейший, я бы сказал, системный элемент патриотизма — ратное сознание. Оно залегает в архетипических глубинах человеческой души. Это совершенно особое чувство, обостряющееся в тревожные времена. Кстати, и разрушение ратного сознания умело осуществляется на тех же глубинных уровнях. И совсем не случайно наш телеэфир заполонен боевиками, в которых бравые американские солдаты лихо режут русских недоумков, одетых в некую пародию на советскую военную форму. Вспомните, когда в последний раз был снят добрый фильм про нашу армию? Я вам подскажу — почти двадцать лет

назад. «Весенний призыв» с молодым Игорем Костолевским в главной роли. Да и последним разоблачительным фильмам об армии уже десять лет. Армия выпала из сферы интересов постсоветского кинематографа. Современному подростку, смотрящему телевизор, эмоционально гораздо ближе «Полицейская академия» и полевой госпиталь «Мэш», нежели жизнь Российской армии. Американцы взяли от нашего соцреализма главное — социальный заказ государства на воспитывающее, идеологизированное искусство. Это не значит, что все искусство должно быть таким, но без такого искусства распадаются важнейшие духовные скрепы, соединяющие людей, превращающие соседей по лестничной площадке в соотечественников.

Когда в 1980 году я закончил повесть «Сто дней до приказа», меня начали вызывать в различные кабинеты на разнообразные беседы… И я узнал много такого, что в ту пору, естественно, в прессу не попадало. Среди этой информации было достаточно и грязи, и трагедий, но того, что происходит сейчас в армии, не было. Не было срочников, регулярно превращающих караулки и казармы в стрельбища. Не было эпидемии самоубийств среди офицеров. Не было генералов,

торгующих военным имуществом, как кавказцы марокканскими мандаринами. А главное, не было в обществе отношения к армии как к обузе. Откуда же все это взялось?! Кстати, дело прошлое, ГЛАВПУР уже почти разрешил публикацию повести, но тут в дело вмешался один влиятельный генерал и заявил, что эта «вредная» повесть никогда не увидит свет. Звали генерала Дмитрий Волкогонов. И этот теперь уже покойный человек навсегда останется для меня примером удивительной нравственно-политической метаморфозы, примером того, как из жестких шкурок упертых ретроградов вдруг выпархивали в мир этакие бабочки либерализма.

Но вернемся к вопросу о том, откуда взялось отношение к армии как к обузе. Если коротко и пунктирно, вот откуда. Любая революция первый удар наносит по силовым опорам свергаемой власти. Одной из таких опор и являлась Советская армия. Заодно был нанесен и мощнейший удар по ратному сознанию людей. Вспомните газетно-телевизионную истерику вокруг двух дачных холодильников покойного маршала Ахромеева! Вспомните попытку полководцев Великой Отечественной (ее как раз стали тогда именовать пренебрежительно — ВОВ) представить эдакими

бездарными кровопроливцами! Да вспомните, наконец, стыдливое празднование 50-летия Победы, когда главной проблемой было — приедет или не приедет в Москву Клинтон! Существуют, кстати, два вида преступного разоружения державы. Первый, когда бездумно уничтожают в одностороннем порядке в угоду политическому моменту нажитую с таким трудом военную технику. И второй, может быть, более опасный, когда вымарываются или замалчиваются героические страницы отечественной истории. За шумными спорами, сколько групп было послано водружать знамя на рейхстаге и кто на самом деле водрузил первым, вроде как и забыли: кто бы ни водрузил — это был советский солдат, а не американский, английский или французский. Кстати, современный американский школьник даже не знает, что СССР участвовал во Второй мировой войне. Мой разбогатевший приятель отправил сына учиться в Штаты и с интересом узнал от приехавшего на каникулы отпрыска, что, выходит, американцы освободили Россию от фашистских захватчиков…

Я, кстати, не обольщаюсь: моя повесть «Сто дней до приказа» вопреки авторской воле тоже активно использовалась в целях разрушения рат-

ного сознания, хотя писалась-то она с совершенно противоположными намерениями. Писатель — невольник эпохи. Нам казалось тогда: если бросить свет правды на уродливое явление, то оно, корчась, исчезнет, как упырь при солнечных лучах. Увы, оказалось, есть множество разновидностей зла, которые только жиреют и свирепеют от гласности. С подобным злом расправляться следует без шумных оповещений общественности и научно-практических конференций. Зло размножается в суесловии, как микроб в питательном растворе. Это урок многим деятелям культуры… Естественно, тем, у кого есть разум, а главное — совесть.

Сколько сказано, написано, снято о «дедовщине»! Исчезла? Ничего подобного. Лишь усугубилась и ожесточилась. Стали уже привычными сообщения типа: «…рядовой Н-ской части расстрелял из табельного оружия товарищей по этому самому оружию и скрылся. Ведутся поиски…» Где бы ни убежал солдат из части, об этом тут же оповещают всю страну по всем программам, как будто минимум российская дивизия в НАТО перекинулась. И честное слово, мне, искренне боровшемуся с казенщиной в армейской тематике, страстно хочется увидеть на

НТВ простенький сюжет про сержанта Сидорова, образцово выполнившего приказ командира и поощренного краткосрочным отпуском на родину! Но ведь Сидорову, чтобы попасть в кадр, нужно сначала сбежать из части, желательно с автоматом и парой рожков… Во всем мире при помощи гласности борются с пороками общества. Мы изобрели особый вид гласности, напоминающей дымовую завесу, скрывающую бездействие, бездарность и корыстолюбие высшей власти. «Ах, в армии кошмар!» — «Кто виноват?» — «Как кто? Армия…»

«Опускание» армии стало перманентным и уже превратилось чуть ли не в традицию. Как-то меня пригласили в популярную молодежную телепрограмму «Партийная зона» — поздравить парней с 23 февраля. Одновременно со мной поздравлял молодежь и один эстрадно-брачный дуэт. Так вот, их поздравления свелись к пожеланию призывникам как можно успешнее закосить от армии. Это было сказано с удовольствием. Среди людей, самоназвавшихся современной российской элитой, дурной тон — любить армию и гранд-шик — ее презирать. Речь не о всех, но о многих. На смену казенной армейской романтике советской эпохи пришла романтика «закашивания».

Призывник как бы заранее идет в подчеркнуто неуважаемую обществом «солдатчину». Лишь только вековая мощь ратного сознания нашего народа обеспечивает еще существование армии и проведение два раза в год призывов.

Но почему же казарма (это очень волнует сегодня солдатских матерей!) со страшной регулярностью превращается в стрельбище? Откуда эта жестокость? А чего же вы хотите, если с утра до вечера стреляют — по телевизору, на улице? Если президент урезонивает парламент с помощью танковых орудий? Если киллер превращается в заурядную профессию: предприятию требуются столяр, маляр и киллер… Пустить в ход АКМ сегодняшнему бойцу психологически гораздо проще, чем, скажем, во времена моей срочной службы. О «чеченском синдроме» даже не говорю — настолько это очевидно! Нельзя забывать и о наркоманизации молодежи, что психику призывника явно не укрепляет…

А тут еще катастрофа офицерского корпуса. Когда-то поэт-фронтовик Георгий Суворов, погибший при освобождении суверенной ныне Эстонии, написал: «Есть в русском офицере обаянье…» Есть. Осталось. А вот хрестоматийные строчки — «слуга царю, отец солдатам» — вос-

принимаются сегодня, к сожалению, чуть ли не иронически. Какому царю? Тому, что министра обороны, как клоуна, наряжает то в китель, то в пиджак? Тому, который не желает даже пятнадцать минут слушать доклад о военной реформе, разрабатывавшейся годами? Отец солдатам? Какой отец, если офицер, сидя без зарплаты, собственных детей прокормить не в состоянии?! О каком воспитании личного состава можно вести речь, если прежняя система политработников развалена под радостные крики революционных завлабов и завклубов, а новая только создается? Простой вопрос — кого должен защищать в случае чего современный российский воин? Олигархов, вывозящих из страны по миллиарду в неделю? Политиков и чиновников, у которых семьи на всякий случай уже за границей? Пядь родной земли — после того, как на Беловежской летучке отвалили соседям за здорово живешь исконные наши земли? Бойцу говорят: надо любить Отечество. А в столице в выставочном зале посетителям предлагают заглянуть под хвост корове и таким образом проникнуть в тайну России. Раньше это называлось кощунство. Теперь — «перформанс». Не хотел бы я быть сегодня замом по воспитательной работе в подразделении…

А все-таки странно. Вроде бы буржуазная революция (реставрация) победила: у нас теперь уже есть владельцы заводов, газет, пароходов, свои олигархи, свои безработные и бездомные. Самое время начать относиться к армии, как к опоре собственного, а не прошлого режима. Нет, не относятся… Может быть, потому что за последние годы армия стала у нас и в самом деле рабоче-крестьянской — то есть классово чуждой нынешним хозяевам жизни, а значит, и опасной? Хоть у одного нынешнего нувориша или политика сын или внук отслужил срочную? Может, у Чубайса? Огласите весь список, пожалуйста! Нет, не оглашают… Не потому ли моя ровесница тщательно списывает телефон с рекламного листочка в вагоне метропоезда?

В последние годы, поняв гибельность отсутствия державной идеологии и насмотревшись на ракетно-бомбовые способы защиты демократических ценностей (в Ираке и бывшей Югославии), российская власть пытается вернуть из ссылки «патриотизм», да и к армии, судя по всему, начинает относиться снисходительнее. Когда писались эти заметки, телевизор принес радостную весть: Б. Ельцин пообещал увеличить военнослужащим денежное довольствие в полтора раза.

Как говорится, дай-то бог! Но возвращение патриотизма в общественное сознание идет трудно. Даже теледикторы никак не могут унять судорогу в голосе, когда произносят слова «патриот», «патриотический»… Кстати, телевизор нас сегодня с утра до ночи пугает наступлением фашизма и экстремизма. Так вот, я хочу напомнить, что фашизм и экстремизм начинаются с попирания патриотического чувства. Не бойся патриотизма, и тебе не придется бояться фашизма! Не смейся над патриотизмом, и тебе не придется рыдать от экстремизма!

Патриотизм возвращен из ссылки, но как бы условно. Власть медлит по-настоящему опереться на созидательную мощь обостренного патриотического сознания. Власть ведь оказалась в сложном положении. С одной стороны, даже последняя кремлевская мышь понимает, что выход из духовного и экономического кризиса, возрождение изничтоженной армии неизбежно потребуют от народа жертв и лишений во имя будущего страны. С другой стороны, как только патриотическое сознание окрепнет, многие деятели, пребывающие или побывавшие у власти в последнее десятилетие, будут вынуждены ответить на самые разные вопросы — про Сева-

стополь, про миллионы русских, отданных на поругание «этнократическим демократиям», про миллиарды долларов, вывезенные за рубеж, про рукотворную демографическую катастрофу, про постыдную утрату страной своих вековых геополитических позиций, про ограбленное поколение победителей и про многое, многое другое… История показывает, что обычно на такие вопросы отвечают не в мемуарах, а в зале суда. Власть медлит, думая не о завтрашнем дне России, а о собственных видах на будущее. А самый лучший вид на будущее, как известно, из кремлевского кабинета.

...Женщина вышла на «Кутузовской», спрятав блокнотик с заветным телефоном в сумку. Она не виновата. Она живет в такое время, когда любить свою армию — не принято. Когда офицер, обвиненный в шпионаже, не стреляется, а выдвигается в народные депутаты. Она живет в странное время, когда принято восхищаться отважными израильтянками, служащими в воюющей армии, и насмехаться над российскими парнями, по повестке являющимися в военкомат. Когда в Латвии судят партизана Великой Отечественной войны, судят именно за партизанское прошлое, а российская власть помалкивает. Разруха, как справедливо заметил классик, — прежде всего в головах. Еще лет десять такой разрухи — и, вполне возможно, станция, на которой сошла моя ровесница, будет называться «Эйзенхауэровская».

«Красная звезда», 1998

СЛОВО — НЕ ПТЕРОДАКТИЛЬ
Вместо манифеста

То, что слово не воробей, общеизвестно и даже записано в словаре Даля. То, что слово не голубь с оливковой веточкой в клюве, для нас, обитателей современной России, увы, очевидно. А вот в том, что слово не птеродактиль, несущий в двухметровой пасти связку розог для общественной порки, сегодня читателей надо долго убеждать. Давайте сознаемся: мы живем в эпоху нарастающего антиСМИтизма (не путать с антисемитизмом — явлением непростительным!). И этот антиСМИтизм объясним. Во-первых, «четвертая власть» долгое время была, извините за выражение, информационным спонсором многих ошибок и даже преступлений минувшего десятилетия. Потешаясь над былым академиком Лысенко и его ветвистой пшеницей, пишущие и говорящие в эфире высокообразованные граждане с юннатской непосредственностью навязали обществу столько бредовых проектов под видом реформ и столько проходимцев под видом реформаторов, что полуграмотные селькоры первых

лет советской власти, как говорится, отдыхают. Нет, я понимаю: хотели как лучше… Но и Лысенко хотел как лучше. Между прочим, еще у древних индоевропейцев был миф о пшенице со ста колосьями. Но какая-то архетипическая мамаша подтерла второпях этим высокоэлитным злаком попку младенцу, и Творец осерчал… Так что академик со своим проектом просто умело воспользовался генетической памятью вождей и обывателей. Тоже ведь был пиарщик!

Во-вторых, «четвертая власть», как это ни печально, подобно КПСС, очень уж жаждала быть «руководящей и направляющей силой общества», при этом перекладывая всю ответственность за неудачи на остальные ветви власти и неуспешный народ. Белые одежды медиакратов посреди всероссийской антисанитарии выглядели вызывающе, как реклама «мерседеса» в вымирающем шахтерском поселке. Политзанятия того же Евгения Киселева, который еженедельно поучал подданных телезрителей с неторопливостью полупарализованного Брежнева, в конце концов утомили. Кстати, упомянутый мной антиСМИтизм связан еще и с тем, что многие труженики информационного поля, ведя неустанную битву за политический урожай,

упорно, иной раз даже вопреки внутренним убеждениям, навязывали соотечественникам идеологию так называемого среднего класса. Но вот беда: идеологию создали, а класса нет — не возник по ряду обстоятельств. Вот и получалось: у одних щи пустые, а у других общечеловеческие ценности мелковаты… Не с этими ли обстоятельствами связан тот факт, что за прежнее НТВ в дни недавних эфирно-классовых боев вступилось немногим больше народу, чем за КПСС в 1991-м? Есть о чем задуматься людям с блокнотами, микрофонами и камерами, да и автору этих строк в том числе..

В-третьих, произошла одна крайне неприятная вещь. Рядовым налогоплательщикам, иногда в просторечье именуемым народом и озабоченным поисками хлеба насущного в условиях рыночного изобилия, осточертело наблюдать бесконечный залоговый аукцион, на котором состоятельные господа борются за право приватизировать свободу слова в нашем Отечестве. Тем более что свобода слова в том смысле, как она понималась в минувшее десятилетие, имеет к свободе такое же отношение, как свободная любовь к любви. Под свободой слова подразумевалось неоспариваемое право навязывать обществу свою точку зрения,

при этом старательно оберегая эфир и газетные полосы от иных взглядов, идей, концепций.

Помнится, в пору, когда шумно обсуждался закон о наблюдательных советах на ТВ, меня пригласили поучаствовать в судебном телешоу. Я был за наблюдательные советы. Мне вообще непонятно, как можно протестовать против контроля общества над СМИ, ведь в эпоху высоких информационных технологий возможны фантастические манипуляции общественным сознанием. Скоро марионетки будут в своих поступках свободнее нас с вами! Кроме того, наблюдательный совет, состоящий из авторитетных профессионалов, способен не только указать на недобросовестность коллеги, но и поддержать журналиста, скажем, в его конфликте с властью или, допустим, с работодателями, имеющими, как мы знаем, иной раз весьма специфический, производственно-прикладной взгляд на свободу слова. Теперь, в новых политических условиях, многие об этом призадумались, а тогда, в пылу дискуссий, чтобы окончательно убедить российскую общественность в том, что на образцовом Западе нет и не может быть никаких наблюдательных советов, на запись передачи пригласили руководителя русской службы вли-

ятельной зарубежной радиостанции. И дали, как говорится, маху: честный англосакс встал и спел хвалебную оду наблюдательным советам, чрезвычайно влиятельным на его островной родине. Надо ли объяснять, что в эфир передача вышла без этой оды. Кстати, главного редактора популярной газеты, председательствовавшего на том телепроцессе, я потом неоднократно встречал в эфире в качестве неутомимого борца за свободу слова. Я понимаю, что выскажу сейчас мысль, которая у многих вызовет негодование, но я скажу и даже сознательно ее обострю: никто, на мой взгляд, за минувшее десятилетие не нанес такого ущерба идее свободы слова в России, как сами журналисты. Готов выслушать возражения и предоставить страницы «ЛГ» для серьезной дискуссии на эту тему…

Есть и еще одна важнейшая проблема. Ренан говорил: скопище людей нацией делают две вещи — общее великое прошлое и общие великие планы на будущее. Мы пережили эпоху чудовищного общегосударственного кризиса, страшного идейно-нравственного раскола, стремительного и зачастую вызывающе несправедливого имущественного расслоения. Лет через пятьдесят, наверное, уже можно будет рассказывать краси-

вые легенды о начитанном джинсовом мальчике, удачно перепродавшем свой первый блок «Мальборо» и ставшем в этой связи миллионщиком. Но мы-то с вами видели воочию, как формирование нынешней элиты шло по незабвенному чичиковскому принципу: «Зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай...» И все-таки... Историческая судьба страны, как поняли это наши соотечественники в 20—30-е годы минувшего века и как осознают многие сегодня, — значительно шире классовых перипетий и экономических пертурбаций. Даже коммунисты нынче, заметьте, больше говорят об утраченном величии Державы, нежели о провороненной социальной справедливости. Можно сколько угодно иронизировать по поводу долгожданной общенациональной идеи и снова уносить «зажженные светы» на интеллектуальные московские кухни, но не лучше ли сообща, забыв взаимные обиды, принять участие в формировании и формулировании наших общих великих планов на будущее? Ведь в противном случае жить нам придется по чужим формулам. Это как гимн: нравится — не нравится, а изволь встать и снять головной убор. Не хочешь? Сиди дома.

Сейчас много разговоров о взаимоотношениях

российской интеллигенции и российской власти. По моему глубокому убеждению, человек думающий, а тем более пишущий вынужден, как правило, быть в оппозиции к власти — силе надчеловеческой. В споре несчастного Евгения с Медным всадником лично я сочувствую Евгению. Русская литература всегда старалась быть на стороне слабого и противостояла рвущимся, как пел Окуджава, «навластвоваться всласть». Впрочем, тут все дело в степени этого противостояния: у разумной власти — разумная оппозиция, и наоборот. Но вот к чему, по-моему, нельзя быть в оппозиции никогда и ни при каких условиях — так это к российской государственности. К сожалению, декларирующие свою оппозицию к власти на самом деле иной раз пребывают в оппозиции именно к российской государственности. Поясню метафорой. Останкинская башня ни в коем случае не должна становиться двадцать первой башней Кремля. Но, с другой стороны, разве может она быть штурмовой башней, оборудованной стенобитными машинами, рушащими все то, что создавалось трудом, талантом и лишениями десятков поколений?

Речь, конечно, не о введении нового единомыслия в России. Речь о том, что хватит, пожалуй, груды умственного мусора, наваленного за перестроечные и постперестроечные годы, всерьез выдавать за баррикаду, навеки разделившую российское общество, и в особенности нашу интеллигенцию. У самого отвязного либерала и самого укорененного почвенника при всех непримиримых различиях есть хотя бы одно общее. Но какое! Это общее — Россия, страна великих слов и великих дел. И если это общее не станет поводом к долгожданному диалогу, компромиссу, сотрудничеству и сотворчеству, то спилберговский «Парк Юрского периода» с его динозаврами и птеродактилями покажется нам вскоре райскими кущами…

«ЛГ», 2001

ЗАБЫТЫЕ СОЮЗНИКИ

Скоро 23 февраля — День защитников Отечества. Прежде этот праздник именовался, если помните, иначе — День Советской армии и Военно-морского флота. Понятно, что с разрушением советской цивилизации сей красный день календаря был обречен на переименование. И это нормально. Но почему он стал называться Днем защитников Отечества, а, скажем, не Днем Российской армии? Случайно? Едва ли… В Кремле даже случайные люди случайно ничего не делают. Ведь не переименовали же в угоду «зеленым» День рыбака, например, в День труженика акваторий…

Всем памятно почти мазохистское миролюбие, охватившее наше общество в конце 80-х и начале 90-х годов. С высоких трибун звучали слова «о Верхней Вольте с ядерным оружием», саркастические вопросы вроде: «Да кому мы нужны?» или: «От кого будем защищаться?» Горбачев, похожий на выросшего до невероятных размеров голубя мира, летал по странам и континентам, уверяя, что СССР больше не несет человечеству никакой

угрозы. А разве, спросите вы, не следовало прекращать изнуряющую военную конфронтацию с Западом? Конечно, следовало. Но не так! Ведь в подтверждение нового мышления бездумно сворачивались оборонные программы, чохом резались танки, взрывались ракетные шахты, люди в погонах объявлялись чуть ли не дармоедами, а наша Западная группировка войск покидала Европу с торопливой безалаберностью малолетних хулиганов, застуканных в чужом саду. Над глубинным, веками воспитанным ратным сознанием народа попросту издевались. Самооплевывание шло с поистине верблюжьим размахом. Наиболее продвинутые идеологи даже предлагали поровну поделить вину за Вторую мировую войну между Гитлером и Сталиным. Еще немного — и Малахов курган переименовали бы в Молохов, объявив символом бессмысленного кровопролития и напрасных жертв…

Но остановились. Почему? Да потому, что, с одной стороны, державы, противостоявшие нам в «холодной войне», лукаво похваливая нас за приверженность общечеловеческим ценностям и раздавая «премии мира», множили тем временем свою боевую мощь, наращивали военное присутствие в местах нашего отсутствия, и стано-

вилось ясно: воткнув штык в землю, мы теряем не штык, а землю. С другой стороны, грянула Чечня — боль и позор новейшей России. Пришло понимание того, что древнюю мудрость «хочешь мира — готовься к войне» никто не отменял. Просто сформулировать ее в духе времени следует иначе: «Миролюбие сильного уважают. Над миролюбием слабого потешаются». А надо ли объяснять, что социально-экономические катаклизмы минувшего десятилетия нанесли оборонной мощи страны страшный и, скорее всего, невосполнимый урон?! Ведь все шумные обличительные кампании в средствах массовой информации против действительно вопиющих недостатков наших Вооруженных сил велись на уровне сладострастной констатации мрачных фактов и фуршетных призывов срочно создать профессиональную армию. Кто ж спорит с тем, что хорошо вооруженные и высокооплачиваемые профессионалы лучше хворых призывников! И наш президент так же считает. Только все это очень напоминает решительный совет затуберкулезившему бомжу немедленно отправиться на лечение в высокогорный швейцарский санаторий.

Есть ли выход? Помнится, в старой России бо-

гатые люди не только дворцы и храмы строили, они еще на свои средства снаряжали и содержали полки. Представляете картину: военный парад, на Мавзолее стоит руководство страны. Динамики разносят радостный голос комментатора, к примеру, Евгения Киселева: «А сейчас на Красную площадь вступают овеянные славой гвардейцы-потанинцы! Следом печатает шаг отдельный ударный батальон «Альфа» имени Петра Авена! Грозно движется колонна вяхиревской бронетехники, заправленной природным газом! А вот передо мной телеграмма от Анатолия Чубайса. Энергетики прощают долги частям ПВО и желают им успехов в боевом дежурстве!..»

Но шутки в сторону. Сегодня мы имеем странную ситуацию: на государственном уровне потребность в мощной современной армии очевидна и даже строго провозглашена. Найдены кое-какие средства. Вместе с тем не решены проблемы, требующие не столько материальных, сколько мировоззренческих усилий. Идеология медийной интеллигенции, формирующей общественное сознание, до сих пор, как правило, остается на уровне профанического пацифизма начала 90-х. Заметьте, на нашем ТВ сюжеты, скажем, об израильской или американской армии

изготавливаются по геройским канонам сладкоголосой передачи «Служу Советскому Союзу», зато о собственных Вооруженных силах нам чаще всего повествуют в жанрах беспощадно-разоблачительной журналистики. О каждом побеге солдата из части страну скорбно оповещают в общефедеральных теленовостях. А вот о побеге за рубеж какого-нибудь банкира с денежками доверчивых вкладчиков мы можем и не узнать. Зачем бросать тень на крупный отечественный бизнес? Я не призываю, упаси бог, к тому, чтобы армия снова стала зоной, закрытой для критики. Не для того много лет назад вместе с журналом «Юность» боролся за публикацию моей повести «Сто дней до приказа». Но постоянно изображать армию безжалостной «зоной» тоже нельзя. Есть восточная пословица: «Если человека сто раз назвать ослом, он в осла и превратится».

Теперь я возвращаюсь к тому, с чего начал. Именуя 23 февраля Днем защитников Отечества (красиво, надо признать!), власть имущие лингвисты далеко не случайно забыли слова «армия» и «флот». Ведь именно армия и флот, по меткому выражению русского императора, единственные и самые надежные союзники России. Новое, более миролюбивое название ратного праздника — это, как модно сейчас выражаться, знак, поданный нашему новому союзнику — Западу. Вероятно, чтобы оценить этот знак получше, НАТО и придвинулось вплотную к российским границам…

«ЛГ», 2002

ТРИСТА ЛЕТ ВМЕСТЕ
Юбилейная инвектива

Круглая дата — вполне уважительный повод для славословия. Можно, конечно, повосхищавшись цивилизационным прорывом, который совершил триста лет назад Петр Великий, пожелать российской прессе новых побед в борьбе за демократию, свободу слова, политкорректность и прочую общечеловеческую бижутерию. Однако отечественная пресса в последнее десятилетие выработала довольно своеобычный подход к торжественным датам, сводящийся к формуле: «Мы, конечно, поздравляем, но…» Например, никогда широкий читатель не был так подробно осведомлен о человеческих слабостях и недостатках Пушкина, как в год его недавнего 200-летия. Грядет юбилей победной Курской битвы, и будьте уверены: журналисты приложат все усилия, чтобы теперь, спустя 60 лет, мы не узнали, кто в ней победил! Таким образом, делясь с читателями некоторыми нерадостными соображениями о нашей трехсотлетней молодице, я всего лишь следую канонам, выработанным ею самой.

Лучшие российские умы весьма сдержанно и без восторгов относились к роли печати в обществе. Основатель «Литературной газеты» великий Пушкин писал, между прочим: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно». (Увы, допускали — и в 1917-м, и в 1991-м.) Почти через сто лет после Пушкина Розанов вновь отмечал именно разрушительные, а не созидательные свойства прессы: «Печать — это пулемет, из которого стреляет идиотический унтер. И скольких Дон Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Да и вовсе не доберутся никогда…»

Те, кто еще не забыл перестройку конца прошлого века, согласятся со мной, что процитированные слова классиков отнюдь не поэтическая гипербола. Советско-коммунистическая цивилизация на наших глазах была сметена восстанием журналистов, правда, приказ о начале восстания поступил, как ни странно, из ЦК КПСС. Поэтому видеть причину краха исключительно в мятеже пролетариев петита и батраков прямого эфира так же нелепо, как видеть причину падения Российской империи в залпе «Авроры». Просто

отечественная пресса на всех крутых поворотах нашей истории до самоиспепеления воодушевлялась очередной «окончательной» версией прогресса, страстно навязывала ее обществу, выставляла сомневающихся, в том числе и журналистов, воинствующими неандертальцами, и все это для того, чтобы спустя несколько десятилетий потешаться над теми, кто в поте лица трудился, материализуя воздушные замки пожелтевших передовиц. Впрочем, может быть, именно таким довольно подловатым способом воплощается в жизнь великая и вечная парадигма развития. Но трудно при этом не заподозрить, что первым журналистом на земле был змей-искуситель, крупно подставивший наших прародителей.

Из своих трехсот лет почти двести восемьдесят российская пресса действовала в условиях жестко централизованных систем — сначала монархической, затем советской. В известной степени она выполняла функции отсутствовавшей официальной политической оппозиции — отсюда ее необъятные амбиции и претензии на власть, хотя бы четвертую. Это вечное, но, по сути, безысходное противостояние испортило характер отечественной прессе: она сделалась по преимуществу оппозиционной не власти и даже

не государству, а самой российской государственности. Государственник в медиасреде похож на натурала, по оплошности забредшего в гей-клуб.

С другой стороны, долгие годы существования в исторических обстоятельствах, когда могли выпороть, сослать, а позже и попросту расстрелять, выработали у российской прессы еще одно качество, необходимое для выживания. Я имею в виду самозабвенный сервилизм, который живет в душе отечественного журналиста по соседству с отчаянным либерализмом. Вот почему наша пресса, потряся своим свободолюбием одну шестую часть суши и поспособствовав ее уменьшению до одной седьмой, потом вдруг куртизанисто расселась по коленям олигархов, вполне удовольствовавшись ролью относительно благополучной части обманутого и обобранного общества. Эта сервильная оппозиционность, или оппозиционная сервильность (кому как нравится) и составляет «лица не общее выраженье» нашей юбилярши.

Надеюсь, никого не обижу, если скажу, что пресса сама по себе не производит идей, точно так же как почта не пишет писем — она их пересылает. Как бы ни морщили в интеллектуальном изнеможении лбы телекомментаторы, как бы

назойливо ни мудрствовали газетные обозреватели, даже самые глубокие, оригинальные их мысли, за редчайшим исключением, — это «версаче», пошитые в стамбульском подвальчике. Ничего постыдного тут, кстати, нет: производить идеи — работа других, дело прессы — эти идеи распространять, по возможности выбирая те, которые поднимают и облагораживают жизнь. Почему российская пресса чаще всего выбирает и навязывает идеи, опускающие общество, способствующие усугублению комплекса национальной неполноценности, — вопрос интересный и заслуживающий отдельного исследования.

Мое же, как заметил читатель, весьма субъективное мнение таково: свое трехсотлетие наша отечественная пресса встречает охваченная тяжким недугом, имя которому — информационная агрессивность в сочетании с изумительной социальной безответственностью. «Делать новости», подгонять реальность под свое очередное заблуждение, создавать параллельную виртуальную действительность, сбивающую с толку людей, — вот главное занятие нынешней прессы. Медиасообщество на наших глазах превращается в особый, весьма эгоистичный народец — «медийцев», распоряжающихся информацией, как

сырьевые атаманы приватизированной нефтью. Вероятно, поэтому разговоры о священной свободе слова рождают сегодня у простого человека ту же усмешку, какую вызывали недавние плакаты «Вперед, к победе коммунизма!». Справедливости ради надо признать: это не чисто российская, а общепланетарная проблема, которой серьезно озабочены честные интеллектуалы, такие как автор «ЛГ» итальянец Джульетто Кьеза.

Конечно, журналистам обидно читать эту мою юбилейную инвективу, но я сознательно ужесточил ситуацию: пусть и они хоть однажды почувствуют то, что слишком часто ощущает рядовой российский гражданин, разворачивая газету или включая телевизор. А нашу юбиляршу, вступающую в свое четвертое столетие, хочется напутствовать гиппократовским пожеланием: «Исцелись сама, российская пресса, и не навреди!»

«ЛГ», 2003

ЗАМЕТКИ НЕСОГЛАСНОГО

Жить в России сегодня трудно, тревожно и обидно. Мне, например, обиднее всего вспоминать о том, как моя страна продала свое мировое если не «первородство», то уж точно «второродство» за невразумительную похлебку из общечеловеческих ценностей. В результате мир существует теперь в условиях силового экспорта «американской демократии» — особого общественного устройства, которое к собственно демократии имеет такое же отношение, как «царская водка» к любимому нашему отечественному напитку.

«Эка хватил! Мне бы твои заботы!» — нехорошо усмехнется беззарплатный бюджетник и будет, наверное, по-своему прав. Но дело не в кухонно-геополитических амбициях, а в исторической судьбе России: олимпийскому боксеру-тяжеловесу неприлично работать вышибалой в борделе для лилипутов. Мы живем в стране, утратившей (временно, надеюсь) смысл своего бытия, и эта бессмысленность во многом определяет все происходящее вокруг — от Кремля до обжитого бомжами подвала…

Впрочем, вышеупомянутый насмешливый бюджетник сам давно ломает голову над вопросом: «Почему, сбросив с себя бремя гонки вооружений, перестав спонсировать блуждание по миру великой социалистической идеи, избавившись в Беловежской Пуще от “братьев меньших” (а заодно и от многих исконных российских земель), мы не зажили весело и богато, на зависть, так сказать, всему мировому сообществу?» Вопреки обещаниям, оказалось, простое благополучие в постсоветской России гораздо больший дефицит, чем ондатровые шапки при социализме. В прежние времена обладатели ондатровых, как выразился бы Солженицын, «наголовников» все-таки заботились (правда, все хуже и хуже) о том, чтобы у остальных были хотя бы кроликовые ушанки.

Что же сегодня? Для многих политиков, давайте честно признаемся, наша страна давно превратилась в одну большую избирательную урну, а мы с вами из хомо сапиенс — в хомо электоратус. Российским деятелям культуры, тем же киношникам, ночами снится американский «Оскар», смахивающий, между нами говоря, на уменьшенное до сувенирных размеров надгробие всему остальному национальному кинематографу.

(Надеюсь, вставший на крыло усилиями Никиты Михалкова «Золотой орел» хоть что-то изменит в этой стыдной ситуации.) Отечественным нуворишам, в просторечье именуемым олигархами, за редким исключением, плевать на нас с вами с высокой финансовой пирамиды. И бегство капитала из страны (можете посмеяться над моей наивностью) явление не столько экономическое, сколько нравственное.

В России воцарилось тотальное неуважение к собственной стране. И тон задают, как ни странно, «новые русские». Лезущие в глаза телевизионные технологи комплекса национальной неполноценности — всего лишь следствие. Но почему же они, наши постсоветские буржуины, получившие то, о чем и не мечтал незабвенный Корейко, так относятся к Державе? Да потому что Держава со всеми своими заводами, газетами и пароходами отдалась им в начале девяностых, как напившаяся недотрога на корпоративной вечеринке — без ухаживаний, клятв и обязательств. Просто так. И дело не только в том, что перераспределение общественной собственности произошло далеко не по принципу «каждому по способностям» — тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, родоначальники иных знатных

российских фамилий тоже не были постниками и праведниками. «Птенцы гнезда Петрова» Меншиков или Шафиров воровали так, что Европа только крякала от изумления. Однако, наделяя в стародавние годы дворян вольностями, землями и холопами, государство требовало от них суровых служилых повинностей. И пока эти повинности выполнялись, страна росла и усиливалась. Как только остались одни вольности — рухнула. Примерно то же самое (но в более сжатые сроки) произошло с советской номенклатурой, а соответственно и с СССР.

А на чем, вспомните, поднялась новая политическая элита? Правильно: на разрушении веками складывавшегося на евразийском пространстве многонационального государства. Вы думаете, это когда-нибудь забудется? Никогда. Вы думаете, почему наши либералы так против смертной казни борются? Из-за трогательной заботы о серийных убийцах? Нет, просто они хорошо помнят, что именно высшей мерой в прежние годы каралась государственная измена. Вероятно, поэтому шпионаж в нынешней судебной практике приравнивается к сквернословию в общественном месте. Чем политическая элита может искупить свою вину перед Державой? Тем

же, чем искупили большевики: восстановлением разрушенного и возвращением утраченного. Реально это сегодня? Нет, нереально. После показательного, на весь мир, харакири, совершенного во имя укрепления взаимного доверия между Востоком и Западом, странно жаловаться на плохую работу кишечника. Восстановление, конечно, произойдет, но будет стоить огромных трудов. Полагаю, библейская печаль в глазах нашего президента происходит во многом от понимания того, какие мощные силы не заинтересованы в подъеме России.

Но я вспоминаю разговор с одним немецким писателем, состоявшийся еще в те годы, когда Берлин разделяла стена. Он сказал так: «Моя страна разорвана. Это историческая данность, с которой бессмысленно спорить. Я и не спорю. Я просто с этим не согласен. И все немцы с этим тоже не согласны!» Тогда я не понял смысла его слов. Теперь, глядя на объединенную Германию, понимаю. А есть ли сегодня у нашей интеллектуальной элиты это спокойное, конструктивное, обращенное в будущее несогласие с нынешним состоянием страны? Нет. Точнее, почти нет. Значит, не будет этого созидательного несогласия и у народа, ибо государствообразующие идеи в

огороде не растут.

Теперь об элите экономической, поднявшейся, как все отлично помнят, на приватизации, результатами которой недовольно подавляющее большинство населения. Пожалуй, сегодня на просторах Отечества это недовольство — единственное (разумеется, кроме русского языка), что объединяет наш многонациональный и разноконфессиональный народ. И следует помнить: массовое неприятие «прихватизации» делает весь класс новых собственников по сути нелегитимным. Следовательно, в любой момент «мерседес» может превратиться в тыкву, а телохранители — в крыс. Значит ли это, что необходима, а главное — возможна деприватизация? Не уверен. «Родить обратно» приватизацию уже нельзя. Что же может в этой ситуации нынешняя власть, более всего озабоченная легитимизацией хапнутого ловкими мира сего? Немногое: создать такие нравственные и правовые условия, когда новые владельцы общенародной собственности вынуждены эксплуатировать ее не только себе, но и Державе на пользу. Почему же власть этого не делает или делает недостаточно эффективно? Прежде всего потому, что она до сих пор ощущает себя властью предпринимателей, а не всего

российского народа. Именно отсюда ее поразительная непредприимчивость.

Другая причина заключается в том, что нынешние верхи ни дня не были пассионарными, они стартовали с того, чем закончили дворянство и советская номенклатура — с безответственности, пофигизма и желания просто «пожить». Вы только вспомните тип людей, окружавших президента Ельцина! Это же за редкими исключениями какой-то коллективный зять Межуев при подгулявшем Ноздреве! Разрушив медленно, слишком медленно эволюционировавшую командно-административную систему, они создали карманно-административную антисистему, ввергнувшую нас из застоя в исторический простой, ибо смысл и назначение этой антисистемы сводится к набиванию карманов с помощью административного ресурса. Чтобы понять, сколько мы из-за этого потеряли, достаточно побывать в Китае, не разрушившем свою командно-административную систему, а сделавшем ее инициатором и регулятором модернизации страны.

«Ты куда, сукин сын, нас зовешь?» — может спросить автора этих строк иной проницательный читатель, воспитанный на ксерокопирован-

ном «Архипелаге ГУЛАГ» и подпольном «Скотном дворе» Оруэлла, позаимствовавшего этот сюжет, кто не знает, у нашего историка Николая Костомарова. Туда и зову — вперед, к командно-административной системе! Пятнадцать лет реформачества (произнести «реформирования» просто язык не поворачивается) убедительно показали, что «умный рынок», самочинно решающий все экономические проблемы, существовал только в недалекой голове обозревателя газеты «Правда» Егора Гайдара. Там он и остался. Мы же в результате получили безумный рынок, при котором обыватели мерзнут без электричества, а военные летчики сидят без топлива и поддерживают свою боеготовность, глядя по телевизору бомбежки Багдада.

Конечно, когда лично член Политбюро Суслов запрещал Ларисе Васильевой печатать в «Дне поэзии» стихи Гумилева, а ресторан Дома литераторов с трудом добивался от Главобщепита редкостной привилегии не брать вялую зелень с базы, но покупать петрушку на колхозном рынке, из такой командно-административной системы ничего путного выйти не могло. Но если фреза берет слишком глубоко, зачем разносить весь станок кувалдой? Не проще ли переналадить?

Не надо забывать, что мы живем в огромной северной стране, географически открытой любому нашествию, в стране, где веками складывались коллективные формы выживания, а соответственно общинное сознание и особое, уповающее отношение к государству. Веками инициатива населения (если исключить бунты, да и то не все) направлялась властью, веками наши люди были государевыми, а потом три четверти века советскими, то есть тоже государственными. Разумеется, у этого не раз выручавшего нас коллективизма есть обратная сторона: сниженная индивидуальная активность, осложненная или, если хотите, облагороженная нестяжательной православной этикой. И этот уникальный социум без серьезной государственной опеки мы в одночасье, опираясь на западные теории, хотели превратить в рыночное общество?! Да ведь, извиняюсь, одно и то же слабительное на всех по-разному действует. Мы сами отключили свой наиважнейший, веками выстраданный ресурс — государственность. Америка «сделала» Советский Союз исключительно потому, что ее командно-административная система оказалась более жесткой и эффективной.

У России сегодня нет государства, соответ-

ствующего ее экономическому потенциалу и национально-историческим задачам. У нас есть государственно гарантированные условия для дальнейшей деградации и депопуляции. Лично я с этим не согласен. Полуосознанно и безысходно не согласен народ, то и дело выплескивающий свое возмущение на улицы. Не согласны с этим даже совестливые и дальновидные иностранцы, с недоумением наблюдающие картину последовательного саморазрушения великой некогда Державы. Не согласен с этим, как я понимаю, и Кремль.

Так чего же мы ждем?

«ЛГ», 2003

РОССИЯ В ОТКАТЕ

Каждый нормальный человек, считающий Россию своим Отечеством, а не случайным местом рождения или обогащения, нередко с тоскою задумывается о том, что же все-таки происходит на самом деле в нашей стране. Почему, столь решительно и даже глумливо отстав от социализма ради того, чтобы пристать к цивилизованным рыночным странам, мы откатились почти по всем показателям, в том числе и по качеству жизни, в самый конец общемирового списка? Почему объявленный рывок в будущее отбросил нас в прошлое — и в геополитике, и в экономике, и в науке, и в культуре, и в образовании, и в здравоохранении? Нет, Россия не в обвале. Она в небывалом, вызывающем оторопь откате. Мы заплатили огромную цену, в сущности, сами не зная за что! Любые реформы — дело затратное, но почему российская модернизация конца XX века оказалась утратной?

Дисциплинка хромает

Может быть, самая тяжкая наша утрата последних полутора десятилетий — почти полная потеря социальной дисциплины. Не беспокойся, читатель, я не зову тебя назад в социализм, ибо воротиться туда даже при большом желании мы уже не сможем, хотя кое-какие разумные элементы былого мироустройства непременно вернутся и уже возвращаются. Но я хочу поговорить о другом: социальная дисциплина, как мне кажется, совсем не ущемление нашей с вами свободы, которую, если сказать по правде, большинство граждан при нынешней жизни не знает, куда бы и засунуть. Наоборот, социальная дисциплина — это необходимое условие реализации человеком его прав, ибо каждое наше право на поверку оказывается чьей-то обязанностью и наоборот. Например, наше право на здоровые зубы — обязанность дантиста, а право пешехода переходить улицу на зеленый свет обеспечивается обязанностью водителя останавливаться на красный сигнал светофора.

Чтобы убедиться, насколько за минувшие годы порушена социальная дисциплина, достаточно

проехать по улицам российских городов. Москвы, например. Такое впечатление, будто правила дорожного движения существуют исключительно для того, чтобы их нарушали. На дорогах царит совершеннейший сословно-феодальный строй: высокородный «мерседес» может позволить себе то, что простолюдину-«жигуленку» и не снилось. А если, не дай бог, ты замешкался перед бампером какого-нибудь торопящегося на «стрелку» авторитета, то ведь запросто могут выволочь из машины и отдубасить. Кто водит, тот знает. О жестоких томлениях в пробках, когда по встречной полосе ожидается пролет правительственного кортежа, я даже и не говорю. Томления эти, чуть переиначивая Оруэлла, смело можно назвать «пятнадцатиминутками ненависти».

Многие сотрудники организации, которой после долгих лингвистических экспериментов, кажется, возвращают исконное имя ГАИ, давно превратились в небескорыстных участников дорожно-транспортного бардака. Результат — бесконечные пробки и аварии. Степень транспортного одичания такова, что прежний главный гаишник вынужден был организовывать блокпост возле Триумфальной арки на Кутузовском и лично отбирать у могучих самозванцев левые

мигалки и незаконные ярлыки, разрешающие езду без правил. Не за это ли его в конце концов и сняли с повышением? Иной раз я, пока доберусь из Переделкина до Сухаревки, где расположена редакция «ЛГ», успеваю насчитать до полдюжины аварий. Кстати, в Пекине (а движение там по интенсивности давно уже сопоставимо с московским) я за неделю увидел лишь одно ДТП, и то в день, когда выпал большой снег — явление довольно редкое для китайской столицы, где, между прочим, построено уже шесть транспортных колец с развязками.

А ведь дорожный беспредел — это лишь одно, не самое значительное и не самое тяжкое проявление развала социальной дисциплины. Другая очевидная примета — чудовищное мздоимство во всех без исключения сферах жизни. Некоторым высшим чиновникам в народе даже дают прозвища, исходя из их общеизвестных лихоимственных аппетитов. И что? Ничего — божья роса! Журналисты, кстати, давно уже пишут о взяточничестве с какой-то беспомощной, почти добродушной иронией. Мол, ну что ж поделать: «Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова».

Жизнь и в самом деле такая, что без «отката»

невозможно решить ни один вопрос. Про это знают все: пациент, ложащийся на бесплатную операцию, мелкий коммерсант, открывающий магазинчик, режиссер, снимающий кино на казенные средства, губернатор, отправляющийся в Первопрестольную выбивать бюджетные деньги… Временами мне кажется, что почти легальная, пронизывающая все общество система взяток заменила партийную дисциплину прежних времен и действует она, надо сознаться, гораздо жестче. Во всяком случае, за неуплаченные партвзносы на моей памяти никого не расстреливали, а вот за не откаченный вовремя «откат» убивают постоянно и прямо на улице. Не из-за этой ли «откатной» системы, в частности, Россия откатывается все дальше и дальше с пути нормального исторического развития?

Вышли мы все из бюджета

Взятки были и, полагаю, будут всегда. И не только в России. В Америке, да и в Европе тоже берут. Помню, в Германии нашу литературную делегацию принимал бургомистр. Он с большим удовольствием отобедал с нами за городской счет, но от совместного ужина, им же, кстати, и оплаченного, отказался наотрез, как мы ни уговаривали. Переводчица тихо объяснила: «Да отвяжитесь вы от него! Порядок у них такой: чиновник с каждой делегацией может подхарчиться только один раз. Нарушителей строго наказывают!» Надо полагать, педантичные немцы установили это строгое правило отнюдь не по причине маниакальной честности и вызывающей бытовой скромности своих бургомистров.

Поверь, читатель, я не ханжа и знаю: хорошего человека положено благодарить. Древняя традиция. Занял тебе знакомый неандерталец место в пещере поближе к огню, а ты ему за это мозговую косточку попридержал. Поэтому, скажем, объявление на двери ординаторской в городской больнице «Конфеты и цветы не пьем!» вызывает у меня абсолютное понимание и сочувствие.

Разговор о другом: взятки, мздоимство, казнокрадство не могут быть главными регуляторами общенациональной экономики и основными источниками благополучия для целого класса. Не может смысл предпринимательства сводиться к умению увести из бюджета достойную сумму, распасовать ее между конкретными благодетелями, а на свою долю построить особняк в стиле «барвиххо» или еще лучше — перекинуть в офшор. Да еще потом искренне изумляться, откуда взялись миллионы идиотов, голосующих за коммунистов. Не понимаю, почему у нас «бюджетниками» называют учителей, врачей, военных, музейщиков? У настоящего «бюджетника» одни часы стоят столько, сколько педагогический коллектив средней школы сообща за год не заработает. «Вышли мы все из бюджета…» — чем не строчка для не написанного пока гимна молодой российской буржуазии?

Я не наивен и прекрасно сознаю: неправедного в жизни при любых режимах и идеологиях всегда больше, чем праведного. Социализм хотел дать людям равенство и справедливость. Не справился… Чуть не превратил нас, если пользоваться выражением Аполлона Григорьева, в «мундирное человечество». Но ведь хотел! А к какой цели

стремится наше нынешнее общественное устройство? К неравенству и несправедливости? Но это, извините, свинство, которое у человечества всегда с собой. Разрушая прежний строй, мы отказались не только от державных, но и от внятных гуманитарных целей государственного существования. А если нет цели, нет и ответственности за ее достижение. Потому-то наша элита имеет комфортную возможность жить исключительно для себя. Иногда меня посещает жестокая мысль: а не стала ли историческая будущность России тем «откатом», который наш верхний класс заплатил за то, чтобы стать имущим и правящим?..

Безответственность и безнаказанность — вот два страшных недуга, разъедающих державу. В самом деле, если никто не ответил за развал страны, за жульническую ваучеризацию, за предательскую первую чеченскую кампанию, за дефолт и за многое другое, то зачем блюсти государственный интерес, зачем соблюдать законы? Себе дороже… Но для одних это несоблюдение оборачивается хорошим доходом (часть его в крайнем случае в виде взятки заносится в законоблюстительное учреждение), а для других, обычно попавшихся на мелочи, которой и поделиться-то невозможно, заканчивается тюрьмой.

Вообще, наша правоохранительная система — это какая-то сюрреалистическая сеть, пропускающая сквозь ячейки крупную рыбу и задерживающая мелочь. Мало кто знает, что количество заключенных в демократической России немногим уступает числу узников ГУЛАГа. Но геноцидом это почему-то никто не называет.

И еще одна любопытная подробность: когда стали реабилитировать жертвы сталинизма, неожиданно выяснилось, что многие, как считалось, политические страдальцы оказались обычными уголовниками: хищение государственных средств в особо крупных размерах, бюджетные злоупотребления, махинации с концессиями и налогами и т. д. Просто в те кошмарные годы воровство у государства квалифицировалось как политическое преступление. Странно, что к Соловецкому камню возле Лубянки приходит ныне лишь кучка правозащитников, поминающих идейных борцов с диктатурой и советским великодержавием, а должны ведь бурлить многотысячные манифестации отечественных предпринимателей. Эх вы, бизнесмены, не помнящие родства!

Что делать с теми, кто виноват?

В России сегодня главный вопрос не «Что делать?». Потому что для нынешней элиты эта проблема так же неактуальна, как выбор сексуальной позиции для импотента. «Кто виноват?» — даже смешно спрашивать. Ответ знают все, включая питомцев интернатов для детей с дефектами умственного развития. Главный вопрос, стоящий нынче перед российским обществом: «Что делать с теми, кто виноват?». И он не так прост, как кажется, например, Ю. Головину, автору статьи «Преступление без наказания», опубликованной в «ЛГ».

Вспомним, что последние пятнадцать лет мы жили сначала в обстановке стремительно мутирующего социализма, потом в условиях явочной демократии, затем в ситуации революционно-вечевого законотворчества, далее под лозунгом «Демократическое Отечество в опасности!» и, наконец, в последние годы минувшего века вся страна получила отпуск без содержания по Семейным обстоятельствам. Естественно, в эту эпоху юридической невменяемости каждый из нас, кроме коматозных больных, вольно или

невольно, по знанию или по незнанию, однажды или бессчетно, а закон преступал. Фактически к любому могут зайти и сказать: «Пройдемте!» Если бы такое случилось не в России, я бы абсолютно уверенно сказал, что все это устроено специально, чтобы каждого из нас повязать той растащиловкой, каковая бушевала в стране и которая упоминается в школьных учебниках под кодовым названием «либеральные реформы». Но в нашем Отечестве История напрямки никогда не ходит, поэтому спокойнее считать, что и власть, и лишившиеся гробовых сбережений пенсионеры — равноценные жертвы бурного стечения непредсказуемых обстоятельств, на удивление точно предсказанных за полвека тем же И. Ильиным. Остается лишь радоваться за тех пенсионеров, у которых дети оказались в гайдаровском правительстве, а также в дружественных ему финансовых и политических структурах.

Но шутки в сторону! Как всякая нормальная женщина хочет выйти замуж и освятить интимную близость с любимым человеком штампом в паспорте, так любой разбогатевший человек желает, чтобы общество признало его состояние законным и неотъемлемым. Ведь это же маразм,

когда в канун президентских выборов раскупаются все авиабилеты за рубеж. Боятся: вдруг пиар-технология, виртуозно делающая несогласного гражданина на один день (день голосования) со всем согласным, даст сбой и люди выберут какого-нибудь сурового народного заступника! И хотя такого заступника не видно не только в списке кандидатов, но и в самых отдаленных политических окрестностях, авиабилеты все равно покупают. На всякий случай.

Может быть, правы те, кто считает: для нормального рыночного развития необходима всеобщая экономическая амнистия, чтобы никакому пролетарию, крестьянину, а тем более интеллигенту общенародная собственность на средства производства больше никогда не мерещилась и чтобы никакой самый въедливый следователь не поинтересовался кредитом, зажиленным в каком-то там девяносто лохматом году! Но как это осуществить в конкретной исторической ситуации? Предположим, вдруг в программе «Время» объявляют: все нарушения в области экономической деятельности с 1991 по 2003 год предать, как выражались в позапрошлом столетии, вечному забвению, а вот после 2003 года те же нарушения квалифицировать как тяжкие

преступления и наказывать по всей строгости капиталистической законности.

Что же произойдет? А ничего. Ну разве что пацан, укравший из отцовского кошелька сотню-другую, будет теперь молить под ремнем не о пощаде, а об экономической амнистии. Но я-то думаю, станет еще хуже. Пострадавшая от реформ основная часть населения как не любила «скоробогатых», так и не полюбит. Только это будет уже нелюбовь без надежды на восстановление справедливости, в просторечии именуемая классовой ненавистью. В этой связи произойдет, наверное, резкий рост количества частных охранных фирм, а личный состав войск МВД значительно превысит численность Российской армии, в которую к тому времени по причине полной государственной немощи будут уже призывать граждан со своими ружьишками и портянками.

Но это еще не все. Может случиться полная разбалансировка, как говорится, внутриполитических сдержек и противовесов. Ведь нынешняя власть лишится единственного, по сути, способа хоть как-то окорачивать «генералов российского бизнеса», ибо почти у каждой постсоветской капиталистической акулы, как у незабвенного Корейко, есть на совести или пропавший поезд с

продовольствием, или невозвращенный кредит, или офшорные художества, или странные связи с чеченскими боевиками, или совершенно случайно наткнувшийся на пулю киллера конкурент… Без амнистии-то все гораздо проще: возмечтал некий нефтедобытчик о большой политике, намылился в Думу или паче того — в Кремль, а ему дают почитать увлекательное досье, по сравнению с которым романы про Бешеного — криминальные пасторали. И плюхается наш несостоявшийся политик с мечтательных высот лицом в постылый бизнес, а то еще и усылается, как встарь, в свою глухую швейцарскую деревеньку. Не балуй!

Да ведь и это еще не все! Не исключено, что сразу же после всепростительного манифеста появятся возмущенные толпы тех, кто по молодости лет или нерасторопности недооткусил от бюджета, а к ним тут же примкнут те, кто имманентно не способен зарабатывать честно. И они из мучительной обиды могут запросто учудить в стране такую «экстремуху», по сравнению с которой Зюганов покажется розовеньким голубем социального мира. Такое начнется, что хоть капиталы из Отечества выноси! Спрашивается: нам это надо? Мы ведь и так давно лежим как в

экономическом, так и в геополитическом смысле на боку, касаясь трех великих океанов из последних сил.

Что же делать? А может, поворотиться к опыту католической цивилизации и ввести в оборот «индивидуальные бизнес-индульгенции» (ИБИ)? Конечно, следует учесть целенаправленные ошибки, допущенные с ваучерами, сделать эти бизнес-индульгенции именными и продавать страждущим по договорной цене, определяемой размерами сбережений того или иного ударника капиталистического труда. Еще лучше — заставлять каждого предпринимателя покупать такие ИБИ каждые пять лет, чтобы экономическая жизнь медом не казалась. Выручку же пустить на умиротворение обиженных слоев населения и процветание государства Российского. А? Впрочем, это уж я совсем, как ребенок, замечтался…

Правительство или ликвидационный комитет?

Но с другой стороны, оставить все как есть тоже нельзя, потому что управлять обиженным народом еще худо-бедно можно, но направлять его на реализацию сколько-нибудь серьезного социального проекта невозможно. «Какого проекта?» — спросит вдумчивый читатель. А есть ли вообще у нашей элиты какой-нибудь проект, кроме армейского правила «Бери больше — кидай дальше!»? И вот тут-то важно понять, что такое есть современная российская власть. Если она попросту ликвидационный комитет, озабоченный лишь постепенным демонтажом остатков великой евразийской державы, то все идет правильно: экономика хиреет, оборона ветшает, севера и восточные территории пустеют, население сокращается, мозги из страны утекают, грамотность молодежи падает, а некогда мощная духовная культура подменяется лепетом телевизионных недотыкомок. Лично я с таким проектом категорически не согласен, а люди, его осуществляющие, на мой, никому не навязыва-

емый взгляд — классические отчизнопродавцы. Я очень хочу жить в свободной и процветающей стране, но если эта страна будет начинаться под Калугой, а заканчиваться сразу за Костромой, такая ситуация меня не устраивает. Тебя, читатель, надеюсь, тоже!

Но хочется верить, дело все-таки в другом. Нынешние лидеры получили страну (если бы взяли, тогда другое дело!) в состоянии тщательно отлаженной, управляемой и прогнозируемой смуты. Эту смуту иные наши западные партнеры всячески поощряют и поддерживают, именуя ее почему-то долгожданной российской демократией, за которую и по парламенту пострелять не грех. Случай в истории не новый. Вспомним хотя бы, как в XVIII веке соседи Речи Посполитой, включая Россию, ревностно лелеяли шляхетский вольнолюбивый кавардак, и не забудем, чем это кончилось для Польши, исчезнувшей с географических карт. Нынче в сходной ситуации оказалась сама Россия, и тут любой резкий шаг может привести лишь к тому, что смута станет непрогнозируемой и неуправляемой. В общем, сложилась обстановочка, очень точно обозначаемая народной поговоркой: недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть. При

подобном раскладе традиционно нелегкая шапка Мономаха давит уже не на уши, а на плечи…

Что же делать? Не знаю. И, вероятно, по-настоящему не знает никто, включая мудрых политтехнологов, напоминающих мне иной раз парапсихологов, которым сдвинуть взглядом графин мешает публика в зале. Но начинать, наверное, нужно (да простится мне это гуманитарное прекраснодушие!) с восстановления все той же социальной дисциплины. А она, как известно, предполагает определенную долю самоотверженности граждан. Да, у нас были крутые времена, когда самоотверженность и самопожертвование народа творили чудеса, как экономические, так и геополитические. Да, это историческое перенапряжение, иногда неизбежное, иногда навязанное властью, сильно подорвало нашу пассионарность. Однако от этого перенапряжения остались земли (пустеющие), победы (забываемые), промышленные гиганты (приватизированные)… Но остались! Теперь мы метнулись в другую крайность — в полную и даже какую-то злорадно-сибаритскую отчужденность от нужд страны. Боюсь, от этой отчужденности останутся только новорусские замки с поющими унитазами да еще иноплеменные барахолки,

разросшиеся до самостийных анклавов наподобие Косово.

И тут снова пора вспомнить о социальной дисциплине как способе выживания народа в эпоху исторического кризиса. Однако от писательских призывов сама собой социальная дисциплина не вернется, точно так же, как беременность не возникнет от чтения любовных романов. К дисциплине должна призвать власть, а точнее, наглядно ее продемонстрировать на собственном примере. Напомню, что Екатерина Великая сначала привила оспу себе и наследнику, а лишь потом призвала это делать подданных.

Не знаю, как вы, дорогие читатели, но за последние пятнадцать лет в обращениях власти к народу я ни разу не слышал ничего, ни слова о бескорыстии и самопожертвовании во имя будущего Державы. Обращения правительства к народу напоминают скорее отчеты правления не очень успешного акционерного общества перед чересчур покладистыми держателями акций: надо потерпеть еще годок, в следующий избирательный срок, возможно, пойдут дивиденды. Но ведь это лукавство! Мы с вами не акционеры, а граждане — мы не можем продать свои акции и послать все к черту, вложив деньги в более до-

ходное предприятие, например, в американское кролиководство. Разве можно продать Великую русскую равнину и Байкал? Впрочем, в XIX веке, в пору реформ Александра Освободителя, Волгу со всеми портами и пристанями чуть не продали в личную собственность. Имеется такой задокументированный исторический факт. Но вовремя спохватились…

Призывов же к самопожертвованию нет по вполне понятной причине: в ответ народ потребует самопожертвования и бескорыстия от властей предержащих. А ведь это уже совсем другой разговор! Вы думаете, сталинская гвардия во френчах ходила и демонстрировала всяческий ригоризм по глупости? Э нет, они соблюдали (часто только внешне) взаимный договор с обществом о самоотверженности и бескорыстии во имя исполнения великой задачи — «вытащить республику из грязи». Вытащили, потом снова втащили, потом опять вытащили… Но это отдельный разговор.

Позднесоветская верхушка была уже дамой комфортной, но старалась скрыть свои номенклатурные радости за заборами спецсанаториев и дверями распределителей. Подловато, конечно, зато умно, ведь по радио пели: «Прежде думай

о родине, а потом о себе». Кстати, мой опыт общения с руководителями советской эпохи свидетельствует о том, что таких людей, которые думали сначала об общем деле, а потом о своих частных делах, было не так уж и мало. Косилка горбачевской, а потом и ельцинской кадровой политики проехалась прежде всего по ним. Полагаю, проехалась целенаправленно: наступало время, которое внезапно прозревший ныне публицист Черниченко очень точно назвал эпохой «Большого хапка», когда даже относительно бескорыстный государственник смешон и неудобен. Помните, как потешались наши смешливые журналисты над «плачущим большевиком» Рыжковым? Как улюлюкали над Бондаревым, сравнившим перестройку с самолетом, который взлетел, не зная, куда сядет? А ведь они дело говорили. Извинился перед ними хоть кто-нибудь из прежних зубоскалов? Нет, конечно. У нас извиняются только за имперское прошлое…

Тепло ли тебе, девица?

Так уж устроено наше общество, что парадигму социальной дисциплины задает властная верхушка, и ничего тут не поделаешь. Не будем рассуждать, хорошо это или плохо: в отношении к исторически сложившимся социально-психологическим особенностям нации такие оценки вообще неприменимы. У американцев, например, явно не так, ведь там, подражая Клинтону, не бросились же все заниматься оральными удовольствиями с секретаршами. У нас, полагаю, бросились бы, как вся элита метнулась вслед за двумя первыми президентами обустраивать личное благополучие в разгромленной стране, телевизионно демонстрируя свое неуклонно растущее благосостояние в то время, когда вымерзали города, не выдавались зарплаты и пенсии, а бойцы и офицеры умирали на площади Минутка в Грозном. Поймите, я не за то, чтобы премьер-министр являлся на пресс-конференцию в своем студенческом пиджачишке, а олигарх оставлял «мерседес» за квартал от офиса и пересаживался в «копейку». Но должно же быть понимание того, что выпячивание своего благополучия,

демонстративные покупки западных футбольных клубов — это для нашей неблагополучной и еще не отвыкшей от относительного советского равенства страны бестактность, чреватая тектоническими социальными последствиями!

И совсем уж мало кто задумывается над тем, что мы обладаем уникальной историко-общественной ценностью — исключительной восприимчивостью населения к тем нравственным знакам, которые подает власть. Но где они, эти знаки? Чего у них там наверху не хватает — знаков или нравственности? Конечно, иной читатель может упрекнуть меня в том, что я унижаю наш великий многонациональный народ, изображая его каким-то нелепым подражателем, тупо ожидающим от властей судьбоносных призывов и прямых указаний. Нет, это совершенно не так. Наш народ без всяких знаков упрямо сопротивляется тому, что в его коллективном бессознательном связано с разрушением страны. Но сколько можно сопротивляться? Или у нас теперь 90 процентов населения партизаны?

Да, у нас низкий порог социальной боли. Мы терпеливые. Степень падения уровня и стандартов жизни подавляющей части народа абсолютно не соответствует, как сказал бы социолог, про-

тестной активности населения. Взять те же веерные отключения электричества и перебои в подаче тепла зимой. Да по северным регионам страны давно уже должны были прокатиться беспощадные «холодные бунты» против отключателей. Однако все протесты сводятся к женскому галдежу возле административных зданий, пассивным голодовкам и каскобитиям шахтеров, а высшие российские чиновники если и страдают, то исключительно от пуль, заказанных политическими соратниками и партнерами по бизнесу.

Эта терпеливость нашего народа исторически сложилась, и без нее, конечно, не было бы ни петровского рывка в Европу, ни сталинской модернизации и уж точно никакой ельцинской приватизации. Но именно эта низкая болевая чувствительность создает у власти иллюзию стабильности и правильности выбранного пути там, где нет ни стабильности, ни пути, а есть одно измывательство над людьми. Помните сказку про Морозко? Россию можно сравнить с Настенькой в зимнем лесу. Она, леденея, на глумливый вопрос деда: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красавица?» отвечала согласно своему национальному менталитету: «Тепло, дедушка! Тепло, батюшка!», за что и была вознаграждена. А если,

полагаясь на ответы Настеньки, Морозко так бы расстарался, что и вознаграждать ввиду необратимого переохлаждения девичьего организма было бы некого? Тогда что? Боюсь, отношения российского населения с властью напоминают этот печальный вариант русской сказки.

...И хрюкает

Итак, мы имеем общество, где взаимоотношения власти и народа регулируются сегодня исключительно пиар-технологиями и средствами массовой информации, а не какой-то внятно сформулированной, признанной обеими сторонами общей сверхзадачей и готовностью как тех, так и других ее выполнить. Ведь согласитесь, нельзя же такой общенациональной задачей признать неуклонное увеличение числа отечественных миллиардеров в списке самых богатых людей планеты! Мы имеем экономику, построенную на «реформах», обобравших основную часть населения и фактически ничего не предложивших взамен. Да, у нас полные прилавки, но если бы советская власть отобрала вклады, сократила пенсии и зарплаты, распахнула внутренний рынок в ущерб отечественному товаропроизводителю, посадила бы науку, культуру, армию, образование на голодный паек, как это было сделано в начале 90-х, полагаю, совковые продмаги ломились бы от икры, а ненадеванным импортом были бы завалены все универмаги от Камчатки до Карпат. У нас изобилие от бедно-

сти, а не от процветающей экономики. Да и оно ограничивается десятком крупных городов. В противном случае чем объяснить миллионы беспризорных и нищих? Чем оправдать официально признанный ныне факт сверхсмертности населения нашей страны, которая очень скоро, если угрожающая тенденция сохранится, просто обезлюдеет и распадется? Разве это не чрезвычайные обстоятельства? Разве это не катастрофический форс-мажор, который никак не хотят признавать наши набитые деньгами «мажоры»? Разве все это не требует от власти принятия срочных и чрезвычайных мер?

Я не экономист, не политик и не политолог и потому не могу предложить, как говорится, подробный план спасительных мероприятий. Для этого есть профессиональные руководители. Вот и пусть они доказывают свою дееспособность делами, а не сиренами персональных автомобилей. Но вот что бросается в глаза: нынешней власти катастрофически не хватает исторического честолюбия. Неужели никто из наших государственных деятелей не хочет получить у потомков титул «лучшего русского»? Или они рассчитывают на похвалу исключительно зарубежных историков, которые, конечно же, будут

им искренне признательны за такую неслыханную геополитическую халяву?!

Я литератор, я пишу о сложившейся трагической ситуации с точки зрения морали и здравого смысла. И я уверен, что для выхода из этого общенационального тупика нужна созидательная мобилизация всего общества. (Не бойся, читатель, этого слова — «мобилизация». Пусть его боятся опереточные либералы образца 80-х, доживающие свой век в качестве любимых экспертов и фигурантов отечественного телевидения.) Но прежде всего необходимо нравственное пробуждение самой власти. Она обязана, следуя общественной воле, точно сформулировать, что такое «хорошо» и что такое «плохо», что «полезно», а что «вредно» для страны, что «морально», а что «аморально». И главное: власть сама должна придерживаться этих принципов, подавая пример социальной дисциплины и сознавая, что у любого гаранта гарантийный срок в истории ограничен.

А пока, говоря о российской действительности, так и хочется горько перефразировать памятный со школьных лет эпиграф к радищевскому «Путешествию»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и… хрюкает».

«ЛГ», 2003

ЯРМАРКА ТЩЕДУШИЯ

Чартерный рейс из Внукова задержался на семь с половиной часов, и потому наша огромная делегация, насчитывавшая около ста пятидесяти литераторов, журналистов, издателей и книгопродавцев, непоправимо опоздала на торжественное открытие Франкфуртской ярмарки, а заодно и на презентацию российской экспозиции в роскошном павильоне «Форум». Не знаю, огорчило ли наше отсутствие обозначенных в пригласительном билете двух Михаилов — министров Лесина и Швыдкого, а также директора ярмарки Фолькера Ноймана. Нас это, конечно, огорчило. Хотелось послушать, например, что скажет на открытии от имени многотысячного российского писательского сообщества Владимир Маканин.

Но вернемся в Ту-154, который, безнадежно опаздывая, приближался к Франкфурту. Всем, конечно, знакомо это трусливое самолетное ощущение бренности и беззащитности, но на сей раз я был почти спокоен: в салоне, тесно сидя, выпивали и спорили столько знаменитых твор-

ческих индивидуальностей, что если, не дай бог, отвалилось бы крыло, отечественным литературным изданиям несколько месяцев пришлось бы печатать исключительно некрологи, а ущерб, нанесенный родной словесности, перекрыл бы все ленинские, сталинские и брежневские литературные чистки, вместе взятые. Именно невероятность такого поворота российской литературной истории и внушала мне пассажирский оптимизм.

Однако, осмотревшись вокруг, я пришел к выводу, что в случае чего непоправимый урон понесет прежде всего, скажем так, либерально-экспериментальная ветвь отечественной словесности, а консервативно-традиционная окажется почти целехонькой. Что же касается здравствующих и активно работающих советских классиков, то их гипотетическая катастрофа и вообще не затронет. Кстати, об этом явном перекосе при формировании ярмарочной делегации наша газета писала еще несколько месяцев назад, аналогичную критику высказывали и другие средства массовой информации, ответ же организаторов сводился к тому, что делегация не резиновая и число участников строго ограничено.

О том, что во Франкфурт отправляется ограни-

ченный контингент российских литераторов, конечно, все и так догадывались. Тем не менее хотелось бы задать один вопрос организаторам. Допустим, вы летите в командировку и ввиду строгого ограничения веса багажа можете взять с собой только четыре пары обуви. Неужели вы возьмете восемь левых башмаков, а восемь правых оставите дома? Не думаю. Однако именно по этому странному принципу оказалась составлена делегация. Впрочем, осерчали не только традиционалисты, оказавшиеся в абсолютном меньшинстве, мрачная жаба эстетической несправедливости явно душила и правящий литературный класс — постмодернистов. Ведь если смоделировать глобальную неприятность, в результате которой из всех артефактов нашей словесности останутся только проспекты и программы Франкфурта-2003, то грядущие исследователи неизбежно придут к неожиданному выводу: самыми крупными и безусловными величинами русской литературы начала третьего тысячелетия были Виктор Ерофеев и Дарья Донцова (конечно, при условии, что их тексты тоже не сохранятся).

В результате события, развернувшиеся на фоне роскошных и дорогостоящих книжных стендов

российской экспозиции, напоминали мне литературно-кухонные посиделки 70-х годов, достигшие размаха первомайской демонстрации. Кстати, одна из дискуссий так и называлась — «Российский андеграунд как эстетический мейнстрим». К счастью, географический семинар на тему «Волга как приток Переплюйки» пока еще невозможен даже в Германии. Вообще темы дискуссий отличались какой-то подростковой хамоватостью в отношении нашей страны — почетного гостя выставки. Например: «После империи: Россия в поисках новой идентичности». (Воля ваша, но человека, утратившего идентичность, как можно скорее направляют к психиатру.) Или: «Сколько России вынесет Европа?» Или: «Может ли вернуться советское прошлое?»... Поскольку мозговые центры ЦРУ заняты сейчас в основном Ираном и Ираком, остается полагать, что темы этих дискуссий родились в московских интеллектуальных гнездилищах, с чем нас всех и поздравляю.

Должен заметить, стойкая неприязнь к советскому периоду нашей истории и литературы пронизывала многие дискуссии и авторские выступления. С особенным знанием дела об ужасах «литературного ГУЛАГа», как я заметил,

повествовали авторы, активно при коммунистах печатавшиеся, получавшие премии и даже занимавшие кое-какие посты. Слушатели, в основном из российских эмигрантов, воспринимали все это с некоторой растерянностью: они, конечно, знали, что уехали из тяжелой страны, но о том, из какого ада им на самом деле удалось своевременно вырваться, по-видимому, узнали только придя в российский павильон, где им популярно объяснили — эту страну, эту прореху на человечестве не излечит ни рынок, ни демократия, ни благая весть академика Сахарова…

Или вот еще характерный эпизод. Иду по ярмарочному лабиринту и вижу небольшую толпу, пробираюсь к центру всеобщего внимания и обнаруживаю такую сцену: поэт-карточник Лев Рубинштейн бьет то ли в бубен, то ли в кастрюлю, лауреат Государственной премии главный редактор «НЛО» Ирина Прохорова вопит и бегает с пионерским галстуком на шее, а третий не установленный мной персонаж, но чуть ли не Пригов, чем-то острым наносит удары по сооружению, напоминающему супрематического снеговика.

— Что это они делают? — удивленно спрашиваю соседа.

— По-моему, ритуально разрушают импе-

рию… — неуверенно отвечает он.

— Какую империю?

— А какая разница? Людям нравится…

Интересно, когда Германия станет гостем Московской книжной ярмарки, догадаются ли немецкие писатели устроить в павильоне ВДНХ потешное взятие рейхстага или ограничатся бутафорским самосожжением фюрера? Честно говоря, ярмарка оставила у меня ощущение окололитературной суеты и государственного тщедушия, а также лишний раз подтвердила то, о чем все давно уже знают: внятная, взвешенная, определяемая долгосрочными национальными интересами государственная политика в области культуры и, в частности, в области литературы у нас отсутствует. Иначе чем объяснить тот факт, что в программе нашлось место для пресс-конференции Дмитрия Емца, автора весьма сомнительной во всех отношениях «Тани Гроттер»? А вот Ольге Тарасовой, представлявшей на ярмарке первый в новом столетии перевод на русский язык «Фауста» Гете, места не нашлось — и малолюдная импровизированная презентация этого уникального издания напоминала похороны пенсионера.

В заключение моих весьма субъективных заметок могу только добавить, что автобус, призванный отвезти нас из отеля в аэропорт, прибыл на полтора часа позже назначенного времени, но на рейс мы все-таки успели, ибо чартерный авиалайнер тоже вылетел с опозданием…

«ЛГ», 2003

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ОПТИМИЗМ

Не знаю, как вы, дорогие читатели, а я провожаю 2003-й с чувством осторожного оптимизма. И вот почему: витавшие чуть ли не с 91-го года в обществе идеи, мнения, оценки, которые старательно замалчивались или высмеивались нашими СМИ, в уходящем году стали исторически овеществляться. Государство наконец начало медленно, но верно возвращать себе то, что по определению не может принадлежать никаким олигархам, — страну. Нефть в этом долгом и сложном процессе возвращения — всего лишь важная частность.

Далее, российская власть пока еще очень осторожно дала понять, что не собирается, как при Ельцине, во имя борьбы с имперскими амбициями, существующими в основном в воображении штатных правозащитников, отказываться от тысячелетиями складывавшейся на евразийском пространстве общности этносов и цивилизаций. Не знаю, как у вас, дорогие читатели, а у меня в этом году впервые появилась уверенность в том, что те народы на постсоветском пространстве, ко-

торые хотят быть вместе с Россией, будут с нами. Ведь, в конце концов, право на самоопределение имеет не только тот, кто хочет уйти, но и тот, кто хочет остаться. Например, Абхазия. Со временем это, наверное, поймут и в Госдепе.

Наконец, заслуженное электоральное возмездие настигло наших «правых», имеющих к великой либеральной идее примерно такое же отношение, как кровососущие насекомые к службе переливания крови. Именно они корпоративно и персонально виноваты в том, что долгожданные реформы в нашем Отечестве привели к страшному воровству и чудовищному обнищанию людей. Тот факт, что в российских деревнях четвероногих друзей давно уже кличут по фамилии одного из самых энергетических отечественных политиков, рано или поздно должен был обернуться политическим крахом СПС. Вот и обернулся. Причины поражения «Яблока», на мой взгляд, гораздо романтичнее. Явлинский, полагаю, пал жертвой дамского раздражения: согласитесь, трудовой российской женщине свой законный бесполезняк с вечно недовольной физиономией дома надоел. Зачем ей еще один такой же в Думе?

Минувший год обозначил и другую важную

тенденцию — заканчивается, кажется, огульное поношение советского периода нашей истории. Начато это было еще ельцинским агитпропом, всерьез полагавшим, будто душераздирающий рассказ о принудительном кормлении академика Сахарова, объявившего голодовку в горьковской ссылке, морально приободрит пенсионеров, которые после гайдаровской инфляции рылись по помойкам в поисках пропитания. Сегодня, кстати, в свете разгула международного терроризма и американского антитерроризма не такой уж нелепостью видится чрезмерная забота советского руководства об обороноспособности страны. «Уж пусть лучше Иванов построит новую подводную лодку, чем Абрамович купит очередной футбольный клуб!» — к этому выводу, надо полагать, пришел нынче не один российский налогоплательщик.

К слову, широкое празднование в Кремле не слишком круглой даты — 85-летия ВЛКСМ, юбилейное поздравление президента с пожеланием непременно использовать в нынешней ситуации исторический опыт комсомола — все это, конечно же, серьезный знак, который власть подала обществу. Смысл знака прост: хватит хаять не такое уж плохое прошлое, пора обустраивать

не такое уж хорошее настоящее. И это тенденция! Не хочу расстраивать перед Новым годом обладателей медали «Защитник Белого дома», но следующий шаг — объективная и в целом (при многих оговорках) положительная оценка роли КПСС в отечественной истории. Да-да! Тут никуда не денешься: респектабельной власти, пришедшей всерьез и надолго, необходимы приличные исторические предшественники.

Это поняли, кажется, все, кроме отечественного телевидения. Вышеприведенные соображения о символическом смысле показательного юбилея комсомола я высказал в нескольких интервью, которые у меня как у автора повести «ЧП районного масштаба» взяли все центральные каналы. Надо ли объяснять, что до эфира мои мысли так и не дошли?! А юная корреспондентка РТР даже попросила меня, подставляя микрофон: «Юрий Михайлович, скажите, пожалуйста, фразу: “В комсомоле работали карьеристы, приспособленцы и циники!”» — «Зачем?» — изумился я. «Очень надо!» — покраснев, объяснила девушка. Когда я рассказал об этом эпизоде одному из наших телевизионных руководителей, в прошлом сотруднику то ли Би-би-си, то ли «Немецкой волны», он в ответ лишь загадочно улыбнулся.

Надо признать: потерпев сокрушительное поражение во всех практически сферах жизни, наш деструктивный, неприлично проамериканский либерализм победил в российском эфире. И эта вроде бы эфирная победа стоит, на мой взгляд, мостов, банков, почты и телеграфа, о коих так переживал Ленин. До сих пор российское ТВ смотрит на все происходящее в нашей стране как бы со стороны, причем со стороны западной. Недаром великий провидец Достоевский обмолвился в «Идиоте»: особенность русского либерала заключается прежде всего в том, что он «нерусский либерал». Понятно, речь не о национальной принадлежности, а о цивилизационном мировидении.

Наши политические телеобозреватели за редким исключением похожи на чуждых надсмотрщиков, пристально следящих за тем, насколько прилежно Россия гнет спину на ниве общечеловеческих ценностей, измеряемых ныне почему-то исключительно в долларовом эквиваленте. Иногда в случае нерадивости аборигенов или их преступного внимания к собственным национальным интересам достаточно щелкнуть хлыстом, строго напомнив об азиатско-рабской сущности «этой страны», а в особо тяжелых ситу-

ациях можно и напрямую пожаловаться в эфире главному Белому дому: «Вы посмотрите, что делают — СПС и “Яблоко” прокатили! Фашизм!» Но я уверен, набирающий силу процесс самовосстановления Российского государства скоро затронет и отечественное ТВ. Следите за Познером: как только он с нежной судорогой в лице заговорит о патриотизме и особом пути России, значит, началось!

Надеюсь, эти предпраздничные соображения объяснили читателям «ЛГ» причины моего ненавязчивого оптимизма. А «Литературная газета», верная своим действительно демократическим принципам, и в следующем году будет открыта всем направлениям отечественной общественно-политической мысли, в том числе мнениям тех, кто не разделяет надежд и обольщений автора этих строк. С новым счастьем!

«ЛГ», 2003

ЛАМПАСОФОБИЯ И ПОГОНОБОЯЗНЬ
Воспоминания и размышления рядового запаса

Кажется, в 1984-м, когда рукопись моей повести «Сто дней до приказа» уже третий год ходила по мукам согласования, довелось мне очутиться в кабинете довольно большого главпуровского начальника.

— А понимаете ли вы, — спросил он, глядя на меня сочувственно, — что публикация вашей повести может вызвать у нашей молодежи, и особенно у матерей призывников, неприязнь к армейской службе? Так сказать, погонобоязнь…

— Но ведь партия учит нас, писателей, смело вскрывать недостатки, а не трусливо скрывать их! — звонко возразил я, демонстрируя вполне профессиональное владение фигурами позднесоветской демагогии, а сам тем временем подумал: «Не погонобоязни вы страшитесь, товарищ генерал, а лампасофобии!»

— Да, конечно… вскрывать… — еле заметно поморщившись, согласился он. — И лично я — за

то, чтобы вас напечатать, раз уж написали. Мы уже дали команду «Советскому воину». Но вот что я вам скажу на будущее, дорогой инженер человеческих душ: армию надо любить. Нелюбимая армия — это очень плохо… Для всех!

В «Советском воине» меня все же не напечатали, потому что категорически против «клеветы на Вооруженные силы» выступил генерал Волкогонов. Повесть увидела свет в журнале «Юность» только в 1987 году, когда немецкий любитель острых воздушных ощущений Руст загадочным образом пролетел пол-Союза и сел прямо на Красной площади, а Горбачев мгновенно воспользовался этим и поснимал кучу военачальников, вызвав оцепенение всесильных некогда структур, в том числе и военной цензуры. Впрочем, к радости пишущей и вещающей братии, никакой цензуры вскоре вообще не стало, и, начав с критики армейской дедовщины (чему, собственно, были посвящены мои «Сто дней»), очень быстро, в какие-нибудь два года, отдельные (как выражались при старом режиме) журналисты и писатели договорились до того, что армия вообще нам не нужна. Зачем? Ведь никто, кроме нас, в мире и воевать-то больше не собирается! Одна осталась угроза человечеству — СССР, эта

«Верхняя Вольта с атомным оружием». А люди в погонах, соответственно, — дармоеды и погубители наших сыновей.

Антиармейское ожесточение достигло такого градуса, что офицеры, выходя на улицу, старались лишний раз не надевать форму. Побить не побьют, а оскорбят запросто. Помню, как в те дни меня в качестве разоблачительного писателя пригласили в какую-то познеровскую передачу. Когда я вдруг, вопреки ожиданию, начал говорить о том, что борьба с недостатками в армии и борьба с армией не одно и то же, Познер на мгновенье забыл о своем тщательно выверенном имидже русского Фила Донахью и глянул на меня с чисто «кураторским» гневом. Удивительно, но мои слова вызвали не только бурное негодование собравшейся в студии прорабоперестроечной общественности, но и какое-то затравленное недоумение приглашенных на передачу военных. Они уже не верили, что кто-то из творческой среды может защитить их в эфире, считая, наверное, мое выступление каким-то изощренно-иезуитским режиссерским ходом, после чего наступит окончательный телевизионный погром.

Почему страна набросилась на свою армию с

каким-то линчующим ожесточением? Что это было? Стихийный протест масс против нашей военной чрезмерности, которая приводила к вечному отставанию пресловутой группы Б? (Мой тихо инакомыслящий школьный учитель обществоведения пошутил однажды: «Запомните, дети, группа А — “аборона”, а группа Б — быт!») Возможно, это была аллергическая реакция на вбивавшуюся годами обязательную любовь к защитному цвету. Или же виной всему стали бурно вскрывавшиеся армейские язвы, в том числе и дедовщина. В общем, поводы, конечно, имелись… Но, заметьте, перестроечное общество резко разлюбило армию именно тогда, когда та совершенно искренне захотела стать лучше. Во всяком случае, такого неуставного беспредела, который бушевал во время моей срочной службы в 70-е, в конце 80-х уже не было.

В чем же дело? Тот, кто читал книжки по истории революционных переворотов, наверное, заметил, что любому изменению государственного строя всегда, в любой стране предшествует далеко не спонтанный, как потом выясняется, рост антиармейских настроений. И это естественно: человек с ружьем не только защитник в военную годину, в мирное время он опора

существующего порядка вещей, который-то и предполагается изменить. Деморализованная армия бросает не только фронт военных действий, как это было в 1917 году, она еще оголяет и фронт внутренний, а такой есть в любом, даже самом благополучном и стабильном обществе. Распустите полицию и вооруженные силы в могучих процветающих Соединенных Штатах, и через месяц вы не узнаете эту страну, а возможно, даже не найдете на карте.

Когда Алексей Фатьянов сочинил свою знаменитую песню, где есть строчка «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат!..», редактор потребовал, чтобы автор срочно поменял «солдат» на «ребят». Почему? Да потому, что даже в сороковые годы, спустя четверть века после революционного сноса Российской империи, слова «солдат» и «офицер» все еще ассоциировались с царской армией и Белым движением, вызывая отрицательные эмоции, а наши, рабоче-крестьянские защитники социалистического Отечества именовались «красноармейцами», «бойцами» и «краскомами». Такова инерция мифологизированного общественного сознания. Лишь испытания Великой Отечественной войны и стихийно овладевшее людьми чувство ратной преемственности по-

колений, разумно подхваченное агитпропом, наконец почти погасили эту инерцию.

Поэтому, уверяю вас, даже если в Советской армии не было бы никакой дедовщины, никто не посылал бы парней в Афганистан, а офицеры вдобавок кормили бы рядовой состав грудью, все равно всеобщая погонофобия конца 80-х годов представляется мне неизбежной. В ней были заинтересованы слишком многие: и внутри страны, и за рубежом. Первые (и среди них весьма высокопоставленные персонажи отечественной политики) понимали, что деморализованная армия не сможет противостоять уже намеченному к тому времени сворачиванию советского проекта и изменению государственного строя. Вторые, наши зарубежные доброжелатели, отлично знали, что умело подготовленный и направленный взрыв общественной неприязни к армии способен нанести обороноспособности потенциального противника такой урон, который не приснится никакому начальнику объединенных штабов в самом золотом сне.

Так и случилось. Полагаю, еще многие десятилетия у историков, изучающих документы горбо-ельцинского периода, будут шевелиться от ужаса волосы, ибо такого бессмысленно-па-

нического саморазоружения могучей державы, саморазоружения, переходящего в саморазгром, человечество, пожалуй, еще не знало. Когда сегодня читаешь, сколько великолепной техники порезали «на иголки» ради благосклонного пентагоновского кивка, сколько дорогущего имущества бросили в местах былой дислокации во имя титула «лучший немец», сколько высочайших специалистов безжалостно вышвырнули из армии для укрепления «нового мышления», — понимаешь, почему среди людей, так или иначе причастных к обороне, в 90-е годы прокатилась небывалая, запредельная волна самоубийств.

Однажды, вскоре после расстрела Белого дома, я оказался на пресс-конференции рядом с последним министром обороны СССР и членом ГКЧП Дмитрием Язовым. Мы разговорились, и речь зашла о фронтовой поэзии, которую маршал знал и любил. Я же в свое время защитил кандидатскую диссертацию по этой теме, и мы, проникаясь друг к другу все большей симпатией, читали в подхват любимые строчки «стихотворцев обоймы военной»:

А вот — рубли в траве примятой!
А вот еще… И вот, и вот…

Мои товарищи — солдаты
Идут вперед за взводом взвод.
Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют…
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

Видимо, чтобы выяснить, с кем это он так упоительно беседует на свою любимую тему, Дмитрий Антонович тихонько подозвал организатора пресс-конференции и шепнул ему на ухо вопрос. Организатор шепнул ответ, после чего маршал изменился в лице и сказал, с ненавистью глядя на меня: «Вот из-за таких, как вы, развалился великий Советский Союз!» Со стыдом должен сознаться: в долгу я не остался, высказав твердую уверенность в том, что Советский Союз развалился из-за таких вот, с позволения сказать, полководцев, не способных взять на себя историческую ответственность в критический момент! В общем, объяснились…

Только со временем я понял: маршал никак не мог остановить начавшийся развал, ибо тогда, в переломном 1991 году, он и сам, глядя телевизор и читая газеты, уверовал в то, что армия не имеет права жестко вмешиваться в политический про-

цесс, а если и имеет, то не до крови. Последние советские руководители отдали власть «демократам» подобно тому, как вполне разумная домохозяйка безвольно выносит свое золотишко вместе со сбережениями цыганке, позвонившей в дверь. Когда же «гипноз» проходит, домохозяйка винит себя, а маршал — писателя.

Прошло всего несколько лет, и выяснилось: армия вполне может вмешаться в политику и даже пролить кровь сограждан, которые взбунтовались против реформ, странным образом смахивающих на геноцид. А еще люди в погонах должны воевать в Чечне с сепаратистами, порожденными не кем-нибудь, а тогдашними кремлевскими геопаралитиками. Чуть позже стало очевидным, что новой России сильная армия нужна нисколько не меньше, чем старому Советскому Союзу, ибо даже самые демократические мировые державы без малейшего смущения решают свои экономические и геополитические проблемы с помощью военной силы. В преддверии глобального слияния всех народов в единую дружную семью, как на грех, обострились межэтнические конфликты, а тут еще поднял голову международный терроризм, внесший незначительные изменения в архитектуру Нью-Йорка

и весьма значительные — в новейшую историю человечества.

А что же происходило в этот период с нашими вооруженными силами? Могу сказать с уверенностью: творческая интеллигенция и люди в погонах стали лучше понимать друг друга, ибо последние на собственном опыте узнали, что такое финансирование по остаточному принципу, который прежде был знаком в основном лишь тем, кто занят в сфере культуры. Известный лозунг «Пушки вместо масла!», означающий самоограничение нации во имя укрепления оборонной мощи, был диаметрально переиначен: «Виллы вместо пушек!» И оно понятно: нация в целом была обобрана ради того, чтобы единичные ее представители могли скупать элитные футбольные клубы за рубежом, приобретать императорские пасхальные яйца и с простодушием лимитчиков заселять лучшие кварталы мировых столиц. Таким образом, сокращение расходов на вооружение, о котором столько говорили перестроечные пацифисты, никак не отразилось на рядовых гражданах, зато очень пошло на пользу самопровозглашенной элите.

В последние годы, кажется, наша армия медленно, с боязливой оглядкой на мировое сообщество,

приходит в себя. Но запущенный много лет назад в общественное сознание пропагандистский миф об армии как о Молохе, пожирающем наших сыновей и наши средства, неистребим. Мало того, он старательно подпитывается отечественными СМИ. Проанализируйте телевизионные передачи и информационные сюжеты, посвященные Российской армии, и вы заметите, что почти все они за редким исключением имеют негативный характер: там избили, здесь заморозили, там заморили голодом, здесь застрелили свои же… «А что, разве не так? — спросите вы. — Разве это не правда? Или на ТВ нужно возрождать передачу “Служу Советскому Союзу!”, которую сами военнослужащие издевательски называли “В гостях у сказки”?!»

К сожалению, в последнее время правдой становится только то, о чем нам говорит теледиктор. Должен к тому же заметить, что передачи типа «В гостях у сказки» на российском ТВ давно уже в изобилии имеются, но только они волшебно повествуют не о нашей армии, а об американской или, например, об израильской. И повествуют в таких приторно-восторженных тонах, что впору называть эти сюжеты «Служу Соединенным Штатам!» или «Служу Земле Обетованной!». Ни-

когда не поверю, что у частей, воюющих в таких сложных условиях, нет никаких проблем — ни в военной подготовке, ни в снабжении, ни в морально-политическом состоянии. Так не бывает! Любой служивший это поймет. А вот на российском телевидении, страдающем патологической западофилией, бывает! Постоянно.

Поймите, я призываю не к тому, чтобы замалчивать пороки и недостатки наших вооруженных сил. Нет. Речь идет о таком вопиющем, установочном преобладании негативной информации над позитивной, когда в обществе неизбежно формируется стойкая неприязнь, даже нелюбовь к своей же армии. У кого-то из фантастов есть роман, где земляне, прилетевшие на незнакомую планету, вынуждены все время отбиваться от агрессивных форм местной жизни, и чем яростнее они отбиваются, тем страшнее и неодолимее становится местная чудовищная фауна. Только хорошенько поразмыслив, астронавты поняли, что стремительная эволюция монстров питается их, землян, ненавистью и страхом. Ведь еще неизвестно, какого зла в армии больше: своего, так сказать, имманентного, или того, что привносит в нее призывник, убежденный прессой и родителями, будто прямо из военкомата его засылают

на жуткую и враждебную планету цвета хаки.

Нетерпеливый читатель, видимо, уже начинает сердиться: почему это автор никак не дойдет до панацеи от всех бед — профессиональной армии. Дошел! Но мне снова придется начать чуть издалека. Некоторое время назад меня пригласили в передачу «Принцип домино», которую ведут, как известно, две очаровательные россиянки — темнокожая и белокожая. Моим оппонентом оказался Борис Немцов. Он тут же обвинил действующего президента в нехватке политической воли за то, что тот разом не переведет все вооруженные силы на контракт. И тогда я спросил: «Но, Борис Ефимович, вы же были ближайшим соратником, почти преемником Ельцина, почему же вы еще в середине 90-х одним указом не ввели профессиональную армию? Вам-то чего не хватило?» Если сумеете, то попытайтесь представить себе смущенного Бориса Немцова. Но он действительно смутился. Разговор в прямом эфире приобретал явно не то направление, на какое рассчитывали. Белокожая ведущая потемнела от огорчения, темнокожая побледнела от возмущения, и больше они мне до конца передачи слова не давали.

А дело в том, что переход на контрактную ар-

мию — акт не столько военно-политический, сколько экономический, требующий точнейших расчетов и серьезного хозяйственного напряжения. Отказ Ельцина, вопреки обещаниям, от немедленного перехода к профессиональной армии — одно из немногих трезвых решений этого президента. Вот ведь в Италии, благосостояние которой не сравнить с нашим, только-только начали подбираться к профессиональной армии, хотя неуставные мордобои, случающиеся в казармах между северянами и южанами, там не редкость и очень беспокоят советы апеннинских солдатских матерей. Кстати, наши отечественные советы солдатских матерей делают много хорошего. Но воля ваша, иные из них, особенно те, которые тщательно подпитываются различными невнятными фондами, порой смахивают на советы дезертирских матерей.

Никто же не спорит с тем, что, если нет общенациональной угрозы, армия должна быть уделом профессионалов, а не тем местом, где парни, не желающие служить, отбывают наказание за то, что их родители в период первичного накопления не урвали достаточно, чтобы избавить своих детей от байковых погон. Но если у страны, пережившей жесточайший экономический

и военно-технический погром, нет покуда возможности всех солдат сделать контрактниками, наверное, есть смысл навести порядок в призывной армии. Увы, все происходит по Куприну. Помните, посетитель парикмахерской с ужасом видит, как брадобрей откладывает бритву, подходит к стене и мочится прямо на обои. «Что вы делаете?» — восклицает клиент. «А-а! — машет рукой цирюльник. — Все равно завтра съезжаем!» Так вот, вместо того чтобы улучшить те реальные вооруженные силы, в которых обязаны по закону служить наши дети, вместо того чтобы сделать эту службу более безопасной и комфортной (насколько вообще ратный труд может быть безопасным и комфортным), мы почти пятнадцать лет «съезжаем» в виртуальную контрактную армию. Но так до сих пор и не съехали…

Иногда, вспоминая мой давний разговор в ГЛАВПУРе, я, наверное, потому, что стал старше, все лучше понимаю того генерала: свою армию надо любить, как и Родину, со всеми ее достоинствами и недостатками, любить сегодняшнюю, а не вчерашнюю или завтрашнюю. Нелюбимую армию улучшить невозможно!

«ЛГ», 2004

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОРЬКОГО

Я думаю, выход 22 апреля 1929 года первого номера возобновленной «Литературной газеты» был воспринят видавшей всякие виды советской общественностью примерно так же, как если бы мы с вами, включив второй, государственный, канал, обнаружили там в качестве ведущего политобозревателя не законсервированного либерала Николая Сванидзе, а, например, консервативного революционера Александра Дугина. Или кого-то другого, воспринимающего многонациональную Россию не как историческое недоразумение, а как самостоятельную и уникальную цивилизацию. «Ага! — сказали бы мы с вами. — Что-то произошло!»

Вот и 75 лет назад «что-то» произошло. Для начала напомню, что Научный отдел Наркомпроса РСФСР в 1919 году высказался о «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики». Сторонников Мировой Революции (так называлась тогдашняя модель глобализации) можно понять: если дело идет к Всемирной республике,

то чего уж там! Отказ же от кириллицы поможет российским пролетариям теснее сплотиться с рабочим классом Германии, Америки, Франции и так далее, а заодно скорее позабыть постыдное имперское прошлое. Конечно, к концу 20-х несбыточность многих перманентных устремлений стала очевидна, но историческая инерция велика: о царской России еще долго продолжали говорить как об омерзительно отсталой, а о пролетариате как о восхитительно передовом.

Чтобы понять атмосферу тогдашней литературной жизни, достаточно вспомнить названия некоторых периодических изданий той эпохи: «Красный дьявол», «Гильотина», «Пролетарская культура», «Зарево заводов», «Искусство коммуны», «Октябрь», «Печать и революция», «Красная новь», «Новый мир», «Литература и марксизм», «Молодая гвардия»... Кроме того, творческие споры между писателями, разбившимися на многочисленные враждовавшие между собой группы, в те годы носили очень специфический характер: мастера художественного слова как к высшему эстетическому арбитру постоянно апеллировали к ГПУ. Не случайно ехидный Булгаков, который на собственном опыте многократно испытал доносную принципиальность товарищей

по ремеслу, иные свои фельетоны подписывал псевдонимом «Г.П. Ухов».

Вот на этом революционном фоне (и, заметьте, в день рождения Ленина) в свет выходит новое издание с простеньким названием «Литературная газета». Разумеется, даже рабкор, месяц назад призванный в литературу, догадывался, на что намекали и за что агитировали инициаторы нового «коллективного агитатора, пропагандиста и организатора», ведь первая «Литературная газета» вышла в 1830 году по инициативе Пушкина, которого еще недавно так хотели сбросить с парохода современности вместе со всей тысячелетней православной историей и культурой России. Было ясно: эпоха интернациональных мечтаний, дорого стоивших стране, заканчивается, начинается самовосстановление державы с опорой на свои ресурсы, на свой народ, на свою историю. Вместо жестокого разрушения началось жестокое созидание, проклинаемое кое-кем и поныне. И очень редко кто-нибудь сознается в том, что ужасы реставрации — это всего лишь неизбежное и логическое завершение ужасов революции. (Вот и сегодня передовая эфирная интеллигенция пугает полицейским государством народ, десятилетие проживший и выживший

при государстве бандитском. Ну не смешно ли!) А то далекое, тяжкое, кровавое, героическое время не нуждается в нашем оправдании, его оправдала победа в страшной войне. В оправдании нуждаемся мы, прожившие, проболтавшие и прохихикавшие плоды этой победы, оплаченной миллионами жизней.

Как и следовало ожидать, очередное обновление нашего Отечества в конце 80-х годов прошлого века снова началось с намерения отбросить весь предшествовавший период истории как мрачный, постыдный, неэффективный. Первыми сорвали с себя советские погоны и встали под общечеловеческие знамена, конечно, бойцы идеологического фронта. Наверное, они давно уже поняли неэффективность марксизма-ленинизма, что, впрочем, не мешало им защищать диссертации, писать книги и руководить научными учреждениями в ожидании, когда же придет настоящий день. Такой день пришел вместе с Горбачевым, заговорившим, к нашей радости, без бумажки. Увы, мы слишком поздно поняли: он также без бумажки (то есть без сколько-нибудь внятного социально-экономического проекта) пустился реформировать страну. О том, что, оказывается, бывают еще президенты не только

без бумажки, но и без царя в голове, мы узнали несколько позже…

В 1990 году, получив очередной номер «Литературки», читатель не обнаружил на логотипе профиль Горького. Жест, что и говорить, символический, ведь именно Алексей Максимович своими книгами, своей жизнью, ошибками и озарениями как бы связывал воедино две эпохи — дореволюционную и послереволюционную. Пришло время сбрасывать с парохода современности Горького. Примерно тогда же исчезла улица Горького и станция метро «Горьковская». А вот станция «Войковская», названная так в честь цареубийцы, осталась. Странная забывчивость, которая вдумчивому человеку многое говорит о тайных пружинах русской истории XX века.

Полным ходом шло массовое, санкционированное сверху отряхивание с ног праха советского прошлого. Но ведь, согласитесь, смотреть на весь советский период только сквозь призму «Архипелага ГУЛАГ» примерно то же самое, что оценивать американскую историю исключительно на основании «Хижины дяди Тома». Читатель может не поверить, но я, придя в «Литературку» в 2001 году, застал еще в ней сотрудника, который отказывался брать у автора сенсационный материал

о Шолохове на том основании, что автор «Тихого Дона» — «сталинский подголосок». Любопытно, но тот факт, что Пастернак был едва ли не первым поэтом, воспевшим в своих стихах Сталина, напротив, в глазах этого сотрудника придавал Борису Леонидовичу некую амбивалентную величественность…

Сегодня, кажется, стало ясно даже наверху: превратить Россию в Запад с помощью самооплевывания, а тем более саморазрушения невозможно. Не место в юбилейном номере останавливаться на чудовищных, ничем не оправданных утратах подавляющего большинства, которыми сегодня обеспечено процветание неподавившегося меньшинства. Скажу лишь, что, на мой взгляд, ситуация 1929 года и нынешняя в чем-то схожи. Во всяком случае, период саморазрушения явно заканчивается. Конечно, мы еще не созидаем, но, кажется, уже сосредотачиваемся. И в этом смысле возвращение профиля Горького на наш логотип, конечно же, акт символический, восстанавливающий связь времен, ибо царство, разделившееся во времени, неизбежно распадется и в пространстве…

«ЛГ», 2004

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

После бесланской катастрофы, я бы даже сказал, после «бесланкоста», в эфирных и газетных спорах было много сказано о том, кто виноват, что нам теперь делать и даже про то, что делать с теми, кто виноват. В основном упрекали власть в слабости… Хотя, впрочем, все упрекавшие отлично сознавали: еще несколько лет назад наше государство вообще пребывало в состоянии комы, а некоторые из упрекавших в свое время даже хорошо потрудились, чтобы вогнать державу в эту самую кому. Однако, рассуждая о послебесланском устройстве России, речь вели больше о практических вопросах: усилить, уговорить, ужесточить, уплатить, уничтожить. Если же речь заходила о духовном аспекте, то почти все говорили одно и то же: народ должен сплотиться перед угрозой терроризма. Но о том, как сплотиться, и главное — вокруг чего, почти все умалчивали. И не случайно, ибо «государственная недостаточность», которой вдруг все озаботились, заключена в первую очередь в

наших головах и только во вторую очередь в структурах власти.

Но откуда она в наших головах взялась и почему так надолго в них задержалась? В самом деле, со времени разрушения Советского государства со всеми его достоинствами и пороками прошло уже тринадцать лет. Для сравнения: через десять лет после братоубийственной, разрушительной революции в нашей стране началась индустриализация, через двенадцать лет после окончания страшной Великой Отечественной войны, еще не наевшись вдоволь, мы первыми в истории человечества вышли в космос. Думаю, теперь уже никто, по крайней мере среди читателей «ЛГ», не считает, что, приводя эти аргументы, я впадаю в дешевую «совковую» пропаганду. Возможен иной упрек: я забываю о цене упомянутых побед. Нет, не забываю, она была чудовищна. Но при этом я хорошо помню, что мы с вами, дорогие современники, за наше минувшее беспобедное тринадцатилетие заплатили по крайней мере сопоставимую цену. Просто она еще по-настоящему не сложена, подсчитаем — обязательно прослезимся!

А теперь, чтобы понять, откуда взялась в наших головах «государственная недостаточ-

ность», давайте вспомним, что нам показывало телевидение в промежутках между жуткими сообщениями о «бесланкосте» и его последствиях! Нет, речь не об оставшихся в программах легкомысленных, не соответствовавших скорбному моменту передачах. Будем объективны: мгновенно и полностью изменить сетку вещания невозможно, это знает любой нечуждый телевизионного ремесла человек. Речь о другом. Вот, например, на НТВ в информационном блоке нам с какой-то плохо скрываемой радостью сообщили о том, что начались торжества, посвященные 150-летию Крымской войны, в которой Россия потерпела позорное и сокрушительное поражение. Согласитесь, странное стремление, как говорится, «до кучи», напомнить стране, пребывающей в общенациональном террористическом шоке, о ее былых геополитических провалах. Сомневаюсь, чтобы американцам, потрясенным катастрофой 11 сентября, талдычили по телевизору о надвигающемся 60-летии погрома Перл-Харбора…

Ураган «Иван Грозный»

Однако можно взглянуть на ситуацию и по-другому: а с чего, собственно, на НТВ взяли, что Россия потерпела «позорное и сокрушительное поражение»? Во-первых, обескровив мощную коалицию держав, наша страна потеряла только Севастополь, отразив противника на Севере, Балтике, Камчатке, а в Закавказье Муравьев вообще одержал победу, взяв Каре. Это я еще со школы помню. Во-вторых, вчерашние союзники, как всегда, отплатили черной неблагодарностью чрезмерно, на их взгляд, усилившейся России, которая несколько десятилетий выполняла благородную миссию «жандарма Европы», оберегая территориальную целостность стран, блюдя послевоенное устройство континента, а также борясь с революциями — тогдашним организованным терроризмом. А ведь к революциям как к историческому явлению резко отрицательно относятся, между прочим, все наши телевизионные каналы, начиная с НТВ и заканчивая МузТВ. Но к России они, очевидно, относятся еще хуже…

Прав, по-моему, историк В. Шамбаров: наша страна потерпела поражение скорее не в Сева-

стопольской кампании, а в той информационной войне, которую против нее развернула передовая Европа, что в конечном счете и обусловило печальные для нас дипломатические и геополитические последствия того вооруженного противостояния. Конечно, эта точка зрения дискуссионна, как спорна и позиция политинформаторов НТВ. Но почему же из двух спорных точек зрения «медийцы» упорно выбирают именно ту, которая формирует у общества негативный образ своей державы, не важно — на нынешнем или на давно пройденном этапе? Образ эдакой злобной геополитической неудачницы.

Почему с таким удовольствием наша эфирная челядь повторяет название урагана «Иван Грозный»? И никто ни на одном канале даже не обмолвился о том, что этому страшному вихрю куда больше подошли бы имена Аттилы, Барбароссы или Наполеона, чьи разрушительные походы ни в какое сравнение не идут с приграничной экспансией Ивана Васильевича, который к тому же и во внутриполитической жестокости сильно уступал своим западным венценосным современникам. Впрочем, Венгрия, Германия и Франция — члены НАТО, поэтому называть ураган именами их исторических персонажей

неполиткорректно. Россия же — другое дело. И лично мне совершенно понятно, зачем заокеанцы решили таким, прямо скажем, остроумным способом напомнить миру о разрушительной угрозе, якобы традиционно исходящей от нашей страны. А вот почему наше ТВ это напоминание охотно ретранслирует, на подсознательном уровне усугубляя «государственную недостаточность» в наших головах, мы поговорим чуть ниже.

Черные мифотворцы

В эти же дни на Первом канале продюсер К. Эрнст показывал нам сериал «Диверсант», снятый, между прочим, на казенные деньги и посвященный, кстати сказать, приближающемуся 60-летию Великой Победы. Я, конечно, не фронтовик, но по роду своей научной и писательской работы много занимался военной темой — читал источники, сидел в архивах, собирал устные рассказы участников войны, выпустил книгу о судьбе и стихах поэта-фронтовика Георгия Суворова. И должен признать: та правда о войне, к которой мне удалось прикоснуться, очень далека от светлого мифа, созданного советским искусством. Но та доходящая до нелепости концентрация негатива, что предлагают нам создатели «Диверсанта», — это уже не правда, а черный миф о народной войне, причем с отчетливым русофобским оттенком. Не случайно садист-особист, терзающий мальчишку-разведчика, добывшего ценнейший оперативный материал, постоянно к месту и не к месту цитирует Есенина. Командир диверсионной группы, едва заброшенный в Германию со сложнейшим

заданием, хлещет под презрительным взглядом «немецкого товарища» жидкость для укрепления кошачьей шерсти. Генерал, простонародно вышедший умыться в трусах, отдает под трибунал разведчика, не понявшего, с кем имеет дело… Разумеется, все наши диверсанты, прошедшие, надо полагать, жесточайший контроль при отборе в разведшколу, оказываются детьми раскулаченных или расстрелянных врагов народа, а то и просто живут по украденным документам. Их наставники и командиры — сборище садистов-интриганов, до судорог страшащихся начальства, но генерал при этом в разговоре с подчиненным запросто называет сурового Верховного главнокомандующего не иначе как «наш Сосо»…

Я бы не стал так подробно останавливаться на этой типичной развесистой «эрнстовщине», если бы она не иллюстрировала одну очень нехорошую тенденцию всего нынешнего российского культурно-информационного пространства. Согласитесь, все это очень напоминает западное, высокомерно-отчужденное, до смешного некомпетентное представление о нашей истории, да и вообще о нашем народе. Понимаете: нас учат смотреть на свое как на чужое! Это очень опасно! Именно с этого начинается утрата культурной

самоидентификации, а потом археологи недоумевают: куда без всяких войн девалась богатая и могучая цивилизация, развивавшаяся вроде бы вполне нормально?

Вы замечали, как по поводу чужих праздников наше телевидение обычно захлебывается от щенячьего восторга? Ах, День благодарения, ах, Хеллоуин, ах, двухсотпятнадцатая годовщина Великой французской революции! А про двухсотлетие перехода Суворова через Альпы, наверное, только одна «Литературная газета» и вспомнила. Нет, впрочем, была еще какая-то телепередача про то, что через Альпы ходить вообще не стоило, да и не такой уж военный гений Суворов, как думали раньше. Во всех странах, у всех людей есть простительная слабость: к юбилейным датам «подсветлять» минувшие события. У нас же, наоборот, их «подчерняют», причем, повторяю, за казенный счет. А ведь любое историческое свершение, отдаляясь, неизбежно возвышается и героизируется. У нас же почему-то наоборот — унижается и иронизируется. Когда я смотрю то, что наше телевидение делает к 60-летию Победы, у меня иногда возникает ощущение, будто оно готовит своего рода Антипобеду. (По аналогии с комсомольскими Антипасхами времен принуди-

тельного советского атеизма.) «ЛГ» и некоторые другие издания пишут об этом постоянно, а толку?..

Отчизнофобия за казенный счет

Да мало ли о чем мы пишем! Например, пишем о том, что иные литераторы, приезжающие в составе официальных российских делегаций на различные творческие конференции и книжные ярмарки, едва завидев первый микрофон, начинают нести пославшую их за рубеж державу с такой страстью, словно они только-только чудом вырвались из застенков Лубянки и даже еще тюремную робу не сняли. Причем все это с удовольствием слушают не только доверчивые западные интеллектуалы, но порой и высокие чины профильных российских министерств, благосклонно при этом улыбаясь: вот, дескать, какие мы свободные!

Лично я за свободу и вольнодумство, я сам всегда смеялся над советскими писателями, жутко боявшимися хоть на полградуса отойти от линии партии. Но мы сегодня живем в стране, где свободы слова больше, чем здравого смысла. Ведь казалось бы: езжай за свой счет и ругай кого хочешь! Однако ж нет: у нас развилось неведомое на Западе «державопоносительство» за казенный счет. Оказывается, за публичное

презрение к Отечеству можно еще и суточные получать. Сквернослова-то понять можно: сами по себе его книжки там никому не нужны, Запад всегда ценил российского писателя не за талант, а за политическую бодливость. Но как понять государство, которое само финансирует черный пиар против себя? И когда же наконец наша продвинутая творческая интеллигенция поймет, что патриотизм — это всего лишь порядочность по отношению к собственной стране!

В том же ряду стоят изданные за казенный счет школьные учебники, после которых родная история кажется чем-то постыдным и хочется, как говорится, сыграть за другую команду. С той же «государственной недостаточностью» в сфере образования связано вытеснение литературы из учебных программ. А ведь именно родное слово, отточенное классиками, закладывает в нас национальный культурный код. Человек, вовремя не прочитавший Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Шолохова, будет иметь к России скорее паспортную, нежели духовную принадлежность!

А вот еще случай! Будучи в провинциальной юношеской библиотеке, я попросил показать мне, какие книги таятся в бандероли, присланной для пополнения фондов полугосударственной

благотворительной лавочкой, носящей веселое имя «Пушкин». Показали: сверху лежал сборник французской маргинальной секспрозы, полузапрещенной даже у себя на родине, далее шла отечественная экспериментальная и экскрементальная литература, а следом книги по отечественной истории, объединенные общим разоблачительно-осудительным пафосом… Напомню, речь идет о провинциальной юношеской библиотеке, а покупались книги опять же за казенный счет!

Кто же, спрашивается, додумался до такой посылочки детям?

Что такое «Герострата»?

В каждом народе, в каждом обществе, во все времена имеются группы людей, которые нацелены на уничтожение существующего порядка вещей и которых я обозначил бы термином «Герострата». Этот неологизм составлен мной из двух слов: «Герострат» и «страта» (общественный слой). Возможно, кто-то увидит здесь аналогию с гумилевской «антисистемой» и будет, конечно, прав. Любой человек, интересующийся историей, неизбежно задумывается над природой саморазрушительных процессов в обществе. Когда землетрясение обрушивает колосса на глиняных ногах, это понятно. Но ведь СССР-то рухнул в эпоху «сейсмического» затишья!

Надо сказать прямо: люди, составляющие нашу отечественную «Герострату», принципиально считают российскую цивилизацию низшей по сравнению с Западом и убеждены, что она для своего же блага должна исчезнуть как самодостаточное культурно-историческое целое, став подчиненной частью западного мира… Что лежит в основе этого неприятия, что приводит людей в «Герострату» — особенности личности,

специфика биографии, особое семейное воспитание или какие-то параисторические энергии, пронизывающие нас, — вопрос сложный, не изученный и даже табуированный. Но такие люди были всегда и везде. Гейне, например, явно предпочитал Францию родной Германии, хотя был выдающимся немецким поэтом. Сталкивался я и с комическими случаями. Например, одна дама очень сильно невзлюбила «эту страну», потому что ей так и не удалось здесь найти достойного мужа…

«Герострата» особенно востребована во времена революционных сломов, ибо, во-первых, любит и умеет ломать, а во-вторых, не испытывает к объекту ликвидации никаких привязанностей. А ведь, как известно, даже опытные хирурги стараются не оперировать близких людей: рука может дрогнуть. У настоящего представителя «Герострата» не дрогнет, лишен он и «патриотических предрассудков». Достаточно вспомнить интернационал-большевиков, органично сочетавших суровое служение пролетарскому делу с работой на германский Генеральный штаб. Или, например, «гарвардских плохишей» периода шоковых реформ, наводнивших коридоры нашей власти своими друзьями — американскими экспертами

в штатском. Кстати, национальная принадлежность чаще всего ни при чем. «Герострата» — принципиально внеплеменное явление, как бы кому ни хотелось объяснить политические взгляды того или иного деятеля формой его носа или девичьей фамилией его жены.

Но ведь сегодня, скажете вы, питомцев «Герострата» во власти почти не осталось! Согласен: они уже, хочется думать, не определяют нашу внутреннюю и внешнюю политику, хотя нынешняя внутренняя и внешняя политика во многом определяется именно тем, что они успели наворотить за свое недолгое пребывание у кормила (имеются в виду оба значения этого слова). А вот в информационно-идеологической сфере (прежде всего в электронных СМИ) представители «Герострата» до сих пор занимают ключевые позиции.

Я бы даже сказал, что мы имеем сегодня своего рода двоевластие. Власть кремлевская и власть медийная ставят перед собой совершенно разные задачи и тянут страну в разные стороны. Первая, если воспользоваться историческими аналогиями, уже прошла этап «смены вех» и пытается строить национально сориентированную демократию в отдельно взятой стране, а вторая

все еще самозабвенно служит идее мировой общечеловеческой революции, из-за которой явно торчат ослиные и слоновьи уши. Думаю, многие замечали, что российское телевидение зачастую комментирует решения российской власти с ироничным отчуждением: «Кремль сказал…», «Москва считает…», «федералы понесли потери…» Но ведь именно так о нас, вспомните, в разгар холодной войны говорил «Голос Америки», возглавляемый, кстати, беглым советским дипломатом.

Обратите внимание: большинство руководителей каналов и телеобозревателей, определяющих политическую направленность вещания, — это выдвиженцы конца 80-х и начала 90-х, когда страной руководила прорвавшаяся в Кремль «Герострата». Где теперь их совыдвиженцы, работавшие тогда во властных структурах? В худшем случае на Канарах, в лучшем, как Козырев, занимаются своим делом — торгуют американскими пилюлями. А вот медийные кадры «Герострaты» до сих пор при деле! В чем тут секрет? Наверное, в особенностях российской либеральной интеллигенции, наконец-то осуществившей мечту всей жизни и получившей возможность говорить в эфире то же самое, что и на полудиссидентских

кухнях. Произошло губительное для общества превращение человека подпольного в человека эфирного! Есть, правда, и еще одна причина: у «политиков-практиков» до сих пор существует, по-моему, непонимание того, что в новейшей истории России «Останкино» — едва ли не самая главная башня Кремля. Они по-настоящему не понимают телевидения, и даже серьезные, волевые государственные мужи, попадая в эфир на допрос к пустейшему телеведущему, ведут себя порой, как заробевшие пациенты на приеме у проктолога…

«Коллективное бессовестное»

Хочу сразу оговориться: я совершенно не предлагаю считать «Герострату» внутренним врагом и супостатом. Человека, испытывающего неприязнь к собственной стране, можно лишь пожалеть, ведь нельзя же, в самом деле, гражданина, страдающего сенной лихорадкой, осуждать за нелюбовь к скошенной траве. Они такие. И по-человечески понять их можно: когда рушился советский строй, они почувствовали поддержку общества, оказались востребованны и к этой высокооплачиваемой востребованности привыкли, обзавелись виллами, винными погребами, дорогими увлечениями… Однако востребованность закончилась, а привычка к ней осталась. Очевидно и другое: с тем, что Россия возрождается в своей вековой парадигме, они не смирятся никогда. Традиционная Россия — неизбывный аллерген «Герострaты». И, оставаясь эфирной властью, они будут всей мощью современных информационных технологий, всеми каверзами манипуляции сознанием противостоять самоукреплению страны.

Например, откровенная антигосударствен-

ность, царившая в эфире в 90-е, ныне стала невозможна, и ей на смену в качестве эвфемизма пришел изобретательный антисоветизм, когда важнейшая, во многом трагическая часть нашей истории изображается исключительно в духе глумливого негатива. В результате старики, честно прожившие жизнь, уходят, чувствуя себя соучастниками некоего страшного преступления. А молодежь вступает в мир с сознанием несмываемого родового советского греха… Возможно, отпрыск революционного клана Николай Сванидзе именно так и борется со своими семейно-коммунистическими комплексами, но с ними, полагаю, лучше бороться все-таки в тихом кабинете психоаналитика, а не в телевизионной студии общероссийского канала…

Надеюсь, каждому нормальному человеку понятно: информационную, идеологическую, культурную политику нельзя оставлять в фактической монополии «Герострата». В министерствах культуры и образования этот процесс, кажется, пошел. Он будет труден, ибо давно замечено: чем человек хуже относится к своему государству, тем больше он любит государственные посты, льготы и награды. Что касается российского телевидения, то это, наверное, единственное место в мире,

где при полном отсутствии профессионализма и таланта можно получать гигантские зарплаты только за одну приверженность общечеловеческим ценностям и отверженность от ценностей общероссийских.

Проблему эту нужно срочно решать, но, конечно, только так, как это принято в демократических странах. Для начала, например, надо организовать на ТВ долгожданные наблюдательные советы, которые есть во всем мире и которые пропорционально отразят нынешний политико-мировоззренческий спектр страны. Они должны обладать правом налагать вето на программы, разрушающие сознание людей, а также влиять на подбор эфирных кадров, не допуская, чтобы малообразованные негигиеничные губошлепы навязывались народу в качестве общенациональных златоустов. Но если в эти советы опять понабьются «совести интеллигенции» образца 91-го года, ничего не изменится, только усугубится. Возможно, проблему гражданского контроля над информационным пространством частично можно решить и в рамках предполагаемой Общественной палаты, но опять же если в ней соберутся дельные и самодостаточные люди. И, конечно, власть должна всерьез разобраться с

тем, что мы имеем сегодня в верхних эшелонах ТВ: профессионалов, государственников или ватагу корыстных «менеджхедов», которые, плюя на качество вещания, хищно осваивают и присваивают казенные средства. Впрочем, зрителям ответ на этот вопрос давно уже известен. А вот власть, как обманутая жена, все у нас узнает последней…

Итак, на мой взгляд, «государственная недостаточность» в наших головах имеет по преимуществу эфирное происхождение… И мы никогда не выйдем из общенационального кризиса, если телевидение, оставаясь нашим «коллективным бессовестным», будет продолжать клонировать даже не граждан мира, но своего рода граждан магазинов Duty Free. А это самый короткий путь к тому, чтобы сузить Россию до размеров Шереметьево-2…

«ЛГ», 2004

ПИСАТЕЛИ И ПИПЫ

Бедным людям не до «Бедных людей»

Некоторое время назад состоялся конгресс в поддержку чтения. Что и говорить, мероприятие нужное и своевременное, ибо общая варваризация общества, неизбежная при любых революционных ломках, самым печальным образом отразилась на судьбе книги в нашем Отечестве, а специалисты говорят сегодня даже о катастрофе чтения в России.

«Как! — воскликнет иной читатель. — Да вы пройдитесь по книжным магазинам! Настоящее изобилие! Никогда не было столько названий и авторов!»

Так-то оно так. Однако есть цифры, заставляющие взглянуть на эту проблему шире — с точки зрения общенародной, а не общечеловеческой, ибо общечеловеческие ценности в нашей стране нынче мало кому по карману. Итак, почти 40 процентов наших соотечественников сегодня вообще не читают, а 52 процента никогда не покупают книг, 34 процента не имеют дома ни одной книги. Далее, тиражи газет и журналов по сравнению с 1990 годом сократились в 6 раз, и всего лишь каждый пятый сегодня берет в ру-

ки периодику. Почему это случилось, понятно: скажем, в позднюю советскую эпоху средняя цена книги составляла рубль с небольшим, а это значило — на обычную зарплату можно было купить около двухсот томов. Сегодня средняя цена книги перевалила за сто рублей. Например, мой новый роман «Грибной царь» в магазинах после всех накруток стоит от 180 до 280 рублей. А это уже почти Европа, где доходы у населения, между прочим, на порядок выше наших. Теперь посчитайте, сколько книжек может сегодня купить на зарплату, допустим, учитель — один из главных и традиционных в прежние времена приобретателей издательской продукции! А ведь ему еще надо платить немалые деньги за квартиру и коммунальные услуги, что раньше составляло почти символическую сумму.

«Ага! Сравнил! — возразит мне другой читатель. — Купить бы он купил. Да кто б ему дал! В стране был жуткий книжный дефицит!»

И с этим никто не спорит. Сам помню, как рассчитывался с дантистами детективами, а за «Нерв» Высоцкого добыл недоставаемую в принципе вагонку для дачестроительства. Но прежде это был дефицит наличия, а теперь это дефицит наличных. Поясню мысль: с недостатком мяса

можно бороться с помощью серьезного увеличения и удешевления производства данного продукта питания, а можно с помощью превращения населения в невольных вегетарианцев. Мы двинулись вторым путем: потребление мяса в сравнении с прежними временами резко сократилось, и проблема недоедания, прежде всего белкового, теперь, как известно, весьма актуальна на просторах России. Хотя чисто внешне нынешние мясные прилавки отличаются от советских так же, как мандариновые субтропики от Голодной степи.

С книгами случилось примерно то же, и для подавляющей части губернской России роскошные новые книжные магазины по доступности мало чем отличаются от застойных «Березок». Увы, бедным людям не до Федора Михайловича с его «Бедными людьми». В результате произошла парадоксальная вещь: книжный рынок в России процветает, поражая многообразием обложек, а массовое чтение увядает. В подтверждение еще одна цифра: половина всей книжной продукции так и остается на издательских складах невостребованной…

Тот, кто хоть однажды презентовал свои сочинения на ярмарках, конечно, обратил внимание

на особую и довольно многочисленную категорию посетителей — «книжных нищих». Обычно это старые, бедно одетые люди с хорошими умными лицами — интеллигенты. Явно стыдясь своего нынешнего состояния, они ходят от стенда к стенду и робко просят пищу — духовную, без которой не могут жить, но купить которую сегодня не в состоянии. Иногда им подают. Книгу. Но чаще гонят прочь…

Дурацкое чтенье — нехитрое

Все помнят гордый, часто повторяемый советский слоган: «Мы самая читающая страна в мире!» Не знаю, вполне возможно, агитпроп и погорячился, но вот в том, что мы были самой серьезно читающей страной, сомнений нет. Достаточно вспомнить, как мгновенно исчезали с прилавков гигантские тиражи философских и исторических сочинений. Когда, будучи в командировке, я обнаружил на полке дальневосточного сельпо федоровскую «Философию общего дела», то чуть не заплакал от счастья. А разве можно было в середине 70-х завести разговор с приличной девушкой, не прочитав, скажем, в «Новом мире», допустим, «Алмазный мой венец»? Один мой литературный знакомый покорил не одно девичье сердце и овладел не одним дамским телом, растолковывая, кто под каким прозвищем зашифрован в этом сочинении почти забытого ныне Валентина Катаева, из «мовизма» которого, как из шинели Гоголя, и вышел, между прочим, весь неблагодарный российский постмодернизм. «А кто такой Колченогий?» — «Не догадываетесь?» — «Не-ет…» — «Нарбут!» — «Нарбут? Надо

же… И откуда вы только все зна-аете?.. Ах!»

Сегодня принято объяснять особенную начитанность советских людей тем, что прежняя система сковывала реальную инициативу человека и ему оставались только книги. Отчасти это верно, как верно и то, что в застойном, иначе говоря, стабильном обществе читается лучше, нежели в стране, где тебе постоянно стучат по башке колотушкой реформ и обирают с помощью инфляций-дефолтов.

Но есть и еще одна историческая правда, которую подзабыли: большевики при всех их грехах собирались строить новое общество с просвещенным (да, по-советски просвещенным) народом. А советская образованность (что бы нам теперь ни говорили перепрофилировавшиеся выпускники ВПШ) при известной ограниченности была тем не менее версией — и не самой худшей — общемировой образовательной нормы. Государство на просвещении народа, как, впрочем, и на пропаганде, не экономило! Отсюда тогдашняя, культивировавшаяся мода на серьезное чтение. Отсюда государственное внимание (в том числе и со стороны КГБ) к человеку умственного труда. Отсюда же гигантский интеллектуальный потенциал СССР, не исчерпанный до сих пор при всей

утечке мозгов и унижениях постсоветских интеллигентов, объявленных чуть ли не начитанными дармоедами. Сегодня же не экономят только на пропаганде…

Всем памятна «книжная революция» конца 80-х годов. Тогда начал бурно развиваться издательский бизнес, в магазинах появились книги, о которых прежде серьезный читатель мог только грезить, — Ильин, Мережковский, Шпенглер, Бердяев, Флоренский, эмигрантская литература. Владельцы одного из самых крупных нынешних издательств сделали начальный капитал на том, что космическим тиражом на газетной бумаге журнальным форматом в мягкой обложке издали избранного Фрейда. К примеру, мой «Апофегей» в 1990 году Литфонд РСФСР, никогда прежде не занимавшийся книгопечатанием, выпустил миллионным тиражом и мгновенно распродал. Серьезный читатель мог ликовать: за Рильке не нужно идти к барыгам на Кузнецкий Мост, теперь Рильке продавали в обычном газетном киоске. Это был первый шаг к десакрализации хорошей литературы, ибо Булгаков, стоящий на витрине рядом с «Бешеным», уже немножко не Булгаков.

Надо признать: социализм был строем серьезным, развлечения считал делом второстепенным,

а следовательно, и развлекательная литература: детективы, фантастика, приключения, любовная проза — занимала в книжной номенклатуре, определяемой государством, достаточно скромное место. Кстати, такое же отношение к авторам, работавшим в «легких» жанрах, сохранялось и в писательском сообществе: какой-нибудь нудный сочинитель производственных эпопей считался вдвое значительнее обоих братьев Стругацких, вместе взятых. А вышедший на трибуну Юлиан Семенов, самый, наверное, тиражный советский автор, удостаивался в лучшем случае снисходительной усмешки собратьев: «Ну, и что скажет Юстас Центру?» Зато трудно говорящий и еще труднее пишущий литератор, бросивший в своей последней книге еле заметный вызов социалистическому реализму, приковывал восторженное внимание товарищей по мукам творчества. Где они теперь, эти шепотливые обличители? Увы, там же, где их книги…

Понятно, как только издатели и книгопродавцы получили вольную от КПСС, они бросились наверстывать упущенное: прилавки накрыла цветастая волна кровавых детективов, эротических, а то и эротоманских романов, разнузданной фантастики и противоестественных приключе-

ний… Как известно, хорошего много не бывает, а развлекательной книжной продукции должно быть очень много, иначе не заработаешь, ибо в книжном бизнесе, как и в сексе, только новизна способна заменить качество. Правда, ненадолго. И начала формироваться целая система навязывания потребителю абсолютно бессодержательной, одноразовой книжной продукции, возникла своего рода торговля обложками. Конечно, и при Советской власти имелась своя обложечная литература, но такого вала книг, которые не просто не стоит, а категорически не следует читать, никогда еще не было! Потребность рынка — закон: в мгновение ока, откуда ни возьмись, нахлынули сотни авторов, готовые заполнить промежутки между обложками необременительными текстами. Еще вчера одни из них были безнадежными графоманами, отвергнутыми всеми издательствами, вторые томились в бесперспективных НИИ, третьи уныло домохозяйничали… Но возник спрос — и они стали ПИПами!

Пипизация страны

В самом факте существования развлекательно-коммерческой литературы ничего уникального нет, она процветала и при Пушкине, и при Достоевском, и при Чехове… Но процветала на своем, развлекательном месте. Уникально то, что в постсоветской России она начала вытеснять из общественного сознания настоящую литературу, традиционно в нашей стране ценимую и простыми, и руководящими читателями. Почему у нас серьезное слово пользовалось почти религиозным поклонением — вопрос отдельный, уходящий корнями в наши историко-культурные глубины. Скажу лишь, что в пору абсолютизма и диктата литература отчасти заменяла обществу политическую оппозицию, а в период насильственного атеизма — религию. За это славилась, за это же и страдала…

Власть за столетия выработала два основных способа взаимодействия с сей чересчур влиятельной особой — русской литературой. Верхи ее или просто душили, или душили в объятиях, но всегда при этом внимательно прислушивались к мнению отечественной словесности. И вдруг в

начале 90-х возник третий способ: традиционное место писателей, властителей дум, заняли ПИПы — *персонифицированные издательские проекты.* Именно они населили телеэкран, их саженные портреты появились в витринах магазинов, они начали произносить спичи на общенациональных торжествах, балагурить насчет реформ и выборов, им стали посвящать подножные звезды на тротуарах, новая власть, лаская их, принялась демонстрировать миру заботу об отечественной культуре… Поначалу ПИПы слегка ошалели от этой предложенной им роли, на которую они не смели надеяться даже в своих самых интимных грезах. Но потом быстро вошли во вкус: какой же Лейкин не хочет слыть Чеховым!

Повторюсь для ясности: возникновение ПИПов — явление рыночное, стихийное. А вот вытеснение с помощью ПИПов писателей — продуманная акция, исполненная по всем правилам манипуляции общественным сознанием. По своим целям эта акция сродни безуспешным попыткам в 20-е годы вытеснить из литературы влиятельных «попутчиков» с помощью безупречных в классовом отношении борзописцев. Но прежде чем задаться вопросом: «Зачем это было сделано?» — поговорим немного о смысле и назначении ПИПов.

Думаю, нет необходимости объяснять, что персонифицированный издательский проект — это не всегда бригада литературных негров, которым для удобства присвоили некое условное имя, ставшее после рекламно-маркетинговых усилий раскрученным брендом. Брендовая литература создается иногда и вполне конкретным человеком, который в свободное от выполнения пиповских обязанностей время может сочинять вполне нормальные тексты. Яркий пример — Борис Акунин, который под своим настоящим именем Григория Чхартишвили выпустил любопытное исследование о писателях-самоубийцах. С другой стороны, не всякий автор, сочиняющий детективы, — пип. Пример: Виктор Пронин. По его повести «Женщина по средам» Станислав Говорухин снял свой замечательный фильм «Ворошиловский стрелок».

Чем же отличается писатель от ПИПа? Писатель сочиняет литературу, иногда очень талантливую, иногда среднюю, иногда бесталанную. ПИП изготавливает коммерческий книжный продукт (ККП), плохой или хороший. Но даже самая неудачная литература отличается от самого удачного ККП так же, как самый глупый человек отличается от самой умной обезьяны. Ведь в ос-

нове художественного творчества, даже убогого, лежит стремление понять жизнь, познать изображаемую реальность, найти для этого адекватные формы, донести это познание до читателей. В основе же того, чем заняты ПИПы, — только стремление изготовить товар, который купят. Это не значит, что серьезная литература не может иметь коммерческого успеха. Тот же Булгаков, сочиняя «Мастера и Маргариту», ставил перед собой сложнейшие философско-художественные задачи, а, поди ж ты, скольких книгопродавцев обогатил и продолжает обогащать! «Тихий Дон», кстати, до сих пор одна из самых раскупаемых книг. Я уже не говорю о Библии.

Но здесь важно другое — мотивация литературного труда. Именно она в конечном счете определяет отношения сочинителя с публикой. Писателя с читателями связывает своего рода идейно-нравственный завет: я буду всерьез, по-взрослому, разбираться в жизни, но вы будете относиться к моим книгам и словам не как к словесности, а как к социально-нравственному пророчеству. Выполняя этот завет, писатель часто идет на конфликт со своим временем, властью, зато к его мнению, его оценкам и прогнозам общество прислушивается с доверчивым

трепетом, не прощая при этом лукавства и заискивания перед сильными мира сего. Помню, как моя любимая учительница, услышав, что я увлекся поэзией Межирова, презрительно пожала плечами: «Да, талантлив, но он сочинил стихи к съезду партии… “Коммунисты, вперед!”» «Но это же хорошие стихи!» — возразил я. «Хорошие. Но к съезду партии…»

У ПИПа же нет никакого завета, кроме заветного желания, чтобы продалось как можно больше экземпляров, а гонорар был как можно выше… Кстати, кто-то может заподозрить, будто к написанию этой статьи меня подтолкнуло чувство зависти к более успешным в рыночном смысле сочинителям. А вот и нет, ибо тиражи моих книг, как известно, вполне сопоставимы, а то и превосходят по массовости ПИПовские издания. Итак, ничего личного, а только желание объективно разобраться в этом социально-культурологическом явлении.

Пипл хавает ПИПов

А теперь давайте зададимся вопросом, почему в начале 90-х в нашем культурном пространстве неандертальцы вытеснили кроманьонцев, другими словами — ПИПы вытеснили писателей. И это несмотря на то, что у многих мэтров, например, у Ю. Бондарева, В. Богомолова, В. Пикуля, Е. Евтушенко, П. Проскурина, А. Рыбакова, Ф. Искандера и других, тиражи были вполне коммерческие. Почему с экранов телевизоров (а это самый чуткий индикатор присутствия деятеля культуры на информационном поле) сначала исчез серьезный писатель-консерватор, а через несколько лет и приличный писатель-либерал?

Взамен эфир заполонили ПИПы, похожие на покемонов и рассказывающие в утренних и вечерних шоу о том, что они едят на завтрак, как обставили новую квартиру, как любят отдыхать и как избавляются от лишнего веса или целлюлита… Собственно литературные передачи исчезли вообще со всех каналов, если не считать «Культуру», ставшую своего рода эфирной резервацией с явным преобладанием экспериментальных автохтонов. Но даже это благо! А последняя

поэтическая передача «Стихоборье», которую автору этих строк довелось вести на «Семейном канале», была закрыта в 1996-м. Сразу после того, как в благодарность за поддержку на выборах распадавшегося прямо на глазах Б. Ельцина НТВ полностью отдали четвертую кнопку.

Итак, почему? Увы, без политики тут не разберешься. На мой взгляд, писатели пали жертвой своей традиционной для отечественной литературы (не важно, почвеннической или либеральной) привычки делиться с обществом тревогами и прогнозами, а также обидами за Державу. «Не могли молчать!» Консерваторы, упорно верившие в возможность модернизировать социализм, были удалены именно за это, ведь отечественные либералы, пришедшие тогда к власти, при слове «эволюция» зверели, предпочитая строить новое исключительно на руинах. Однако и писатели-демократы, повинуясь профессиональному завету, вдруг через какое-то время озаботились: «А куда, собственно, девался наш замечательный либерально-рыночный проект, которым мы хотели осчастливить недостойный народ России?» И в самом деле, то, что начала лепить команда «младореформаторов», с либерализмом имело общего не больше, чем садомазохизм с садоводством. Сто-

ило совестливым писателям-либералам задать этот вопрос — и они выпали из телевизионного (а значит, и из глобально-информационного) пространства вслед за своими супостатами.

Конечно, в эфире сохранили для приличия несколько знаковых литературных фигур, которым антисоветизм давно заменил как первую, так и вторую сигнальные системы. Но даже Солженицыну с его идеями обустройства России в телевизоре места не нашлось. Ведь, если помните, сопротивление подавляющей части общества «гайдарономике» и «прихватизации» в начале 90-х было настолько мощным, что выплескивалось на улицы, собирая многотысячные митинги, и закончилось танковой пальбой в центре Москвы. В этой «реперной» точке новейшей российской истории достаточно было воздействия какой-то неучтенной, дополнительной силы — и развитие страны, не исключено, пошло бы по другому сценарию, например, по китайскому. Именно такой силой и могла, по-моему, стать отечественная словесность, писатели… Погодите снисходительно улыбаться над альтернативными фантазиями автора, а лучше-ка припомните, какую незаменимую роль сыграли писатели в крушении однопартийной политической системы да и в

дискредитации советского проекта! Вспомнили? То-то…

Вот тогдашняя верхушка и решила: «Ну их, этих непредсказуемых властителей дум! Пусть пипл хавает ПИПов!» Ведь они абсолютно безвредны с политической точки зрения и даже полезны. Если какая-нибудь ПИПа и не может молчать, то исключительно о том, что сделала удачную подтяжку или разбила миленький газон перед загородным домиком. Не случайно, кстати, прочитав книжку какой-нибудь Дунайцевой, ты готов немедленно обнять и расцеловать всех богатых, даже заработавших свои деньги вопреки всем людским и божеским законам. А закончив очередной исторический детектив, хочется немедленно сменить родину или, на крайний случай, поменять прошлое «этой нелепой страны».

Очень похоже на манипуляции с тайным, 25-м, кадром, внушающим зрителю не просто жажду, а жажду пива, и не какого-нибудь, а определенной марки — от конкретного производителя. Кстати, ПИПы в своих книжках за дополнительную плату осуществляют product placement, т. е. рекламируют товарные бренды. И это давно уже никого не возмущает, даже наоборот — счита-

ется похвальной предприимчивостью автора, вполне возмещающей ему отсутствие литературных способностей. Один известный глянцевый журнал для мужчин, поместивший рецензию на «Грибного царя», совершенно серьезно отругал меня за неточно указанное название фирмы, пошившей рубашку, в которую одет мой герой. Поразительно, но то, что это сознательная, пародийная, антирекламная неточность, рецензенту даже не пришло в голову. Увы, литературоведы, специализирующиеся на ПИПах, невольно превращаются в товароведов.

Но, допустим, какой-то ПИП вдруг ощутил в сердце писательский зов и восхотел, согласно профессиональному завету, глаголом жечь сердца людей. Пустое. Достаточно прекратить рекламно-маркетинговую поддержку — и он исчезнет с читательских глаз внезапно, как ложная беременность. А если еще учесть, что права на имена-бренды зачастую принадлежат не авторам, а издателям, то и говорить тут не о чем! Никто даже не узнает, что под именем Алины Пташковой теперь пишет Устинья Татьяничева или наоборот. Вообще ПИПы напоминают мне специально выведенную породу абсолютно домашних кошек, у которых пушистость и

мурлыкость доведены до идеала, но при этом полностью атрофированы когти и зубы. Однако это не мешает им занимать все новые и новые культурные ниши.

Недавно мне случилось выступать перед читателями в областной библиотеке, и, повинуясь самолюбивому писательскому интересу, я заглянул в каталог, естественно, в ящичек с буквой П. Там я с огорчением обнаружил, что самая свежая моя книжка поступила в фонд чуть ли не в начале 90-х. Тогда я стал просматривать персоналии своих товарищей по перу — Ю. Бондарева, В. Белова, В. Распутина, Ю. Козлова, С. Есина, П. Крусанова, М. Веллера… Результат тот же. Несколько лучше обстояло дело с постмодернистами, черными метафизиками, копрофагами и певцами наркотического расширения сознания, а также литераторами, имеющими особые заслуги перед общечеловеческими ценностями. Но и их книжки перестали поступать примерно с конца 90-х, когда Сорос прекратил свою странную, заслуживающую специального разбирательства поддержку российских библиотек. Зато легион ПИПов оказался представлен в каталоге всеми своими изданиями, переизданиями, доизданиями, в том числе и теми, на которых еще не

просохла типографская краска. А ведь речь идет в основном о книжках, которые после одноразового пролистывания попросту выбрасывают. Почему наши библиотеки превращаются в «пипотеки» — отдельный вопрос. Я надеюсь, заинтересованные читатели «ЛГ», в том числе и библиотекари, выскажут свои соображения по этому поводу на страницах нашего издания…

Даешь дедебилизацию эфира!

Итак, казалось бы, дело сделано: традиционная литературоцентричность российского общества разрушена. Писатель из властителя дум превратился в полумаргинального, плохо обеспеченного чудака, сделался чем-то вроде Эйнштейна без теории относительности. Но не надо забывать, что «опускание» писателей и возвышение ПИПов случилось в ту пору, когда воцарилась либеральная моноидеология, когда многим казалось, будто умный рынок вот-вот осчастливит глупый народ. Еще оставалась иллюзия безболезненного врастания нашей страны в западную цивилизацию, а все разговоры про «особый путь» считались проявлением ксенофобского скудомыслия или черносотенной мечтательности. Но историческая реальность оказалась гораздо сложнее и мучительнее. Конечно, все пути ведут в глобальный мир, но каждая страна придет туда своей особой дорогой и займет там свое особое место. Не ясно это сегодня только людям, страдающим острой формой либерального слабоумия.

Да, сдача всех и всяческих позиций, геополитических, культурных, экономических, растас-

кивание общего достояния на куски, мгновенно заглатываемые новым широкогорлым классом, не требуют от народа ни моральной стойкости, ни размышлений, ни серьезного чтения… Достаточно лишь длительного пребывания в состоянии паралитического изумления. Именно это состояние общества и обеспечивали в 90-е годы российские СМИ при самом активном участии телекидал, именуемых экспертами, смехачей, ПИПов и некоторых писателей-беспочвенников. Зато возвращение утраченного потребует, как писал Пушкин, «мыслей, и мыслей истинных». А живая мысль в России традиционно обитает именно в литературе и смежных с ней областях. К политологам, и особенно к политтехнологам, мысль залетает лишь изредка — подивиться тому, что этим людям с мозгами развратных тинейджеров доверена судьба страны.

Кстати, в отличие от своих великих предшественников большинство нынешних политиков (хотя есть и исключения) почти не читают серьезную отечественную литературу. А если и читают… Причины кошмара 90-х мне стали гораздо понятнее, когда Б. Ельцин сообщил в телеинтервью, что «прочитал всего Сорокина». Читать, однако, следует нормальную современ-

ную художественную литературу, она (и российская история это многократно подтвердила) является столь чутким социально-экономико-морально-политическим сейсмографом, что может предсказывать будущие социумотрясения намного раньше, чем все эти фонды и институты, удивительно напоминающие незабвенную контору «Рога и копыта».

Вопреки известной пословице у входа в будущий глобальный мир встречать нас будут не по демократической одежке, а по уму, по тому культурно-интеллектуальному потенциалу, которым обладает страна, разумеется, если он подкреплен и прочими потенциалами, особенно тем самым, который в предыдущий период так лихо резали автогенами «на иголки». А развернуть российское общество к «созидательному реваншу» (см. мою статью «Зачем вы, мастера культуры?» — «ЛГ», № 28, 29, 2005 год) с помощью кодирующих увеселений не удастся. Это невозможно в принципе. Надо снова научить общество думать, серьезно читать и принимать консолидированные решения, ибо осознанный выбор — источник могучей исторической энергии, а выбор, навязанный по принципу «да — да — нет — да», рождает лишь запоздалую и потому особенно разрушительную

ненависть.

Но как раз этим — обучением людей серьезному, вдумчивому и ответственному отношению к жизни — всегда у нас занималась литература, которая неизбежно снова становится приоритетной областью национальных и государственных интересов. Кажется, и за кремлевскими елями начали задумываться о снятии высочайшей опалы с отечественной словесности. Во всяком случае, членами Общественной палаты, смысл коей пока туманен, как взор затомившейся дамы, стали все-таки несколько писателей, хоть и разновеликих. Подчеркиваю, не ПИПы, а именно писатели. И на том пока спасибо!

Следующий шаг — возвращение думающего и честно говорящего писателя (шире — просветителя) на экраны телевизоров. И это не частность, а главное, ибо, увы, мы теперь живем в таком мире, где люди едят, пьют, надевают и читают именно то, что видят по телевизору. Значительная часть общественной, политической, экономической и культурной жизни переместилась в виртуальное пространство, и это важная особенность современной цивилизации. Если тебя нет в эфире, то тебя почти нет в жизни. Пока, слава богу, почти! Нынешняя телевизионная номенклатура опре-

деляет в нашей жизни не меньше, а возможно, и больше, чем в советский период определяла номенклатура партийная. И так же, как партноменклатура, теленоменклатура не хочет нести никакой ответственности за страну, на жизнь которой влияет столь решительным образом.

Все опасения теленачальников, что зритель заскучает от мудреных разговоров и рейтинг упадет, как потенция, поддерживаемая исключительно виагрой, абсолютно беспочвенны. Всякому нормальному человеку гораздо интереснее слушать умного и подготовленного собеседника, нежели детский лепет на отвлеченные темы попзвезды, не научившейся толком петь даже под фанеру. Это не значит, что на экране не должно быть развлекаловки, конечно, должна! Но воля ваша, человека, запевшего на похоронах: «А ты такой холодный, как айсберг в океане…», тут же поведут к врачу. Зато телебарона, пускающего в эфир всем осточертевшего смехотронщика сразу вслед за сообщением о гибели в Чечне отряда спецназовцев, считают почему-то вполне нормальным и перспективным менеджером.

Кстати, о нормальности. Например, патриотизм — это норма, антипатриотизм — отклонение. Если не верите, спросите хоть американского негра

преклонных годов, хоть нашего соотечественника, переехавшего на историческую родину. Так вот, один из парадоксов современного российского телевидения в том, что горстка людей, страдающих антипатриотическими отклонениями, вот уже скоро пятнадцать лет вещает на миллионы людей, обладающих нормальным патриотическим сознанием. Что в итоге? Ничего хорошего. В том числе — экстремистские сборища и ростки фашизма в многонациональной стране, победившей Гитлера… Вынужден тут самопроцитироваться. Лет двенадцать назад в одной статье я написал, что, смеясь над патриотизмом, очень легко досмеяться до фашизма. Так и вышло.

На меня, честно говоря, сильное впечатление произвели слова Сергея Иванова о дебилизирующей роли ТВ в современном российском обществе. Нет, не в силу их оригинальности. А в силу того, что он с властных вершин наконец произнес то, о чем из своих маргинальных низин с начала 90-х вотще кричала серьезная отечественная литература. Может, это всего лишь частное мнение министра обороны, иногда заглядывающего в телевизор и тихо столбенеющего? Или все-таки услышали! И это долгожданное проявление коллективного государственного разума, осознавшего наконец, что с задураченным, нечитающим, разучившимся думать народом нельзя воплотить никакие серьезные национальные проекты, а можно лишь играть в «Поле чудес». Но если наша историческая будущность — «поле чудес в стране дураков», то и следующим президентом тогда уж пусть будет у нас Якубович с подарками…

«ЛГ», 2005

ЗАЧЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?

Молчание кремлят

Вы будете смеяться, но в многочисленных обращениях российской власти к народу, в том числе в посланиях Федеральному собранию, прозвучавших в последние годы, нет ничего об отечественной культуре. Ни слова! Про борьбу с бедностью есть, а про борьбу с духовной нищетой (не путать с «нищими духом»!) нет. Про обуздание инфляции имеется, а про обуздание взбесившегося масскульта ни-ни! Даже про нравственность недавно заговорили, а про культуру, собственно, формирующую и поддерживающую моральные устои общества, снова забыли!

Напомню: при Советской власти в отчетных партийных докладах непременно имелась (правда, поближе к концу) главка, так сказать, про культурное строительство, а значит — про духовную жизнь общества, разумеется, в тогдашних ее формах. Вот и соображай: когда мы были в большей степени «материалистической скотиной» (Гоголь) — при «безбожной» власти или теперь, когда аббревиатура РПЦ встречается в газетах почти так же часто, как КПСС в советской печати? Однако православие, как и другие вероучения,

не собирается да и не должно подменять собой светскую духовность. В результате складывается ощущение, что в сегодняшней России культура отделена от государства. Почему же?

Есть причины. Во-первых, сказался тинейджерский позитивизм лаборантов-реформаторов, занесенный ими в начале 90-х на вершины власти и залежавшийся там, точно несъеденная рождественская индейка в холодильнике. Нам продолжают твердить: будет рыночная экономика — будет процветающая культура. Но ведь это же типичное «надстроечное», вульгарно материалистическое мышление, усвоенное еще в ВПШ или, на худой конец, в ВКШ. А именно оттуда большинство наших капитализаторов, которым в голову не приходит, что самоокупающаяся культура — такая же нелепость, как самоокучивающаяся картошка.

Во-вторых, не прошел бесследно и обкомовский макиавеллизм Ельцина, ценившего в «творцах» прежде всего готовность горячо поддерживать и одобрять очередную «рокировочку», прилюдно жечь партбилеты устаревшего образца, бить канделябрами оппозицию и давить классово чуждую гадину. Тогда никакой государственной политики, никакого направления в духовной сфере и не

требовалось, достаточно было точечной финансовой поддержки отдельных культпособников — и все в порядке. Да и вообще, какое государственное направление в стране, вышедшей в те годы на геополитическую панель?!

Но времена изменились, началось восстановление державы, настолько странно-мучительное, что некоторые полагают, будто это всего лишь лукаво замаскированное продолжение разрушения. Но так или иначе, а духовная мотивация «сосредоточения» страны встала на повестку дня. Глубокий мыслитель Александр Панарин заметил по этому поводу: «Цивилизационное одиночество России в мире создает особо жесткие геополитические условия, в которых выжить и сохранить себя можно только при очень высокой мобилизации духа, высокой вере и твердой идентичности». Кажется, яснее не скажешь, а власть продолжает ходить вокруг да около культуры с опаской, как вокруг осиного гнезда. И понять власть можно.

О жутком идеологическом иге, царившем в советской культуре, сказано и написано (в основном деятелями, недонагражденными в тот период) столько, что в хорошей компании неприлично даже заводить речь о политике государства

в духовной сфере. «Снова в ГУЛАГ захотели?!» — следует мгновенный окрик, и человек, озаботившийся взаимоотношениями культуры и власти, краснеет и коричневеет буквально на глазах общественности. Не отсюда ли нежелание руководства страны ввязываться в это липкое дело? Скажешь что-нибудь, а тебя те же «Московские новости» сразу в Ждановы и запишут. И люди, понятия не имеющие о том, кем был на самом деле Андрей Александрович и какую роль играл в советской истории, будут потом дразниться: «Жданов, Жданов...» Еще неизвестно, что опаснее, за что чернее «упиарят»: за обещание «мочить террористов в сортире», за осаживание олигархов, примеряющихся к «Моношапке», или за намерение «построить» мастеров культуры!

А Запад, устав от временно-вынужденной любви к России, возвращается к своему традиционному восприятию, когда-то очень точно сформулированному маркизом де Кюстином: «Все, чем я восхищаюсь в других странах, я здесь ненавижу, потому что здесь за это расплачиваются слишком дорогой ценой». Заметьте, при этом цена, заплаченная за революцию французами, придумавшими гильотинирование в общенациональном масштабе, остается за скобками.

Промчались, как говорится, века, и вот уже американцы, бомбящие все, что стоит не на коленях, сурово критикуют нас за сворачивание свободы слова. Но извините: Фила Донахью погнали с работы всего лишь за робкий антиамериканизм в телеэфире в связи с началом войны в Ираке. Зато Владимира Познера за неутомимый американизм на ОРТ никто даже пальцем ни разу не тронул.

Так что Запад такой оплошности нынешней российской власти, как вмешательство в культурные сферы, только и дожидается. Но с другой стороны, оставить все как есть — значит обречь на провал, может быть, последнюю реальную попытку вывести страну из исторического кризиса, ибо моральное состояние российского народа в конечном счете всегда определяло его экономические и геостратегические успехи.

Разные думы об одном былом

Прежде всего нам необходимо духовное единение общества, раздербаненного приват-реформаторами, а это невозможно без сколько-нибудь солидарного взгляда на наше недавнее прошлое. Но с помощью известных информационных технологий людей заставляют глядеть на советскую цивилизацию примерно теми же глазами, которыми в 20-е годы рабфаковцы, обучаемые красными профессорами, смотрели на дореволюционную Россию. Ведь если, например, выборочно почитать Герцена, покажется, будто вся тогдашняя империя — это пыточный застенок для творческих персон и порядочных личностей: «Да будет проклято царствование Николая во веки веков, аминь!» Однако сегодня, когда ушла политическая острота, когда опубликованы документы эпохи и объективные исторические исследования, выяснилось, что «думы» об одном и том же «былом» бывают разными до противоположности, и правда находится не посредине, конечно, а где-то между этими двумя крайностями. Ближе к тому или иному краю…

Полагаю, то же самое постепенно произойдет

(уже происходит) и в отношении к советской цивилизации. Прежде всего надо перестать морочить людей и, заламывая в телеэфире руки, оценивать жестокость и непримиримость революционного периода с точки зрения норм стабильной государственности. Никто же не оценивает Варфоломеевскую ночь или гражданскую войну в Америке с точки зрения уголовных норм нынешнего Евросоюза! Надо признать (если брать сферу культуры), что такие разные по происхождению и взглядам литераторы, как Н. Гумилев, М. Меньшиков, А. Ганин, В. Шаламов, И. Бабель, М. Кольцов и многие другие, стали жертвами одной и той же революции, но только разных ее этапов, растянувшихся, как и во времена Великой французской, на десятилетия. Поэтому на Соловецком камне, установленном при Лубянке, следует честно и прямо написать: «Сожранным революцией. Со скорбью. От потомков». А может быть, на месте Железного Феликса как раз и воздвигнуть горький монумент всем жертвам Смуты — и белым, и красным, и просто тем, кто волей случая угодил в жернова обновления. И затягивать с этим не следует, так как неумолимо приближается то время, когда решительно встанет вопрос о строительстве другого

печального мемориала — жертвам перестройки и рыночных реформ.

Но для начала неплохо бы объявить хотя бы временный мораторий на обличение тоталитаризма. Нет, не потому что он был хорош. Он был ужасен. А потому, что при оценке той эпохи берется в качестве «объективной» не точка зрения дворян, крестьян или пролетариев и даже не условно-собирательное мнение народа, а позиция тех «советских элитариев», в своем большинстве «пламенных революционеров», которые, запустив в 20-е маховик репрессий, в конце 30-х проиграли политическую схватку с «замечательным грузином» и отправились из просторных арбатских квартир в подвалы Лубянки. Собственно, именно точка зрения выживших и воротившихся в элиту арбатских детей была сначала робко обозначена «шестидесятниками», а позже, в 90-е, стала почти государственной идеологией.

При этом как-то забылось, что есть и другие точки зрения. Например, у наследников профессора, выгнанного из той самой арбатской квартиры в 1918-м и сгинувшего потом в нищей эмиграции. У потомков белого офицера, поверившего советской власти и вероломно расстрелянного

в Крыму Розалией Землячкой, мемориальная доска которой до сих пор висит в двух шагах от Кремля. У тамбовского крестьянина, восставшего за обещанную землю и потравленного газами. У них на кровавый крах «комиссаров в пыльных шлемах» в 30-е имеется совершенно иной взгляд, у них иные обиды, умело вытесненные из нынешнего общественного сознания жупелом Сталина, ибо претензии исторические имеют особенность превращаться в претензии материальные…

Мало кто знает, что, пожалуй, единственный человек в России, получивший назад собственность, экспроприированную после революции, — это актер Александр Пороховщиков: ему вернули родовое дворянское гнездо. А вот моя хорошая знакомая, потомица московских купцов, чудом сохранившая все необходимые документы, отправилась в гавриило-поповский Моссовет, чтобы заявить права на дедов дом в Немецкой слободе. Длинноволосые джинсовые демократы, еще не остывшие от баррикадной августовской романтики, но уже успевшие занять номенклатурные кабинеты, попросту подняли ее на смех: «Да вы с ума сошли! Народ может неправильно понять реституцию!» Зато народ правильно понял и чудовищную инфляцию 92-го, сожравшую

все сбережения, и чубайсовскую ваучеризацию, и жульнические залоговые аукционы…

Я заговорил об этом не потому, что верю в возможность реституции в нашей стране и считаю ее необходимой. Я просто хочу напомнить легковерным: двуглавый орел, ставший гербом нынешней России, вылупился не из белого старорежимного яйца, чудом хранившегося в народной почве семьдесят советских лет, а из революционного яйца, снесенного (да простится мне эта птицеводческая вольность!) безумным красным петухом, испепелившим в 1917-м Российскую империю…

Впрочем, есть и еще одна причина для демонизации советского периода. Только постоянное напоминание о чудовищном ГУЛАГе в какой-то степени оправдывает то насилие, какое было совершено над обществом в 90-е годы. У вас отобрали пенсии и зарплаты, ваши заводы и НИИ позакрывали, ваших детей отправили в Чечню, вас лишили социальных гарантий, а теперь вот еще монетизировали льготы и готовят жилищную реформу… Ужас? Ужас. Но что это по сравнению с кошмарами Колымы! Ведь в лагерную пыль вас не превратили? Так что живите и радуйтесь!

Однако забывают добавить, что в системе ГУЛАГа (эти данные опубликованы) единовременно тогда томилось немногим больше, чем сегодня только в российских тюрьмах, причем политических сидело гораздо меньше, чем уголовников. Кстати, многие «герои Октября» пострадали не за взгляды, а за хищение госсобственности и разные нэповские махинации. Когда еще при Советской власти об этом мне рассказывал один старый мудрый писатель, я ему не верил. Теперь, понаблюдав, в каких акул превратились «герои Августа», верю. Да и кое-что с тех пор опубликовано. Или вот еще любопытная подробность. Промелькнула информация о том, что легендарный Григорий Котовский контролировал мукомольное производство в том регионе, где дислоцировалась его дивизия, и некоторые исследователи связывают явно заказное убийство героя в 1925 году не с политической, а с хозяйственной деятельностью. Увы, террор гораздо сложнее и многообразнее, чем милосердие…

Как известно, немало зависит от идеологической установки. Если когда-нибудь, не дай бог, президентом России станет журналистка Политковская, то вдруг выяснится, что во времена Путина мы, оказывается, жили при страшном

полицейском режиме, когда тюрьмы были забиты благородными борцами за незалежность Ичкерии! Поверьте, я не идеализирую советское время, но я против того, чтобы гулагизировать эту сложнейшую, кровавую, героическую эпоху — и таким образом воспитывать в нации комплекс исторической неполноценности. Сегодня эта проблема мало кого волнует. А зря, если мыслить не избирательными сроками, а серьезной перспективой! Черчилль говорил: «Политик думает о следующих выборах, а государственный деятель — о следующем поколении…»

Осведомительная муза

При нынешней, откровенно отрицательной оценке культурной политики Советского государства никто не осмеливается утверждать, что ее вообще не было. Я сознательно оставляю в стороне такие важнейшие направления, как борьба за грамотность, развитие образовательной системы, музейного дела, библиотечной сети, театра, кинематографа, народного творчества и т. д. Но напоминаю об этом специально для тех, кто зациклился на «философском пароходе», взорванных храмах да порушенных усадьбах, но прочно забыл про то, что в двадцатые годы, на которые пришелся пик революционного варварства и классовой нетерпимости, культурой зачастую распоряжались «постмодернисты» в кожаных тужурках, презиравшие традиционную Россию и всерьез болевшие мировой революцией — тогдашней версией глобализации. Кстати, тяжелый академизм соцреализма следует рассматривать еще и как жесткую реакцию на тот период, когда авангард по-кавалерийски командовал культурным процессом.

Забывают, кстати, что еще задолго до сталинско-

го единовластия среди деятелей культуры вошло в обычай использовать силовые структуры для скорейшего разрешения идейно-эстетических споров. Из литераторов, травивших Булгакова и сигнализировавших органам о его «белогвардействе», многие потом стали жертвами тех же самых органов. Историю отечественной литературы XX века нельзя считать написанной, пока не будет опубликовано полное собрание доносов писателей друг на друга. И хотя эти материалы теперь, в общем-то, доступны, никто не торопится их обнародовать, ибо многие белые одежды окажутся запятнаны кровью, а иные парнасские бессребреники предстанут платными агентами, вдохновляемыми осведомительной музой.

Анна Ахматова с горьким знанием дела писала о том, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Но разве талант от этого перестает быть талантом? Нет, конечно! Кто-то разуважает Пастернака, узнав, что он чуть не первым воспел стихами Сталина. А кто-то, наоборот, зауважает! Конечно, нынешним фанатам «Черного квадрата» очень хотелось бы забыть о комиссарских художествах Казимира Малевича, представив его чистой, безукоризненной жертвой режима. Но, может, в таком случае не было бы никаких

«квадратов», а только портреты, стилизованные под ренессанс? Да и «рерихнутым» гражданам, конечно, неприятно вспоминать о связях своего гуру с советской внешней разведкой. Но ничего не поделаешь, талантливый человек гораздо сильнее зависит от своего времени, нежели бездарный…

Советское не значит худшее

Надо наконец признать, что советская версия русской культуры, вопреки всему, а зачастую и благодаря этому «всему», достигла огромных высот. Иначе как объяснить полные соревновательного азарта послания эмигрантки Цветаевой своим совдеповским коллегам Маяковскому, Пастернаку? Как объяснить, что тяжелый на похвалы Бунин восхищался «Теркиным»? Не «Дунин Бунин», по меткому определению Михаила Рощина, а настоящий — Иван Алексеевич. А разве вернувшаяся на родину литература русского зарубежья заслонила, поглотила то лучшее, что было написано «под Советами»? Нет, скорее — наоборот. И не надо, живописуя ужасы совка, рассказывать, что Высоцкого «снаркотил» Брежнев. В таком случае писателя Кондратьева довел до самоубийства Ельцин, он же придавил деревом актера Ромашина, а поэта Рыжего повесил — страшно даже вымолвить — кто… Власть, увы, чаще любит тех, кого разлюбила Муза…

Признаем главное: кнутом и пряником, угрозами и посулами все-таки удалось объединить творческую интеллигенцию, достаточно сильно

пострадавшую от обоюдоострого меча революционной бдительности, и направить ее энергию в созидательное русло, ибо страна была разрушена, а в воздухе пахло новой войной. В литературной молодости, болея, как и большинство моих ровесников, либеральным презрением к советской цивилизации, я был уверен, будто все эти производные от глагола «созидать» — просто красивые словесные фигуры, навязанные агитпропом. Надо было самому пережить революционную ломку, новое нашествие недоучившихся всезнаек, надо было перетерпеть разрушительные и хламообразующие 90-е годы XX века, чтобы понять: люди, уставшие от деструкции, готовы простить власти многое за ее решимость воплотить в действительность созидательный проект. Когда-то я иронизировал над «самым яростным попутчиком» Есениным и «большевевшим» Мандельштамом, потешался над строчками Пастернака про «ту даль, куда вторая пятилетка протягивает тезисы души». Теперь, хлебнув перемен, я этих поэтов понимаю, хотя «тезисы души» — все равно смешно…

По моему глубокому убеждению, мы, сегодняшние, вообще не имеем ни морального, ни исторического права судить советскую эпоху, ибо

ломка начала 90-х была неоправданно жестока, нанесла стране непоправимый территориальный, а народу — страшный экономический, нравственный да и количественный урон. Других видимых результатов, кроме узкого слоя населения, вырвавшегося за счет других на европейский уровень потребления, эта ломка пока не дала. Что же касается судеб деятелей культуры в наше время, то они тоже не безоблачны. Разве смерть Светланова, по-хамски выгнанного из оркестра в наше либеральное время, не трагична? Разве не чудовищна гибель в середине 90-х народного артиста Ивашова, надорвавшегося в горячем цеху, потому что ему, «советскому кумиру», принципиально не давали ролей?!

В старорежимные годы подавляющая часть творческой интеллигенции была советской. Да, чуть ли не каждый второй был инакомыслящим. Но не надо путать инакомыслие с диссидентством. Инакомыслие — состояние духа. Диссидент — профессия, как правило, неплохо оплачиваемая, хотя временами рискованная. Наша интеллигенция, как и весь народ, была советской в том смысле, что искренне или вынужденно, восторженно или сцепив зубы разделяла советский цивилизационный проект и участвовала в

его воплощении. И ничего постыдного в этом нет. Попробуйте получить в Америке кафедру или работу в театре, объявив, что вы не разделяете принципы открытого общества. Да вам не доверят даже класс с недоразвитыми неграми или роль «кушать подано»!

Что же произошло потом? А потом советский проект, действительно во многом уже не отвечавший вызовам времени, свернули. Свернули, если помните, ради ускорения развития, ради большей духовной свободы, ради социальной справедливости. Что из этого вышло, все мы знаем. Новый проект, если он и есть, нам вот уже тринадцать лет боятся показать, словно это голова Медузы Горгоны. Увидим — обледенеем. Ясно одно: произошедшее в стране — шариковщина наоборот. Ведь, в сущности, тоже отобрали и поделили. Но в отличие от событий семидесятипятилетней давности, когда многие отобрали у немногих, теперь немногие отобрали у многих и тоже поделили. Точнее, до сих пор делят со стрельбой, взрывами, а ухваченное норовят утащить за бугор и там зарыть, как кость. Шариковы ведь не только Каутского читают, но и Джеффри Сакса…

Грантократия

Кризис нашей культуры заключается не столько в ее материальной скудности и соответственно снижении социального статуса творческого работника, сколько в оторванности от исторических смыслов существования народа и государства. Подозреваю, власть старательно дистанцируется от культуры еще и потому, что сама для себя эти смыслы пока не сформулировала, а если и сформулировала, то боится объявить, опасаясь в одном варианте внутреннего, в другом — внешнего возмущения.

Думаю, в 90-е годы этот потаенный смысл предполагал полное подчинение России западной парадигме с последующей утратой нашей цивилизационной самости. Иногда деталь говорит очень многое. Помнится, крутили на ТВ рекламу конкурса молодых литераторов, организованного Минкультом РФ и призванного открыть новых Пушкиных, Есениных, Шолоховых. Тут же назывались и размеры денежных премий — в долларах, конечно. Можно ли себе представить, чтобы министерство культуры, скажем, Германии искало новых Гете и Шиллера, обещая

дебютантам вознаграждение в баксах? Надеюсь, причинами нашего унизительного бездержавья в последнем десятилетии XX века займутся когда-нибудь не только историки…

В 90-е годы государство было откровенно благосклонно в основном к российским деятелям культуры либерально-прозападного толка или к той распространенной разновидности творческих деятелей, которые охотно признаются в самом предосудительном пороке, но придут в неописуемый ужас, если их заподозрят в любви к своему Отечеству. Достаточно проанализировать списки государственных лауреатов и орденоносцев того времени, чтобы все стало понятно. Людей, открыто переживавших за страну, в этих списках почти нет. Кстати, брезгливое равнодушие к судьбе государства в сочетании с болезненной страстью к государственным наградам — родовая черта российского либерала.

Но если власть не имеет никакого серьезного культурного проекта, направленного на укрепление державы, то это совсем не значит, будто процессом никто не руководит. Просто когда этого не делает наше государство, это делают другие государства в своих интересах. Кроме того, в работу активно включаются отечественные чи-

новники и трудятся в поте лица на себя, а также во благо дружественных политических и эстетических кланов. Да, у нас теперь нет в культуре партократии, но зато расцвела грантократия. И еще не известно, что хуже!

Время сломов и кризисов всегда связано с трудностями в жизни творческой интеллигенции, за исключением той ее части, которая активно занята идеологической поддержкой новой власти. Так, в голодном Петрограде пробольшевистская богема по указанию Зиновьева снабжалась не только продуктами, но и кокаином, необходимым некоторым творческим персонам для вдохновения. Когда государственный самолет, который, по справедливому замечанию Юрия Бондарева, взлетел, не зная, куда сядет, не только сбился с курса, но еще и разгерметизировался, одним пассажирам достались кислородные маски, а другим — нет.

Своего рода «кислородными масками» для деятелей культуры, оказавшихся в тяжких условиях, стали гранты, выделяемые как некоторыми отечественными учреждениями, так и многочисленными фондами вроде соросовского, обметавшими страну, словно грибы упавшее дерево. «ЛГ» неоднократно писала о том, как в

самые сложные времена для журналов «Знамя» и «Новый мир» нашлись гранты не только у Сороса, но и у Минкульта, а для «Нашего современника», «Москвы» и «Невы» — нет. Почему одни получали, а другие нет — понятно: малейший намек на патриотичность и государственность делал человека «грантонеполучабельным».

В середине 90-х мы с режиссером Розой Мороз снимали для «Семейного канала», поглощенного впоследствии НТВ, единственное на тогдашнем телевидении поэтическое шоу «Стихоборье». Деньги добывали сами. В трудную минуту Роза Михайловна объявила, что знает, как поставить передачу на твердую материальную базу, и отправилась, наивная, за помощью к нашим доморощенным «соросятам», возглавляемым, насколько я знаю, писателем Григорием Баклановым. Конечно же, ничего не дали. А вот если бы мы делали передачу, например, о том, как вредно в школе читать слишком много стихов и прозы, обязательно дали бы да еще на ТЭФИ бы выдвинули! Надо сказать прямо, за редким исключением тогда материально поддерживались именно те, кто так или иначе работал на понижение традиционных ценностей и разрушение национального архетипа.

Узники «Букервальда»

В результате сформировалась новая культурная номенклатура, в которую вошли частично уставшие от подполья андерграундники, отчасти остепенившиеся диссиденты, в известной мере эмигранты, наезжающие в Россию, когда соскучатся по уличной узнаваемости, но в основном, конечно, в нее набежали баловни прежнего режима, отказавшиеся от своего прошлого с простодушием кота Матроскина. Их непреходящие обиды на Советскую власть сводятся в основном к тому, что вместо обещанного Трудового Красного Знамени им к юбилею вручили всего-навсего «веселых ребят» — орден «Знак Почета». Любопытно, но такие знаковые фигуры диссидентства и инакомыслия, как Солженицын, Зиновьев, Синявский, Бородин, Кублановский, Максимов, Мамлеев и многие другие, в эту новую элиту не вошли. Оно понятно: либеральному номенклатурщику так же непозволительно сомневаться в правильности выбранного курса, как прежнему партноменклатурщику в верности ленинского учения. А возможно, еще непозволительнее.

Особенно эта новая номенклатура заметна в

писательской среде. Достаточно проследить, как в минувшие годы формировались официальные делегации на различные культурологические конгрессы, книжные ярмарки, творческие конференции. Человек с государственно-патриотическими взглядами в этих делегациях такой же нонсенс, как на свадьбе геев — гость, желающий молодым детишек… Западные литераторы и издатели, кажется, абсолютно уверены, будто на Руси нет других писателей, кроме стабильного десантного взвода постмодернистов, полудюжины детективщиц, похожих друг на друга, как маникюрные флаконы, парочки порнографов-копрофилов и нескольких авторов, озабоченных исключительно проблемой отъезда на историческую родину… Когда была устроена встреча кабинета министров с фандорствующим Акуниным как главным современным российским литератором, стало ясно: это не случайность, а политика, направленная на максимальное снижение нравственного авторитета и мировоззренческого воздействия литературы на российское общество. Ведь правительство встретилось не с могучей творческой личностью, влияющей своими идеями и образами на власть и мир, а просто с успешным издательским проектом.

Все сказанное подтверждается ситуацией, сложившейся с литературными премиями. В последние тринадцать лет их вручали (даже чаще, чем при Советской власти) не за творческие успехи, а за благонамеренность. Многие получили за своевременную политическую переориентацию или одобрительное молчание. Это, кстати, чисто большевистская традиция. Так, одним из первых звание Героя Труда получил Валерий Брюсов, жестко полемизировавший с Лениным по поводу статьи «Партийная организация и партийная литература», а потом, в 20-м, вступивший в РКП(б) и руководивший не только Высшим литературно-художественным институтом, но и коневодством. Постперестроечные литераторы, правда, предпочли архаическому коневодству работу в комиссии по помилованию…

Жажда премий, ставших для многих единственным источником доходов, дисциплинирует авторов, кстати, похлеще 5-го управления КГБ, превращая их в своего рода узников «Букервальда». Писателя, которому пообещали премию, видно издали, он становится унизительно осторожен и чем-то напоминает больного гемофилией, больше всего страшащегося резких движений и всяческой остроты. Я знаю одного романи-

ста, которого в последний момент вычеркнули из шорт-листа только за то, что накануне он неосторожно выпивал в ЦДЛ с идейно-предосудительным коллегой по литературному цеху. Для многих дорога в безвестность оказалась буквально вымощена премиями. Маканин фактически променял творчество на перманентное лауреатство. Тень лукаво посуленной Нобелевки омрачила и исказила последние годы даже такого непокорного писателя, как Виктор Астафьев.

Государственная премия, как известно, долгие годы находилась в надежных руках либеральной тусовки и только в последнее время, кажется, подает надежду на некоторую объективность. То, что первым литературным лауреатом обновленной и обогащенной Госпремии стала Ахмадулина, не случайно и таит в себе глубокий смысл. Надеюсь, это своего рода дипломатическая пауза, рассчитанная на тот период, пока идут осмысление и выработка новых принципов взаимодействия власти с самым политизированным видом искусства — литературой. А Изабелла Ахатовна всегда была столь безусловно талантлива и трогательно аполитична, что ее имя не способно испортить ни советскую, ни постсоветскую награду.

Негосударственные премии до сих пор жестко разделены по политическому признаку и во многом служат системой опознавания «свой — чужой». Когда Чубайс, экономя на трансформаторах, вместо обезвалютевшей премии имени Аполлона Григорьева учредил пятидесятитысячную премию «Поэт», можно было смело ставить все свое имущество и спорить, что никогда ее не получат ни Виктор Боков, ни Владимир Костров, ни Лариса Васильева, ни Константин Ваншенкин (год 60-летия Победы как-никак!). Так и случилось: ее получил Александр Кушнер, что совсем даже неплохо, потому что могли дать и Рубинштейну за карточные махинации в области поэзии. Литературные проходимцы чаще всего выдают себя за литературных первопроходцев. Но если вы полагаете, что патриотические премии, контролируемые, допустим, Союзом писателей России, присуждаются по иному принципу, вы ошибаетесь. То же самое! Кстати, общечеловечески мыслящему читателю, наверное, показалось, что автор весь свой критический пафос сосредоточил на либерально-экспериментальном крыле нашей культуры. А вот и нет!

Подполье за стеклом

Либеральная интеллигенция препятствует оздоровлению страны тем, что в любом решительном действии власти, направленном на укрепление государственности, видит покушение на права человека, имперские амбиции и спешит наябедничать Старшему Западному Брату. Патриотический лагерь делает фактически то же самое, но жалуется он народу, который на своей шее вынес российское капиталистическое чудо и которому жаловаться, в свою очередь, уже некому. Творческие патриоты абсолютно убеждены, что за любым усилием власти могут скрываться только лукавство, мондиалистско-масонская подоплека и тайный, враждебный стране умысел, родившийся уж, конечно, не в Кремле…

Надо признать, позорная «козыревщина», да и многие другие «рокировочки» дают основания для такого недоверия. Но времена объективно изменились, страна вступила в пору, которую Александр Панарин назвал «реваншем реальности», когда воля тех, кто железной метлой загоняет людей в очередное светлое будущее, натолкнулась на естественное сопротивле-

ние жизненного уклада и нравственных норм, складывавшихся веками. Да и Запад вместо обещанного места в «общеевропейском доме», на чем делали свой пиар приват-реформаторы, в конце концов предложил нам хорошо проветриваемый стационар за забором, но у калитки. Оно и понятно: их эксперты наверняка читали русскую народную сказку про медведя, которого зверушки пустили пожить в избушку. Так или иначе, перед нынешней властью встал выбор: или разрушительный конфликт внутри обманутого общества, или новый, компромиссный курс. «Ага, так вам в “Вашингтонском обкоме” и разрешили!» — возразит мне патриотический пессимист, помахав газетой «Завтра». Не знаю, не знаю… Даже в самые жестко-директивные советские времена многое зависело от самостоятельности первого секретаря райкома и специфики местности…

Патриотическая интеллигенция, прежде всего гуманитарная, столкнулась сегодня примерно с той же дилеммой, что и старая интеллигенция в двадцатые годы: помогать новому режиму «вытаскивать республику из грязи» или ждать, пока он, не справившись, рухнет, возможно, вместе со страной. Вопрос непростой. Если помогать — значит разделить с властью ответственность за все,

что случилось в Отечестве с конца 80-х, включая «реформачество» и нетрезвое дирижирование державой, в результате чего оказались утрачены исконные земли исторической России и резко снижено качество жизни основной части населения. Если же терпеливо ждать обвала, можно в итоге радостно отпраздновать свою победу в столице суверенного Московского княжества, посылая жаркие приветы братской Дальневосточной республике, доцветающей под японским протекторатом.

Вообще наши нынешние патриоты напоминают мне чем-то партизанский лагерь, раскинутый на Красной площади. Своего рода глубокое подполье «за стеклом». И если для прогрессистской богемы художественный талант равнозначен либерально-вненациональному менталитету, то для патриотов он очень часто равен племенному православию и поиску во всем инородчества, что заканчивается обычно неприятием любого инакомыслия. А зря! Ведь это только плохие писатели делятся на русских и евреев. Хорошие писатели делятся на хороших и очень хороших.

Кроме того, этот партизанский лагерь неплохо обустроен и недурно снабжается, ибо среди «красных директоров», красных партийных вождей

и руководителей «красного пояса» есть щедрые люди, готовые жертвовать творцам, не пошедшим в услужение к «антинародному режиму», с которым сами жертвователи общий язык давно нашли. Но беда в том, что у негасимого патриотического писательского костра, который горит в Москве на Комсомольском проспекте, греются всего два-три десятка литературных функционеров, чьи имена — за редким исключением — мало что говорят широкому читателю. Да еще забредают на огонек несколько советских классиков, несправедливо разжалованных в пенсионеры. Смешно, но эти функционеры даже гордятся тем, что «антинародная кремлевская власть» относится к ним, как к прижившемуся по соседству бомжатнику: не разгоняет, но и близко старается не подходить.

Надо сказать, литераторы губернской России решают ту же проблему гораздо мудрее и практичнее, нежели товарищи из центра. Они давно уже сотрудничают с местной властью, стали силой, с которой нельзя не считаться, по крайней мере при решении культурно-образовательных вопросов. Правда, в провинции это сделать проще, ибо там писателей меньше, они на виду, да и управленческий корпус консервативнее и ближе

к почве. Клинические либералы там, конечно, тоже встречаются, но в количестве, не опасном для народной жизнедеятельности, чего, к сожалению, не скажешь о столице.

Мое глубокое убеждение: патриотическая творческая интеллигенция, особенно московская, должна свернуть свой партизанский лагерь и стать легальным участником культурно-политической жизни страны, прежде всего для того, чтобы представлять интересы «молчаливого большинства», материально и морально пострадавшего от реформ. Сегодня в информационно-духовном пространстве реальный диалог с властью ведет только либеральная интеллигенция, болеющая в основном за тот «золотой миллион», который сформировался в стране после приватизации. Вот пример: с кем только не встречался наш президент за шесть лет, но с лидерами патриотического движения никогда. Почему? Не комильфо. С орущими, точно на привозе, правозащитниками — комильфо. А с патриотами — не комильфо. Это искусственно созданное предубеждение необходимо преодолеть. И не ради себя, а ради дела!

Нужно добиваться равного доступа на телевидение, куда сегодня патриотически мыслящие

деятели культуры если и допускаются, то в качестве хитро смонтированного наглядного пособия по черносотенству. Нужно требовать равной удаленности власти от всех направлений отечественной культуры, создания условий для честного соревнования за умы и души. Наконец, надо добиться участия традиционалистов в общественном контроле за теми государственными денежными средствами, которые расходуются на культуру. Если учесть, что на недавний московский биеннале, который напоминал сбывшуюся сексуальную грезу сортирного маньяка, ухлопали два миллиона долларов, то средства эти не такие уж маленькие.

Да, это требует напряжения, ибо обжитая ненависть гораздо комфортнее компромиссных усилий, направленных на то, чтобы возобновить диалог с властью и либеральной ветвью отечественной интеллигенции, без чего невозможна выработка новой, объединяющей идеологии. Да, сидеть у партизанского костра и, утирая слезы, петь: «Едут-едут по Берлину наши казаки!» — спокойнее и духоподъемнее. А можно еще вдосталь поскрежетать зубами, когда в очередной раз на телевизионном экране возникнет повторяющийся, словно попугай, Хазанов или Жванецкий, не

смешной, как «Крокодил» 30-х годов… Но так ведь можно досидеться до того, что по Москве поедут уже совсем не наши казаки…

Интерфекальность

В давнем романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия», кстати, очень популярном в России, особенно у молодежи, есть среди прочих многочисленных ядовитостей в адрес нашего Отечества и такое место: «Все предшествовавшие преступления русской империи совершались под прикрытием тени молчания. Депортация полумиллиона литовцев, убийство сотен тысяч поляков, уничтожение крымских татар — все это сохранилось в памяти без фотодокументов, а следовательно, как нечто недоказуемое, что рано или поздно будет объявлено мистификацией. В противоположность тому вторжение в Чехословакию в 1968 году отснято на фото— и кинопленку и хранится в архивах всего мира…»

Что здесь не так? Может быть, для тех, кто образовывался по учебникам, слепленным после 91-го в пароксизме глобального российского самооговора, или для того, кто изучает историю по телепередачам Сванидзе, все и правильно. Но на самом деле мы имеем дело с откровенным пропагандистским мифом о нашей стране, весьма органично вплетенным в ткань знаменитого

романа. Нелюбовь Кундеры к русским понять можно: он бежал от советских танков за границу. Кстати, в Чехословакию вошли войска и других стран Варшавского договора, в том числе восточные немцы, ведшие себя по отношению к мятежникам особенно жестоко, гораздо суровее советских солдат. Об этом тоже сохранилась масса документов, но они не нужны автору, так как мы имеем дело не с попыткой постижения истории, пусть и средствами беллетристики, а с чисто политическими оценками событий.

Но разве танки в Праге — это хорошо? Да чего уж хорошего! Разве это не ошибка? Наверное, ошибка, наподобие оккупации Ирака. Правда, Саддам в НАТО не входил, а ЧССР в Варшавский блок входила. Но это так, между прочим… Важно другое: Кундере, писателю образованному и глубокому, даже в голову не пришло, что это вторжение, возможно, — историческое возмездие. Некогда Чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных и по-хорошему отправленный из России домой, решил, явно не бескорыстно, вмешаться в чужую смуту, в конечном счете сдав Колчака и поспособствовав победе Советской власти, которая впоследствии не только восстановила, но и расширила империю. Кстати,

русским людям тоже не нравились вооруженные чехи, врывавшиеся в города и села, но их об этом никто не спрашивал.

Есть и еще один любопытный момент. Кундера до судорог душевных не любит Сталина и охотно на страницах романа повторяет совершенно нелепую западную утку о том, будто Яков Джугашвили, которого чешский писатель почему-то считает сыном Надежды Аллилуевой, покончил с собой в фашистском плену по глупо-унизительным причинам. Английские военнопленные постоянно корили сына советского диктатора за то, что он якобы неаккуратно справлял большую нужду в лагерном сортире, и Яков вместо того, чтобы освоить общечеловеческую фекальную гигиену, от обиды бросился на колючую проволоку, по которой шел электрический ток. Далее у Кундеры следует довольно замысловатое метафизическое эссе о «г…не» как философской категории, во многом повлиявшее на пути и формы становления российского постмодернизма.

Но привел я этот пример не для иллюстрации интерфекальности постмодернизма, а по иным соображениям. Итак, Кундера считает Сталина злейшим врагом своего народа. Имеет право? Имеет. Была возможность отстранить тирана от

власти? Была. Например, если бы удался заговор Тухачевского, реальность которого теперь, когда опубликованы материалы дела «Клубок», сомнений не вызывает. Но кто же сдал Сталину Тухачевского? Оказывается, в 1937-м это сделал президент Чехословакии, преследуя определенные политические выгоды для своей страны. О знаменитом «досье Бенеша» давным-давно всем известно, в том числе и Кундере. Выходит, многонациональный советский народ еще пятнадцать лет изнывал под игом «кремлевского горца» по вине Чехословакии?! Как говаривал Глеб Жеглов, наказания без вины не бывает.

Конечно, осведомленный читатель сразу заметит, что в своих контраргументах я некорректен с исторической точки зрения: замалчиваю одни факты, выпячиваю другие, иными словами, поступаю точно так же, как и Кундера. Но это я специально, чтобы показать: дурацкое дело нехитрое. Черный миф о любом народе строится просто: жесткие, силовые акции или просчеты, которые бывают у любого, самого раздемократического государства, абсолютизируются и подаются в отрыве от исторического контекста. Были расстреляны по приказу Берии в Катыни польские офицеры? (А именно их, мимоходом

увеличив число жертв на порядок, имеет в виду чешский прозаик.) По одной из версий, окончательно не доказанной, да! Но ведь были и, без преувеличений, сотни тысяч красноармейцев, попавших в плен после проваленной Тухачевским Варшавской операции и замученных поляками с изобретательной жестокостью. Однако для черного мифа о русской империи это не имеет никакого значения.

Как не имеет значения и то, что среди литовцев, высланных в Сибирь, было немало явных пособников фашистов, участвовавших, между прочим, в тотальном уничтожении евреев на территории Прибалтики. Кроме того, как-то забылось, что и сами литовцы, получив по пакту Молотова — Риббентропа Виленский край, рьяно изгоняли поляков, еще недавно считавших эту землю своей. Да и чехи, завладев по итогам не ими выигранной войны Судетской областью, жесточайшим образом вышвырнули более миллиона веками живших там немцев. Помнил об этом Кундера, когда сочинял процитированный абзац? Конечно, помнил. Но покаяние за жестокость собственного народа в его планы не входило. У него была гораздо более важная, почетная и поощряемая задача — обличение СССР,

в пору написания романа еще не распавшегося.

Нет, разумеется, я не оправдываю депортацию целых народов, тех же крымских татар, часть которых действительно сотрудничала с немцами. Однако, например, США, на землю которых не ступала нога оккупантов, после Перл-Харбора, не моргнув глазом, посадили всех своих японо-американцев в концлагеря. Надо ли объяснять, что татары не только не были уничтожены, как пишет Кундера, напротив, перед ними со временем всенародно извинились, и они получили возможность вернуться на родину. Кстати, достаточно побывать в нынешнем Крыму, чтобы понять: скоро, судя по всему, они снова, как во времена Блистательной Порты, станут хозяевами полуострова. Между прочим, чехи перед судетскими немцами, насколько мне известно, так и не извинились и уж тем более не вернули их домой… Почувствуйте, как говорится, разницу!

Кривоногая Россия

Зачем, спрашивается, я вдруг вспомнил про эти антироссийские мотивы знаменитого романа? А затем, что они типичны, и подобной «черной мифологии» в нашем культурно-информационном пространстве сегодня пруд пруди. Когда сломали железный занавес (заодно с советской пропагандистской машиной), к нам хлынули не только долгожданные запретные шедевры западной культуры, но и пропагандистский ширпотреб, а также талантливые произведения, проникнутые по тем или иным причинам русофобией. Лишенное какой-либо внятной государственной идеологии, население, особенно молодежь, оказалось абсолютно беззащитно перед этой агрессивной недружественностью. Более того, многие усвоили чужой взгляд на собственную страну, а это — первый шаг к цивилизационному краху.

Что же делать? А что в таких случаях делают везде, где есть свобода слова? Например, опытный литагент решительно отказался даже предлагать французским издательствам мою повесть «Небо падших», так как в ней сатирически изображен

авиасалон в Ле Бурже и местный министр транспорта. «Ну что вы! — объяснил агент. — Они про себя такое не переводят!» Однако не будем брать пример с оглядчивой западной демократии. В условиях российского разгула свободы слова достаточно снабжать подобные неоднозначные сочинения предисловиями или комментариями. Об этом, кстати, должны заботиться издатели, если они не хотят, чтобы будущие граждане России выросли ненавистниками своей родины. А вот о заботливости издателей обязано заботиться государство, выдающее им лицензии…

«Так уж теперь все и комментировать?» — иронически спросит пессимистический эстет, помахивая «Новым литературным обозрением». Конечно же, не все. Например, кундеровский пассаж о пражанках, вышагивавших «на длинных красивых ногах, каких в России не встречалось последние пять или шесть столетий», комментировать не стоит: неадекватность автора понятна каждому, кто хоть раз видел русских женщин.

Впрочем, ситуация осложнена еще одним обстоятельством. Борясь с советской системой, а значит, и с имперским патриотизмом, наша либеральная интеллигенция взяла себе в союзники сонм идеологических монстров, которых веками

выращивали в закордонных ретортах геополитического противостояния. Советский строй давно сломан, империя распалась, а эти черные виртуальные гоблины продолжают пожирать иммунную систему народа — естественный, уходящий корнями в века патриотизм. Запретить монстров невозможно, от запретов они только множатся и крепнут. Единственное, чего они боятся, — луча истинного исторического знания: мгновенно лопаются, как вампиры на солнечном свету. Но для этого нужна продуманная, опирающаяся на серьезную научную базу государственная информационная политика. А ее тоже нет!

Чтобы убедиться, достаточно включить телевизор и обнаружить на экране очередную оскверняющую байку о Великой Отечественной войне, услышать пространные рассуждения какого-нибудь законченного интеллектуала о неизбывной вине русских перед всеми народами. Или посмотреть на Первом канале американский фильм начала восьмидесятых, где будущий губернатор со сложной австрийской фамилией гвоздит из пулемета мерзких шибздиков в советских шинелях, которые, падая, кричат на ломаном русском: «Мама!»

Необязательность таланта

А что же происходит сегодня в нашей культуре? К счастью, период, когда маргиналы устроили из Парнаса Лысую гору, все-таки заканчивается. Праздник непослушания, во время которого приготовишки и подмастерья объявили себя мастерами, а мастеров — ретроградами, закончился тем, чем и должен был закончиться: снижением общего уровня современного российского искусства. Обратите внимание: советский фильм какой-нибудь третьей категории по уровню сценария, качеству режиссуры, точности актерских работ сделан, как правило, лучше, нежели самая раскинотавренная лента. Это — естественная послереволюционная «варваризация», если пользоваться выражением Семена Франка. Поэты «Кузницы» писали хуже, чем поэты «Аполлона». Хотя синтез «кузнецов» и «аполлонов», надо признать, со временем дал феномен фронтовой поэзии — высочайшего явления мировой литературы.

Несмотря на то, что процесс восстановления начался, в отечественном искусстве все еще главенствует принцип обедняющей новизны,

характерный для авангарда последних десятилетий. Суть его в том, что непохожесть на предшественников достигается не за счет приращения смыслов и формальных открытий, а исключительно за счет эпатирующего оскудения идей и приемов. Нынешний изготовитель артефактов зачастую похож на циркача, который разучился жонглировать семью тарелками, с трудом уже управляется с тремя, но зато при этом весело сквернословит и справляет малую нужду прямо на манеж перед зрителями.

Уродливо гипертрофированный моноприем стал основным методом, благополучно избавляющим автора от самого трудного, «энергоемкого» в работе художника — согласования, гармонизации всех уровней произведения. Зато появляется масса свободной энергии, и «творцы» гораздо больше времени проводят на пиар-тусовках, нежели у холста или за письменным столом. Все это оправдывается волшебным словом «самовыражение», которое и объявляется мастерством. На самом деле не самовыражение есть мастерство, а наоборот, мастерство есть самовыражение.

Еще одна тревожная примета художественной жизни страны — ошеломляющая необязательность таланта, который перестал быть необ-

ходимым условием творческой деятельности, как, скажем, в спорте стартовые физические данные. Впрочем, десакрализация дара вполне вписывается в новую гедонистическую модель мира. Хочешь стать талантливым? Нет проблем! Для начала найми себе пиарщика и стилиста… Конечно, отчетливее всего это проявляется в массовой культуре, где широкую известность получают безголосые статисты, разевающие рот под «фанеру», напетую для них неграми вокала. Мы уже не возмущаемся, когда в телевизионной версии концерта бурные аплодисменты монтируются после выступлений артистов, на самом деле оставивших зрителей равнодушными. И еще одна забавная, но типичная примета целенаправленной девальвации дара и профессионализма — запели все: и Шифрин, и Жириновский, и Лолита… Не нравится? Переключитесь на другой канал. Но там поет Швыдкой…

Принципиально новая ситуация: не талант стал пропуском в эфир, а эфир стал своего рода сертификацией несуществующего таланта. Сюда же можно отнести и другое явление: массовый набег в культуру молодых деятелей, наследующих творческие профессии и даже должности своих родителей, словно это семейные ларьки

у станции метро «Выхино». Чтобы стать нынче, скажем, кинорежиссером, не требуется никаких особых способностей, достаточно родиться в семье киношника и в детстве хотя бы раз посидеть на коленях у Ролана Быкова. Нет, это уже не номенклатурная клановость былых времен, а самая настоящая новая сословность, перекрывающая доступ в искусство талантам из простонародья и устраняющая реальную творческую конкуренцию.

Во многом схожая ситуация и в словесности. Но тут есть своя особинка: наплыв в писательские ряды филологов, сравнимый по своей массовости и безрезультатности разве с призывом ударников в литературу в 20-е годы прошлого века. Тогда полагали, будто производственный опыт легко заменяет талант, сегодня уверены, что его заменяет знакомство с трудами корифеев структурализма. В итоге литературная продукция разделилась на два неравноценных потока: экспериментально-интеллектуальные сочинения, которые все хвалят, но никто не читает, и массолит, который все ругают, но читают. Меж ними теснится относительно небольшая группа авторов, пытающихся, упорно и почти бескорыстно следуя отечественной традиции,

сочетать художественность с доступностью широкому читателю. Но их за редким исключением не поддерживают ни издатели, которым нужны авторы, варганящие по шесть романов в год, ни «грантократы», у которых от слова «традиция» начинается приступ эпилептической аллергии.

Особая заморочка, как выражается молодежь, — так называемая интернет-литература. С одной стороны, она вывела сочинителя из-под вековой зависимости от редакторского и издательского произвола, дав возможность обратиться к читателю напрямую. Но, с другой стороны, Интернет стал глобальной легализацией черновика, чаще всего графоманского. Суть литературного творчества — это мучительное, обогащающее текст движение от черновика к чистовику, готовому стать книгой. Сегодня самый необязательный черновой набросок нажатием кнопки можно сделать достоянием неограниченного числа пользователей, что создает, особенно у начинающих, ощущение ненужности работы над текстом. А тут еще и постмодернизм ободряет гуманным принципом «нон-селекции». Как писал классик: «Тетрадь подставлена. Струись!» Но ведь это то же самое, как если бы в зал Чайковского продавали билеты не на концерты, а на

репетиции или даже на разучивание партитур. Кстати, интернет-неряшливость перешла уже в «бумажную» литературу.

Соцзаказ на соцотказ

Или вот еще незадача: куда-то исчезла сатира, не «аншлаковое» зубоскальство, а серьезная сатира уровня Зощенко, Ильфа и Петрова, Булгакова, Эрдмана. Куда? Ведь наше время вызывающе сатирично, буквально сочится чудовищным гротеском! А сатиры нет. Более того, откровенно третируется и маргинализируется извечная функция отечественного искусства — социальная диагностика. Происходит это, думаю, потому, что правящая элита сама прекрасно знает свой диагноз — «кастовый, антигосударственный гедонизм» — и очень не хочет, чтобы эта болезнь стала предметом художественного анализа. Ведь настоящая сатира если уж припечатает, так припечатает на века!

По той же причине почти не стало традиционной для нашей культуры острой социально-психологической драматургии, уцелевшей даже в цензурное советское время. Просто не востребованы такие пьесы, их почти не ставят, а значит — и не пишут. Они тоже опасны, потому что в них с жанровой неизбежностью перед зрителем обнажатся главные конфликты современности:

между обобравшими и обобранными, между теми, кто сохранил совесть, и теми, кто вложил ее в дело. Почти у каждого театра есть свои спонсоры и попечители, разбогатевшие, понятно, не на том, что нашли залежи марганца на садовом участке. Как они посмотрят? Дадут ли после этого еще денег? Потому-то вместо «Детей Ванюшина» и появляются «Дети Розенталя». Это своего рода соцзаказ на отказ от традиционной социальности нашего искусства.

Когда-то, двадцать лет назад, Марк Розовский хотел, но не решился инсценировать мою повесть «ЧП районного масштаба» в своем театре. Это сделал Олег Табаков. А не решился он, потому что горком комсомола подарил ему списанные кресла для зрительного зала. Мастеру было неловко перед спонсорами (хотя такое слово в ту пору не употребляли, а говорили: «шефы»), и понять его можно. Но тогда это казалось забавным недоразумением. Сегодня это — «мейнстрим»…

Нынче много и ветвисто размышляют о причинах неудачи российского постмодернизма как национально значимого культурного явления. По-моему, все очевидно. Хочу снова сослаться на Кундеру, но в хорошем смысле. Можно не принимать его «русохульства», но следует признать:

его постмодернистская проза, насыщенная социальной болью и оскорбленным национальным чувством, перешагнула рамки внутрицехового эксперимента и захватила широкого читателя. Бесплодность и неувлекательность российского постмодернизма объясняется прежде всего тем, что он оказался совершенно равнодушен к социальным катаклизмам и национальной трагедии, которые потрясли Россию в 90-е годы, остался игрою в литературно-философские шарады, потому и не востребован обществом, а только — премиальными жюри. Верно, конечно, и другое: многие традиционалисты, страдающие за Державу, не нашли для своих страданий адекватного творческого выражения и тоже оказались не интересны читателю. Но лично мне их малохудожественный социальный надрыв по-человечески ближе и дороже худосочной иронии постмодерна.

Иногда в оправдание «герметизма» высказывается мысль, что теперь в открытом обществе литература, перестав быть латентной политической оппозицией, утратила свою общенародность, стала делом частным, избавилась наконец-то от вековой общеполезной барщины. Ерунда! Певец с «несильным, но приятным голосом» всегда будет уверять, что шаляпинский бас — опасное изли-

шество. Неспособность влиять на современников — это отнюдь не качество новой литературы, а напротив, отсутствие качества, превращающего приватный текст в настоящую литературу.

Надо иметь смелость сознаться: значительная часть современной российской культуры выполняет и вполне успешно конкретную задачу. Несколько огрубляя из полемических соображений и предвидя негодование некоторых коллег, я бы сформулировал ее так: максимальное разрушение традиционных для нашей страны социально-нравственных норм и дискредитация историко-культурного наследия российской цивилизации. Звучит, согласен, сурово, но что же делать, если такова реальность, которую нас просто приучили не замечать.

Например, ни для кого не секрет, что на Западе весьма благосклонно относятся к сепаратистским настроениям в РФ, хотя у себя-то они любой сепаратизм беспощадно давят в зародыше. Исторически сложившийся в Евразии диалог разноконфессиональных и разноэтнических культур — одна из цементирующих особенностей российской цивилизации. А теперь вопрос на засыпку: «Вы давно видели на центральном телевидении передачу о современной татарской или

якутской литературе, о современном чувашском или калмыцком театре?» «Литературная газета» за два месяца до Парижского книжного салона писала с возмущением о том, что в официальную делегацию не включен ни один литератор, пишущий на языках народов Российской Федерации. Исправились, включили? Ничего подобного. Вы думаете, это специально? Нет. Это нарочно! Проблема в том, что культуру и информационное пространство у нас все еще продолжают разруливать (именно разруливать!) комиссары, донашивающие кожаные тужурки образца августа 1991-го — года развала СССР. Таким образом, общественное сознание как бы заранее готовят к распаду России.

Конечно, меня можно обвинить в том, что несколько совпадений я выдаю за тенденцию. Но тогда объясните мне, почему в недавней экранизации не самого, прямо скажем, светлого чеховского рассказа «Палата № 6», показанной на Гатчинском фестивале, земская больница выглядит, как подпольная скотобойня, а русские врачи — как монстры? Этого же нет у Чехова! Этого вообще никогда не было. Но модного постановщика абсолютно не волнует историческая достоверность или верность Чехову. Его волнует

верность черному мифу о прошлой и нынешней России. Именно верное служение этому мифу, по сути, духовный коллаборационизм, становится пропуском для российского деятеля культуры на западные фестивали, выставки, конференции.

Создалась идиотская ситуация, когда значительная часть отечественной культуры работает как своего рода коллективный поставщик аргументов и фактов для мирового сообщества в пользу решения о закрытии «неудавшейся» российской цивилизации, наподобие бесперспективной деревни. Самое нелепое, что эта работа нередко оплачивается из российской же казны…

Но хватит об этом. Иначе придется назвать статью «Почем вы, мастера культуры?»

Так что же делать?

Прежде всего следует прекратить вкладывать государственные деньги в духовное саморазрушение страны. Достаточно того, что наша смута оплачивается зарубежными налогоплательщиками! Надо также перестать морочить себе и другим голову, выдавая презрительное равнодушие к судьбе Отечества за современный интеллектуальный дискурс. Это не дискурс, а дипломированное свинство.

В статье «Государственная недостаточность» («ЛГ», 2004) я уже писал про «Герострату» — специфический слой, страту нашего общества, нацеленную — вольно или невольно — на разрушение российской цивилизации. В период сворачивания советского проекта и ликвидации СССР политическая, экономическая и культурная активность «Герострaты» была использована сокрушающе успешно и щедро вознаграждена. (Обычная, кстати, ситуация для революционной ломки в любой стране.) Но дальше случилось необычное: власть, перед которой стоят теперь противоположные, восстановительные задачи, продолжает по инерции или по странному про-

стодушию опираться, во всяком случае в сфере культуры, в основном именно на «Герострату». Доходит до смешного: создан, например, специальный госфонд для улучшения имиджа России за рубежом. Но по миру с этими благими целями командируются, как правило, именно те деятели, которые последние пятнадцать лет только тем и занимались, что ухудшали образ нашей страны в глазах мирового сообщества. Кому пришло в голову, образно говоря, формировать службу безопасности курятника исключительно из хорьков?

В период явочной приватизации и политических разборок 90-х был целенаправленно, с помощью СМИ и деятелей культуры, специализирующихся на «гадодавлении», беспрецедентно понижен порог этической чувствительности народа. Лет десять назад я даже придумал для этого опаснейшего процесса специальное словечко — «десовестизация». Тех, кто пытался тогда оценивать происходящее с традиционных позиций: «честно — нечестно», «справедливо — несправедливо», «патриотично — непатриотично», высмеивали и вытесняли. Именно тогда из информационного пространства исчезли, например, писатели, озабоченные судьбой

страны, зато в изобилии возникли их коллеги, озабоченные исключительно личным успехом и правами всевозможных меньшинств, вплоть до террористов. Конечно, бывали исключения, но я о тенденции.

Начинающим литераторам, жаждущим самореализации, стали внушать: нравственная отзывчивость — качество старомодное, «совковое», а социальный оптимизм — вообще дурной тон. Главное — усвоить, что всякая мораль относительна, а задача писателя состоит в том, чтобы научиться различать как можно больше оттенков грязи. Почитайте сочинения молодых, удостоенные за последние годы престижных премий, и вам многое станет ясно. Это не значит, что надо навязывать новую «лакировку действительности» и требовать от литературы непременного положительного героя. Нет, следует для начала перестать поощрять романтику аморализма и социальную фригидность. Нам не до героизации, остановить бы героинизацию юношества, осуществляемую не без помощи молодежной субкультуры. Мое глубокое убеждение: всю систему работы с творческой молодежью нужно срочно выводить из-под влияния «грантократии», для начала взяв хотя бы под контроль Совета по

культуре при Президенте РФ. В противном случае через несколько лет «сеять разумное, доброе, вечное» будет просто некому. Вместо творческой интеллигенции мы получим корыстную ораву грязеведов и наркотрегеров.

Сегодня власть наконец-то задумалась о «совестизации» общества, и не случайно президент Путин в последнем послании заговорил о нравственности. В деморализованной, приученной к торжеству кривды стране удобно делить собственность и недра, раздавать суверенитеты, устраивать заведомые выборы, но очень трудно повышать рождаемость, запускать механизмы модернизации, собирать налоги, повышать обороноспособность и восстанавливать нормы преданной госслужбы. Общественная нравственность невещественна, ее нельзя пересчитать и спрятать в бумажник, но ее крушение приводит к тяжелейшим материальным последствиям для большинства. У власти, озабоченной «совестизацией», сегодня остается последнее прибежище — традиционная российская культура.

Я уже предвижу, как либеральный пессимист, махнув газетой «Известия», усмехнется: «Вы что же, хотите, чтобы государство покупало у мастеров культуры исторический оптимизм и

моральную чистоту? Оптом или в розницу?..» А почему бы и нет?! Ведь покупало же оно столько лет историческую безысходность и аморализм? В американских боевиках «грязный» полицейский в конце концов получает по заслугам не потому, что так всегда бывает в жизни, а потому, что в жизни так должно быть! Или «Мосфильм» глупее Голливуда?

Зачем вы, мастера культуры?

Но все перемены, о которых я говорю, невозможны, если российское телевидение останется рассадником нравственного «пофигизма» и социального раздрая. Нет, я не о сокращении развлекательных передач, упаси бог! Развлекайтесь… Я о том, что электронные СМИ, хотим мы этого или не хотим, — информационный каркас державы. Они должны объединять все слои, группы и классы, а на самом деле разъединяют, выпячивая интересы одних и замалчивая или высмеивая интересы других. Вот частный, но характерный пример. За редким исключением, все ведущие теле— и радиопередач, посвященных культуре, — земляки, почти родственники, и происходят они из соседних деревень Нижнее Экспериментало́во и Малая Либераловка. Понятно, что в эфир они тащат лишь то, что им близко. И если они не любят, скажем, актрису Доронину, певицу Смольянинову или писателя Белова, вы никогда не увидите этих людей на экране. «Землякам» плевать, что у названных мастеров миллионы почитателей, «земляки» варганят свою собственную виртуальную версию

современной российской культуры. Так, если смотреть телевизор, создается впечатление, будто «ерофеизация» охватила всю отечественную литературу, хотя на самом деле это всего лишь узенький, малопочтенный и малочитаемый сектор российской словесности.

Кстати, эта «автономность» электронных СМИ от общественных предпочтений и реалий, а часто и от здравого смысла осталась с той поры, когда «Останкино», словно огромный шприц, «обезболивало ложью» тело страны, которую ломали и резали по живому. Времена, повторяю, изменились, а телевидение и телевизионщики — нет или почти нет. Они все еще «делают» новости и не понимают, почему окружающую жизнь, в том числе и духовную, нельзя обкорнать и перемонтировать, как хочется. На ТВ должны прийти новые люди, объективные, социально ответственные, такие, у которых светлеют лица не только тогда, когда они рассказывают о чем-то хорошем, случившемся в Америке, Японии или Израиле, но и тогда, когда они говорят о России. Уверяю, если это произойдет, если эфир станет оздоровляющим, рождаемость в нашей стране без всяких усилий со стороны Минздрава подскочит как минимум процентов на десять!

Да, мы народ, которому необходим позитивный проект, непременно охватывающий все общество и учитывающий чаяния всех его слоев, а не только бизнес-инфантов, «играющих» в футбольные клубы, пасхальные яйца и партстроительство. Блага, добытые за счет обездоливания других, в нашей так и не разрушенной до конца системе ценностей не вызывают уважения, а только углубляют социально опасную пропасть. Отсутствие футурологического проекта, сплачивающего общество, — главная и очень болезненная проблема современной России.

Таким проектом, на мой взгляд, может стать идея созидательного реванша. Замечено, что после серьезных геополитических поражений (взять, к примеру, Германию и Японию) жажда исторической реабилитации, направленная в разумное русло, дает энергию для замечательного цивилизационного прорыва. Конечно, если не повторять народу каждый день, что он неудачник и самое большое, на что способен, — подавать Америке ее имперские тапочки. Так вот, именно творческая интеллигенция благодаря интуитивно-опережающей специфике культуры может и обязана начать формировать идеологию и эмоциональную атмосферу этого созидательного

реванша. А политики потом присоединятся да еще и все заслуги себе припишут… Я все-таки надеюсь, что у нынешних «насельников Кремля» есть естественное историческое честолюбие, желание остаться в людской памяти спасителями, а не ликвидаторами Отечества.

Интеллигенция же должна начать с искупления собственных грехов перед страной. Я прежде всего имею в виду унизительный, парализующий волю черный миф о России, внедренный в общественное сознание не без участия нашей продвинутой креативной интеллигенции. А ведь для светлого, мобилизующего мифа в отечественной истории, культуре, быте гораздо больше поводов и оснований. Хватит ставить на черное! Даже расчлененные немцы после Гитлера смогли провести деморализованную, обескровленную страну между Сциллой унылой депопуляции и Харибдой губительной милитаристской эйфории. Да, это было трудно. Гораздо спокойнее и выгоднее выискивать в своем распростертом Отечестве приметы «вечной рабы», празднуя каждую вновь обнаруженную примету на «устричных балах» и оглашая на международных конференциях…

Но в таком случае возникает жесткий и справедливый вопрос: «Зачем вы, мастера культуры?»

«ЛГ», 2005

ШОЛОХОВ И «ШЕЛУХОВЕДЫ»
Опыт юбилейной апологетики

Строгое имя — Шолохов. Оно входит в сознание каждого человека русской (да и не только русской) культуры с самого детства. Григорий и Аксинья стали такими же мировыми символами, как Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Онегин и Татьяна. Достаточно произнести — и не надо ничего объяснять. Для каждого мало-мальски образованного человека за этими именами клубится художественный космос, искрящийся звездами разной величины. Солдат Соколов, Давыдов, Нагульнов, дед Щукарь и многие другие герои шолоховских произведений живут в этом космосе рядом с Печориным, Сорелем, Болконским, Растиньяком, Раскольниковым, Обломовым, Пиквиком, Живаго, Швейком…

Прочитав эти строки, читатель сразу определит жанр моих заметок — юбилейный панегирик. Да, именно юбилейный панегирик. И это нормально! Ненормально то, что в последнее десятилетие у нас в отношении крупнейших общенациональных дат, событий и личностей утвердился совсем

иной жанр — юбилейный пасквиль. Год шолоховского столетия месяц в месяц совпал с 60-летием Великой Победы. И конечно, к этим датам готовились не только ревнители, но и хулители. Иной раз на полосах газет соседствовали публикации, где, с одной стороны, доказывалась художественная слабость «Судьбы человека», а с другой — утверждалась стратегическая бездарность Прохоровского сражения. В сетке государственного телевещания порой рядком стояли передачи про то, кто же на самом деле написал «Тихий Дон», и про то, кто же все-таки выиграл войну — мы или союзники…

Нет, это не совпадение, а закономерность, ибо Шолохов как художественное явление — ярчайшая победа русской словесности в мировой литературе XX столетия. Утратить Шолохова означает для нас в известном смысле примерно то же самое, что потерять Победу во Второй мировой войне, а ведь последнее частично уже произошло. Отказ от многих констант послевоенного мироустройства, оплаченных кровью миллионов, обрушил геополитический статус нашей страны. И вот уже номенклатурная американская пенсионерка сомневается в справедливости того, что огромная Сибирь принадлежит одной России.

Пока сомневается только пенсионерка… Свержение таких знаковых фигур, как автор «Тихого Дона», неизбежно приведет к утрате духовного авторитета нашей страны в общечеловеческой цивилизации. А духовный авторитет — тоже сдерживающий фактор, как мощная армия и атомное оружие.

Вокруг многих писателей при жизни и после смерти велись споры: Веселый, Замятин, Пильняк, Булгаков, Пастернак, Леонов, Астафьев… Но таких долгих и жестоких разборок, как вокруг имени Шолохова и его наследия, еще не было. Конечно, есть тут причина чисто идеологическая: тогда, в 20 — 30-е годы, Шолохов, обладая уникальным даром скатывать (да простится мне это рискованное фольклорное сравнение!) противоречивую бескрайность жизни в «яйцо» художественной реальности, неизменно выходил за рамки навязываемых политических схем.

Но выходил, запечатлевая великую обновляющую катастрофу не идеологически, как большинство его литературных современников, а художественно, и не просто художественно, а обезоруживающе художественно! Какой же агитпроп потерпит такое самостоянье?! Думается, если бы не интерес Сталина к литературе,

интерес специфический, но глубокий, великий писатель не пережил бы жестокой политической усобицы 30-х, клубок которой только сегодня начинают распутывать.

…Объявилась перестройка, красный миф о российской истории XX века был брезгливо отброшен. Но вот незадача: Шолохов с его укорененностью в революционной эпохе опять не вписался в новый идеологический «дискурс», который в буквальном смысле «гулагизировал» всю советскую цивилизацию. Более того, громадный жизненный материал, «скатанный» в его книгах, не позволял совершить вроде бы простенькую (с точки зрения манипуляции общественным сознанием) операцию — переименовать «черное» в «белое» и наоборот. Какой же политтехнолог такую неманипулируемость простит?! Вот вам причина новых гонений на гения, развернувшихся в перестроечные и последующие годы. Кстати, в этом шельмовании нобелевского лауреата, объявленного чуть ли не «сталинским подголоском», в 90-е ретиво поучаствовала и «Литературная газета», пребывавшая тогда в состоянии белой либеральной горячки. Был такой грех… Простите, Михаил Александрович!

Но у этого перманентного «антишолоховства»

есть и еще один непреходящий мотив — профессиональная ревность, в основе которой таится неприятие сакральной, надчеловеческой природы художественного дара. В свое время иному литератору-марксисту с дореволюционным стажем, прочитавшему почти всего Троцкого и Ленина, было непонятно и классово подозрительно явление чуда «Тихого Дона», написанного молодым станичником, хлебнувшим полной грудью братоубийственного лиха. И сегодня сочинитель, вполне усвоивший Дерриду и Фуко, смотрит на писателя, шагнувшего в великую литературу без посвящения в филологическую талмудистику, с откровенным раздражением, ибо феномен Шолохова вновь и вновь заставляет задуматься о том, что гений гораздо чаще зарождается в чистой степи, нежели в университетской реторте.

Ныне в искусстве царствует принцип обедняющей новизны. Общеизвестный, даже банальный прием, по-школярски гипертрофированный, объявляется художественным открытием. Слово «талант» стало почти неприличным, и чтобы критика заметила писателя, он должен быть таким, как все. Понятно, что в этих «предлагаемых обстоятельствах» многосложный, многоуровне-

вый, ассоциативно бескрайний, не поддающийся клонированию Шолохов просто бесит всех, кому важно не ядро художественного откровения, а перформансная шелуха вокруг него. Вот почему сегодня «шелуховедов» едва ли не больше, чем шолоховедов.

Кстати, у маниакальных поисков «подлинного» автора великого романа есть вполне простое объяснение: таким образом, по известным психоаналитическим законам вытесняется подспудный трепет перед грандиозностью центральной русской эпопеи XX века, вызывающей у литератора-прагматика, не верующего в таинство дара, чувство глубокой собственной неполноценности. А какой же сочинитель такое унижение простит! Проще говоря: если не дано самому вставить ногу в стремя «Тихого Дона», то хотя бы, уцепившись за него, поволочиться по горним высям словесности. Обидчивая иррациональность этого атрибутивного зуда подтверждается и тем, что он продолжает свербить «шелуховедов» после того, как найдена рукопись «Тихого Дона», а значит, главный аргумент сомневающихся разбился вдребезги. Но дело ведь не в том, что им нужен подлинный автор великого романа, а в том, что им не нужен Шолохов!

Сам не заметил, как юбилейный панегирик перетек в юбилейную апологетику. И это тоже нормально! К святыням национальной культуры, к «отеческим гробам» следует относиться с предвзятой любовью. Только так, по крайней мере, в это смутное, не наше время можно противостоять предвзятой нелюбви.

«ЛГ», 2005

БИТВА ЗА ПАМЯТЬ

Когда-то, во времена моего детства, отрочества, юности и даже зрелости, День Победы в самом деле был «праздником со слезами на глазах». Причем если выделять ключевое слово (как теперь модно), то, конечно же, это — «праздник». Правда, когда появилась знаменитая песня Владимира Харитонова, я слышал от некоторых фронтовиков ворчливое несогласие: мол, слезы-то тут при чем? Мы же победили, радоваться надо, а не плакать! Но большинство — воевавшие и не воевавшие — приняли и благодарно запечатлели в сердце эту поэтическую формулу, окрыленную замечательной мелодией Давида Тухманова. Но если мы сегодня попытаемся определить пресловутое «ключевое слово», то с удивлением обнаружим: теперь это — «слезы». Почему и что за этим стоит? Давайте разбираться…

Первоначальный образ войны в общественном сознании стал меняться давно, несколько десятилетий назад: победительно-агитационный пафос уходил на второй план, а на первый выступали страшные жертвы и лишения, которые были

принесены нашим народом на алтарь Победы. В прозе и стихах литераторов-фронтовиков становилось все больше жестокой правды, прежде беспощадно вымарываемой военной цензурой, не выпускавшей в свет ничего, что может нанести вред замыслам командования и боевому духу личного состава. К осмыслению нравственного, исторического опыта войны подключилось и поколение людей не воевавших, наследников Великого Одоления. Конечно, часто «ужесточение» темы сталкивалось с ужесточением контроля. Известно, как трудно шел фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах», как не сразу пробилась к читателям окопная проза Вячеслава Кондратьева, как тяжело возвращал в историю Иван Стаднюк генерала Павлова. Добавлю, что спустя тридцать лет после смерти Дмитрия Кедрина мы все еще не могли опубликовать в «Московском литераторе» его стихи о хлебных очередях в военной Москве.

А вот случай, произошедший со мной, типичный для той эпохи. В моем сборнике, готовившемся в 1980 году в издательстве «Современник», было стихотворение о командире, отказавшемся выполнять губительный приказ начальника и расстрелянном за это:

Тут справедливости не требуй:
Война не время рассуждать.
Не выполнить приказ нелепый
Страшнее, чем его отдать…

Главлит не просто снял эти стихи — тираж книги был сокращен в три раза, а редактор, поэт Александр Волобуев, получил строгий выговор и от расстройства слег с сердечным приступом. Конечно, можно за это, как, например, режиссер Смирнов, которому помотали нервы с фильмом «Белорусский вокзал», возненавидеть Советскую власть заодно с местом своего рождения. Это, кстати, стало ныне просто каким-то заболеванием. Подобно тому, как иной охтинский хулиган, получавший в свое время по шее от городового, объявлял себя после Октябрьской революции участником штурма Зимнего или на худой конец жертвой режима, так сегодня множество писателей-лауреатов и режиссеров-делегатов оказались вдруг жертвами коммунистов и жестоковыйными диссидентами с партбилетами в карманах.

Но ведь на те же трудности, связанные с утверждением нового слова о войне, можно взглянуть и по-другому. Страшная угроза уничтожения потребовала выработки и внедрения в умы вою-

ющих людей особенного, победно-жертвенного мировосприятия, ставшего, между прочим, таким же оружием, как «катюши» и «тридцатьчетверки». Но человек устроен так, что, выжив и сняв гимнастерку, он порой до конца жизни донашивает в душе психологию «передовой», которая оказывается сильнее более передовой идеологии мирного времени. Я вырос в заводском общежитии, где обитало, наверное, человек десять фронтовиков, и хорошо помню их «неформальные» рассказы о войне, которые почти один к одному совпадали с «формальными» рассказами, скажем, на пионерских сборах или комсомольских собраниях, куда их постоянно приглашали. Теперь это принято объяснять синдромом поколения, «напуганного Сталиным». Вряд ли все так просто! Ведь, например, Егор Гайдар не производит впечатления напуганного человека, а тем не менее по сей день продолжает упорно нести все тот же либеральный ликбез, хотя страна и мир за пятнадцать лет кардинально переменились.

Но в нашем случае консервация победно-жертвенного мировосприятия в общественном сознании объясняется еще поворотом мировой политики. Сейчас, наверное, только Познер и Сванидзе всерьез уверены, будто угроза, нависшая

шая над СССР после Победы, всего лишь плод сталинских параноидальных глюков. Тот, кто мало-мальски интересуется историей, знает: наша страна в те годы, омраченные знаменитой фултонской речью, оказалась лицом к лицу с консолидированным и непримиримо настроенным к нам Западом, который, на полную катушку использовав наш «тоталитаризм» для разгрома Гитлера, вдруг прозрел и озаботился «коммунистической угрозой». А каким агрессивным, беспардонным и безнравственным может быть консолидированный Запад, чувствуя свою безнаказанность, мы сегодня, после известных событий в Югославии, Ираке да и в бывших советских республиках, прекрасно знаем.

Все это привело к тому, что психология «передовой» законсервировалась и старательно поддерживалась средствами агитации и пропаганды. Конечно, со временем она вступила в противоречие с реальным, страшным и противоречивым военным опытом народа. И литература как наиболее чуткий и идеологизированный вид творческой деятельности начала нащупывать, готовить, вырабатывать новый взгляд на прошлое, более широкий, гуманистический, более соответствующий исторической реально-

сти. Естественно, это вызывало сопротивление. Писатель, чьи книги не вызывают поначалу сопротивления, просто плохой писатель.

Сопротивлялся прежде всего, так сказать, идеологический актив, которому, как правило, наплевать на то, что общество в своем большинстве давно думает по-другому. Кстати, такой трудный механизм преодоления отживших мировоззренческих схем характерен не только для советской цивилизации, а для любого общественного устройства. Вот и сегодня большинство населения нашей страны абсолютно уверено в том, что экономическое и политическое реформирование в 90-е годы, как и коллективизация в 30-е, проводились преступными методами. Однако телевизор, контролируемый нынешним идеологическим активом, предлагает нам совершенно иную, почти благостную оценку этого времени. А люди (те же писатели), в своих оценках пытающиеся выйти за рамки устаревшего либерального мифа, попросту устраняются. Слава богу, не из жизни, а из информационного поля. И на том спасибо!

Но вернемся к военной теме. Она усложнялась, углублялась, все больше внимания уделялось драме человека, вовлеченного в страшные об-

стоятельства, порой чудовищно несправедливые к конкретной человеческой судьбе. Маятник качнулся в другую сторону. В какой-то момент трагедия личности вступила в противоречие с историческим смыслом Великой Победы и даже начала заслонять его. Это нормально, это закономерный этап осмысления исторического опыта. Постепенно страшная правда каждого кровавого шага и высокий смысл пройденного победного пути пришли бы в равновесие, став героическим, опорным мифом исторической памяти. Ну в самом деле, сколько вероломства, предательства, крови вокруг Куликова поля! Разве не было русских князей, что отказались участвовать в битве или даже сражались на стороне татар? Были. Но ведь никто же из-за этого не ставит под сомнение историческое значение Куликовской победы!

Но тут случилось непредвиденное. В конце 80-х и начале 90-х новая российская власть не просто отказалась от прежней, советской идеологии, она вообще отказалась от собственной государственной идеологии, позаимствовав вместе с учебниками по рыночной экономике западную парадигму со всей ее мифологией. А в западной мифологии Вторая мировая война выглядит совсем иначе, нежели в отечественной традиции.

Там все по-другому: там коварный Сталин — зло, а вероломный Черчилль — благо. Там заградотряды — преступление, а не менее жестокая полевая жандармерия — необходимая мера. Там власовцы — свидетельство антинародности Советской власти, а коллаборационисты вообще никакое не свидетельство. Там уничтожение евреев немцами — холокост, а почти окончательное решение еврейского вопроса в Латвии, Эстонии и Литве местными силами — всего лишь малоисследованная страница войны. Там неоказание помощи Варшавскому восстанию — подлость, а промедление с открытием Второго фронта — мудрость…

Всем еще памятны времена, когда Зою Космодемьянскую российские журналисты объявляли шизофреничкой, а Александра Матросова — напившимся буяном. Ну в самом деле, можно ли в здравом уме и трезвой памяти лезть в петлю и бросаться на дот ради «этой страны»! Кстати, те же журналисты буквально на соседних полосах восхищались израильтянками, служащими в армии, и умилялись подвигом рядового Райана. Дошло до того, что даже в наши школьные учебники проникла точка зрения, что Гитлера победили союзники при определенной помощи СССР, воевавшего, как всегда, бездарно и преступ-

но расходуя человеческий материал.

В древности, повергнув врага, завоеватели первым делом уничтожали тех, кто был хранителем исторической памяти, державшейся прежде всего на героических мифообразах. В сознании любого здорового народа то, чем можно гордиться, всегда преобладает над тем, чего следует стыдиться. Сегодня мы живем в век гуманизма, и дело обходится без смертоубийства. Достаточно с помощью манипуляции общественным сознанием вытравить из исторической памяти народа то, чем можно гордиться, а то, чего надо стыдиться, сохранить и упрочить. И нет народа. Приходи и владей. Представьте себе на секунду американцев, которые помнят лишь то, что их предки истребляли индейцев, гноили негров и бомбили вьетнамцев. Долго ли после этого простоит Америка?

Конечно, теперь у нас не так, как в ельцинские времена, — помягче. Но предъюбилейное обострение антипобедной аллергии все равно чувствовалось. Развернулась настоящая битва за нашу историческую память о Великой Отечественной. Если отбросить частности, то многочисленные сериалы, исследования, статьи, оплаченные порой разными замысловатыми

соросоидными фондами, но чаще нашим родным государством, старались внушить нам, что победили мы так кроваво, так бездарно, так постыдно, что гордиться, по сути, нечем. Такую победу между интеллигентными людьми и победой-то считать неприлично. В общем, рассказывая о тяжелейших, смертельно опасных родах, сосредоточились на крови и слизи, а про то, что ребенок все-таки родился и вырос, сказать как-то и позабыли…

Что ж, это уже было и в 1995-м, и в 2000-м. Народное сознание тогда пошатнулось, но выдержало. Выдержали мы, кажется, и очередное юбилейное очернительство образца 2005 года… Однако скоро уйдут последние ветераны, потом уйдет поколение, выросшее на учебниках истории, может быть, не таких общечеловеческих, но зато учивших гордиться своей страной. Постепенно количество «правды» о войне одолеет правду о Победе, и новому президенту России, боюсь, придется извиняться не только за поруганных немок, но и за убитых фашистских солдат, которые всего-то хотели принести в дикую страну традиции пивоварения и культуру колбасоедства.

Но я все-таки надеюсь, что этого никогда не случится и битву за историческую память мы выиграем так же, как выиграли битву за Берлин!

«ЛГ», 2005

ПЕСНЕЙ — ПО ЖИЗНИ

Орало эпохи

Когда-то, еще на советском телевидении, существовала передача «С песней по жизни». Название, кстати, удачное, довольно точно передающее важную мысль: песня сопровождает человека на всем его земном пути. К тому же с разными песнями идут по жизни по-разному: с «Муркой» в одну сторону, а с «Монтажниками-высотниками» — в другую. Давно замечено, что у каждого времени — свои песни. «Песня о встречном» («Не спи, вставай, кудрявая…») могла быть сочинена только на заре советской эпохи, а вот «Песня про зайцев» («А нам все равно…») — только на закате. Перепутать невозможно.

Однако песня — не только голосистый свидетель эпохи, она, и это очень важно, мощнейший инструмент формирования общественного сознания, выстраивания системы нравственных ценностей и жизненных ориентиров. «Перепахать» человека, причем почти незаметно для него самого, может не только книга, но и песня. Скажи мне, что ты поешь (или напеваешь), — и я скажу тебе, кто ты. Вся страна не просто так подхватывала: «Первым делом, первым делом

самолеты...» Люди и в самом деле ставили общую задачу, в данном случае победу в войне, выше личного обустройства. И как бы сегодня над этим ни издевались наши телевизионные витии, народ в своей коллективной мудрости оказался прав: без общей победы над фашистами не было бы частного счастья. Как, кстати, не было бы и большинства нынешних телевитий — их родовые ветви просто сгорели бы в огне «окончательного» решения одного из вечных вопросов.

Почему же тогда, спросите, не падала рождаемость, если «девушки потом»? Отвечу полусерьезно: наверное, потому, что при этом слушали еще и Козина, и Юрьеву, и Шульженко, и Плевицкую, и Лещенко, и Лялю Черную... Как писал Александр Межиров:

Вечеринка молодая —
Времени бесшумный лет.
С временем не совпадая,
Ляля Черная поет...

Песня была важнейшим оружием в политической борьбе. Во время Гражданской красные не только оперативно перехватили военное имущество царской России, включая легендарные маузеры, кожанки, «богатырки», ставшие

«буденновками», броневики, но и позаимствовали мелодии некоторых старорежимных песен, присочинив к ним новые слова. Это можно рассматривать как плагиат и осуждать, а можно расценивать как пассионарную переимчивость новой цивилизации. В самом деле, не осуждаем же мы заокеанцев за то, что они быстренько изготавливают свой, американский «ремейк», переиначивая под себя почти каждый нашумевший европейский фильм вроде «Никиты». Главный признак перспективной цивилизации — плодотворное освоение достижений предшественников или поверженных противников.

Но вернемся к теме нашего разговора. Что сыграло большую роль в деле Победы над фашизмом — Т-34 или «Вставай, страна огромная!», — вопрос спорный. Мне кажется, что «ярость благородная», которую поднимала в людских душах эта замечательная песня, вполне сопоставима с мощью военной техники. Странно, но никто пока не написал исследование (мне, во всяком случае, не попадалось), посвященное сравнительному историко-культурологическому анализу германских и советских фронтовых песен, их значению в страшном военном противостоянии. Думаю, такое исследование показало бы: мы одолели

врага не только на передовой, в конструкторских бюро, мерзлых цехах, в штабах, но и в студиях, где композитор и поэт священнодействовали или же попросту мараковали у рояля, напоминающего огромную черную глянцевую птицу…

И в результате Алексей Фатьянов смог написать:

Майскими короткими ночами,

Отгремев, закончились бои…

Да, кстати, здесь и далее я за редким исключением опускаю имена создателей музыки. Нет, я очень уважаю композиторов, но герои этих заметок не они, а авторы песенных текстов. О них и речь.

Черный кот — враг народа

Время шло. Страна вырастала из мобилизационных форм существования и жесткой политической дидактики, возможно, необходимой на занятиях кружка «Долой безграмотность!», но совсем уж излишней для народа, пережившего культурную, в хорошем смысле, революцию. Советская идеология начинала непоправимо запаздывать и проявлять опасную нечуткость к реальным запросам страны, не только материальным, но и духовным. Так плохая жена осознает, что муж недоволен, лишь в тот момент, когда супружеский кулак стремительно приближается к ее глазнице.

Я хорошо помню трансляции концертов 60-х. Конферансье, похожий на заведующего отделом Министерства иностранных дел, выходил к микрофону и, словно извиняясь, объявлял: «Шуточная песня “Черный кот”». Или: «Лирическая песня “На улицах Саратова” из кинофильма “Дело было в Пенькове”». Слава богу, что из кинофильма, а то бы никогда не пропустили в эфир слова Николая Доризо: «Парней так много холостых, а я люблю женатого». Женатого? Зайдите

в партком!

Кстати, «Черного кота» перед тем, как реабилитировать и допустить в репертуар, травили всей мощью советской печати. «Как же так, страна перекрывает сибирские реки, летает в космос, осваивает целину! А вам, кроме как про озабоченное животное, и спеть не о чем? Позор!» Однако в моем родном общежитии маргаринового завода из комнат по воскресеньям доносилось:

Даже с кошкой своей за версту
Приходилось встречаться коту…

Любопытно, что тот же конферансье никогда не объявлял, например: «Партийно-пропагандистская песня “Ленин всегда живой!”» Зачем? Это был, как полагала власть, тогдашний песенный «мейнстрим», а все остальное — лишь допустимое или недопустимое отклонение от генеральной линии. Однако смысл истории и заключается в том, что со временем проселки становятся магистралями, а магистрали — проселками. Правда, уже в те времена начала складываться новая советская песня, сочетающая очеловеченную веру в коммунистические идеалы с легкой футурологической романтикой:

Я верю, друзья, караваны ракет

Помчат нас вперед от звезды до звезды.

На пыльных тропинках далеких планет

Останутся наши следы…

Это, между прочим, Владимир Войнович, будущий политсатирик и воинствующий нелюбитель всего советского. Именно в этом направлении впоследствии развивалась и молодежная песня. Точнее, в двух направлениях: открытое, вписывающееся в советскую парадигму жизнелюбие «Веселых ребят», «Песняров» или «Самоцветов» и карманное фрондерство «Машины времени», выдаваемое теперь чуть ли не за вооруженную борьбу с прежним режимом. Не случайно чуткий Виктор Астафьев, еще не омраченный недостижимостью Нобелевской премии, назвал свой фельетон о группе Макаревича «Рагу из “Синей птицы”». Но про творческих мучеников, спасавшихся от страшного социалистического террора, перебегая с посольского приема на кремлевский фуршет, мы поговорим как-нибудь в другой раз.

Любопытно, что эстрада, которая все еще дотошно контролировалась властью, тем не менее постепенно деполитизировалась: «Ты помнишь,

плыли в вышине и вдруг погасли две звезды?» Или в лучшем случае: «Надежда, мой компас земной…» А вот кухонно-гитарная и походно-бардовская песня, напротив, политизировалась, становясь все более оппозиционной. Порой спохватывались, хмурили державные брови. «О чем поет Высоцкий?» — возмущенно вопрошала пресса. А он в конференц-залах бесчисленных НИИ пел про штрафные батальоны, про которые тогда по радио было нельзя, как сегодня нельзя по телевидению про то, что коммунисты и комсомольцы действительно шли в бой первыми.

Впрочем, чаще бардовская песня просто интеллигентно упрекала, нежели обличала, ибо обличители вроде Галича быстро оказывались там, где давно уже поняли, что «движенье направо начинается с левой ноги». Но ведь можно было и не обличать, а так, только намекать понятливым: «И заржал печально пони: “Разве, разве я не лошадь, разве мне нельзя на площадь?..”» И все, конечно, догадывались, кто тот несчастный пони, которому никак нельзя на площадь. И очень сочувствовали. А когда его, «непускальца», наконец-то пустили на площадь, мы получили табуны этих самых пони всех мастей — отощавших и утративших смысл жизни. Речь, разумеется, о

советской кухонной интеллигенции, которая так любила «намекательные» песни, книги, фильмы… Вот такой парадокс истории!..

Впрочем, наблюдался какой-то период, когда в застолье, допев «Комсомольцев-добровольцев», затягивали: «А ты такой холодный, как айсберг в океане…», а потом — «Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены…» Наверное, это и был тот самый застой, о котором теперь грезит добрая половина населения суверенной России, не желая туда тем не менее возвращаться. Еще один парадокс истории.

Однако даже власть, обладающая мощнейшими средствами политического контроля, не способна заставить людей петь и слушать то, чего они не желают, и, наоборот, запретить петь и слушать то, что хочется. Как в воду смотрели: «Эту песню не задушишь, не убьешь!» Эта песня, хоть «на ребрах», все равно дойдет и «останется с человеком». Были, конечно, еще попытки взять трудную идеологическую сферу под суровый контроль, даже нашли новые подходы и формы — клубы студенческой песни, где начинали многие нынешние гиганты Грушинского фестиваля. Одно время упорно старались заразить молодежь модернизированной революционной

романтикой:

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

«Как это? — простодушно поинтересовалась начитанная активистка у старшего комсомольского товарища. — Почему продолжается бой? Это же Троцкий: перманентная революция…» И старший глянул на нее так, как, наверное, библейский царь смотрел на свою семьсот первую жену, на которую у него уже не хватало ни сил, ни денег…

Помню глупейший скандал вокруг отличной песни Юнны Мориц «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли…». Комсомольцы 20-х, вполне заслуженные, добрые, но безнадежно отставшие от времени люди, возмутились, мол, когда они были молодые, то строили Магнитку, а не чушь пороли… (Хотя забыли — тоже, конечно, пороли, например, про мировую революцию!) Писали письма в ЦК, требовали принять меры… Но все это уже выглядело как форменное скалозубство, а интеллигентные люди лишь печально переглядывались: «Ну теперь-то вы все пони-

маете?..»

Когда же у костра запели: «Бьется в тесной печурке Лазо, на поленьях глаза, как слеза…», стало ясно: жить Советской власти осталось совсем чуть-чуть…

Рыбные олигархи

Сегодня мало кто знает, что при развитом социализме официальными олигархами были… поэты-песенники. В 30— 50-е годы труд творческих деятелей, нашедших общий язык с властью, оплачивался очень прилично. Не хуже, чем труд военных, научных и «ответственных» работников. В частности, поэты-песенники получали за исполнение своих сочинений по радио и со сцены, за граммофонные записи. Механизм был, если в общих чертах, такой: артисты филармонии заполняли специальные рапортички. Скажем: «Концерт для участников слета передовых доярок Ставрополья. Песня “Казачья шуточная” (“Черноглазая казачка подковала мне коня….”). Исп. засл. арт. Кабардино-Балкарской АССР имярек…» И вот вскоре на сберкнижку автору стихов Илье Сельвинскому, в прошлом поэту-конструктивисту, капала скромная сумма. Но ведь таких филармоний в нашей огромной стране насчитывался не один десяток. Жить можно вполне безбедно, даже широко.

Так они и жили, поэты-песенники этого поколения: Г. Регистан, Е. Долматовский, М. Мату-

совский, В. Лебедев-Кумач, В. Гусев, А. Чуркин, М. Исаковский, Л. Ошанин, Г. Поженян, В. Боков, Р. Рождественский, М. Танич, М. Пляцковский, И. Шаферан и многие другие. Были шедевры, становившиеся народными песнями, были и «проходные» сочинения, однако ниже определенного уровня никто не опускался. Даже если славили то, во что не очень-то верили, или если верили в то, что не очень-то славилось… Впрочем (из песни слова не выкинешь), ходила и такая эпиграмма:

Обратился шах Ирана:
«Дайте песен Шаферана!»
Но ответил Хомейни:
«Обойдемся без х…!»

Тут пора сказать несколько слов о специфике песенного стихотворчества, как я его понимаю. Спеть, конечно, можно все что угодно, даже подзаконный акт. Но есть стихи, словно специально предназначенные для пения. Кстати, частенько именно такие строки встречаются у весьма средних поэтов. В том же XIX веке пели ведь не только Некрасова, Полонского и Григорьева, но и мало кому ведомых ныне Ратгауза, Риттера, Галину… И наоборот, в наши времена были восхитительные

поэты, чьи стихи за редким исключением как-то не легли на музыку. Например, Б. Слуцкий и П. Васильев. А вот Рубцов лег и практически весь теперь поется, вплоть до шуточных экспромтов. Песенная, извините за выражение, конвертируемость стиха есть тайна, и тайна мистическая…

В моем поколении запомнился в этом смысле Владимир Шленский, поэт весьма скромного дарования. Вдруг он сочинил несколько песен на музыку А. Журбина, в частности, знаменитое «Послевоенное танго». Слава и благополучие уже вытирали ноги о коврик возле его двери, когда он внезапно умер, не выдержав перенапряжения очередных хлебосольных дней литературы. По моим наблюдениям, в песенных строчках должна присутствовать некая структурная внятность. Сейчас появилось выражение «шаговая доступность». Так вот, песенные стихи должны обладать «слуховой доступностью». И еще они должны быть как бы «музыкопроницаемыми», составлять с мелодией единое целое, тогда эмоционально-эстетическое воздействие самого незамысловатого текста необычайно усиливается.

Дело в том, что песня — искусство синтетическое, и если в поэзии стихи самодостаточны, то в песне они — лишь элемент. Важный, но элемент.

Как сценарий в кино или либретто в балете. Тот, кто хоть однажды пробегал глазами сборники Высоцкого, Визбора или Окуджавы, понимает, о чем речь. Читаешь их стихи, не положенные на музыку, — одно чувство, а на следующей странице обнаруживаешь строчки, которые в сознании сопровождаются знакомой мелодией, и ощущение совершенно иное — будто из декораций леса попал в настоящую, живую рощу.

В середине шестидесятых размеренно-плановое процветание советской песни взорвал бум ВИА. Сотни вокально-инструментальных ансамблей, которые по недосмотру какого-то финансового органа были в гонорарном смысле приравнены к филармониям, обосновались на эстрадных и ресторанных подмостках. И теперь если ВИА запевали какую-нибудь песню, полюбившуюся народу, то автор, оставаясь часто безвестным, просыпался богатым человеком. Так случилось, например, с мясником московского рынка И. Юшиным, который между обвесами сложил строки:

Травы, травы, травы не успели
От росы серебряной согнуться…

Понятно, что, вдохновленные подобными при-

мерами, в профессию тут же ринулись люди, плохо чувствующие слово, но зато очень хорошо улавливающие, где можно много заработать. Вскоре поэтов, сочиняющих песенные стихи, решительно потеснили текстовики. Именно тогда появилось выражение «рыба», восходящее к сатирической эстрадной миниатюре о таком вот деловитом изготовителе текстов. Тот, чтобы не забыть музыку, в которую ему надобно засунуть слова, запоминал ритм с помощью названия разных пород рыб. К примеру, первые две строчки «Подмосковных вечеров» в рыбном варианте выглядели бы так:

Караси, сомы, нототения,

Судаки, ерши, густера-а…

Попробуйте спеть! Получилось? То-то. Этот наплыв в профессию людей случайных или полуслучайных сразу же сказался на качестве новых песен, прежде всего на их содержании, или, как говорили в те годы, на идейно-художественном уровне. Помню, мы, молодые поэты, хохотали над простодушно-нелепыми строчками песни, которую пел блистательный Валерий Ободзинский:

Позвонить ты мне не можешь,

Чтобы тихо извиниться:

Но то были пока еще эпизодические, всеми дружно осуждаемые профессиональные срывы. А тем временем продолжали сочинять свои песни замечательные мастера жанра: Е. Шевелева, В. Харитонов, А. Вознесенский, И. Кашежева, Н. Добронравов, С. Гребенников, М. Агашина, И. Гофф, К. Ваншенкин, Е. Евтушенко, А. Дементьев, Л. Дербенев…

Кстати, с именем выдающегося поэта-песенника Леонида Дербенева связаны по иронии судьбы истории обстоятельства падения «рыбного олигархата», в результате чего материально пострадали не только текстовики, но и настоящие профессионалы своего дела. Случилось же вот что. На трибуну грандиозного писательского пленума, а было это, кажется, в самом конце семидесятых, выскочил незапланированный повесткой дня Владимир Лазарев. Сведения о том, что в те времена простому человеку невозможно было прорваться на высокую трибуну, сильно преувеличены. Лазарев был талантливым поэтом, критиком, литературоведом, но еще он сочинял песни, однако из-за своего неуживчивого характера не вписался ни в одну из сложившихся тогда групп влияния песенного сообщества.

Более того, он опубликовал статью о кризисе песни и кое-кого даже конкретно покритиковал. Это сегодня журналисты в глаза называют министра жуликом, а он в ответ только государственно улыбается. В прежние времена критику воспринимали очень болезненно, и товарищи по песенному производству не простили этого Лазареву, даже, как говорится, кое-где перекрыли кислород. Надо признаться, отомстил он им по-ленински.

Выйдя на трибуну, Лазарев, обращаясь к залу, сказал примерно следующее: «Вы помните, коллеги, как трудно жил Леша Фатьянов?» «Еще бы!» — отозвались вполне благополучные обитатели пленума. «А как нищенствовал Коля Рубцов, помните?» «Разумеется!» — подтвердили из зала даже те, кто прорабатывал Рубцова за антиобщественный образ жизни. «А знаете, сколько заработал за один только прошлый год поэт-песенник Дербенев?!» «Ну и сколько?» — иронически полюбопытствовал из президиума Сергей Владимирович Михалков, вполне сохранивший при Советской власти качество жизни своих дворянских предков. «Сто сорок шесть тысяч рублей!» — страшным голосом доложил Лазарев. Зал обледенел. А Михалков покачал

головой.

Напомню, «жигули» стоили тогда пять тысяч рублей, и средний гражданин копил эти деньги полжизни. Случился жуткий скандал, финансовые органы резко сократили гонорары за исполняемые вокальные сочинения, а Лазарев уже никогда не писал песен, во всяком случае, я их больше не слышал. Однако, несмотря на тяжелейший материальный ущерб, никто из пострадавших не «заказал» разоблачителя, и во время перестройки он благополучно эмигрировал. Времена были гуманнее, а олигархи порядочнее и человеколюбивее…

О чем поет Газманов

Всякая революция — это, кроме прочего, мятеж дилетантов против профессионалов. Капитан круизного теплохода, лениво покачивающий штурвал, кажется порой пассажирам эдаким бесполезным и легко заменимым пижоном. Кому ж не хочется во всем белом постоять у руля? С этого понятного, в общем-то, чувства начинается лавинообразная, чудовищная дилетантизация, из которой страна потом выбирается десятилетиями. Кстати, именно этим наше Отечество сейчас и занимается. Потому-то людям и жалко отпускать Путина, только-только ставшего профессиональным президентом. Нечто подобное произошло и с песней. Зачем, решили многие певцы и композиторы, делиться славой и деньгами с какими-то там поэтами, можно ведь и самим подбирать слова. Говорю, конечно, не о тех, кто счастливо соединил в себе поэта и музыканта, речь не об Анчарове, Талькове, Башлачеве, Малежике, Антонове, Митяеве, Розенбауме, Пшеничном, Шевчуке, Городницком или Градском… Речь о тенденции.

В этом отношении меня всегда изумляли песни

Олега Газманова, почти монополистически работающего сегодня в официально-духоподъемных жанрах. Кстати, в своем недавнем интервью он объявил, что считает себя прежде всего поэтом, а лишь потом музыкантом. Что ж, значит, и разбирать тексты автора «Есаула» будем именно так, как принято среди литературных профессионалов. Сам я эту школу стиха прошел в творческом семинаре поэта Вадима Витальевича Сикорского. Многие рифмующие даже не подозревают, что стихосложению, как и музыке, надобно учиться. И достаточно долго.

Мне многократно приходилось видеть, как во время исполнения песни «Офицеры» боевые командиры, звеня наградами, встают и даже подхватывают. Понять их можно: замороченные всеядным хохмачеством, достигшим государственного уровня, люди просто соскучились по здоровой патетике. Особенно люди военные, более других испытавшие на себе безжалостную глумливость постсоветского агитпропа. (Кстати, именно в этой простодушной, но востребованной патетике одна из причин популярности песен Олега Газманова.) Но что они подхватывают? Давайте разбираться:

Господа офицеры,

по натянутым нервам
я аккордами веры
эту песню пою…

На слух все вроде нормально, даже красиво. А если вдуматься! Объясните, пожалуйста, как можно «петь по нервам», да еще «аккордами веры»? Я, конечно, догадываюсь, что имел в виду автор слов. Мол, он поет эту песню, аккомпанируя себе на собственных нервах, натянутых, как струны, извлекая из воображаемого щипкового инструмента «аккорды веры». Сомнительный образ? Безусловно. В любом литкружке, куда, видимо, Олег Газманов никогда не заглядывал, засмеют. Но ведь даже этот неудачный замысел не реализован, на деле получилась просто полная тарабарщина типа: «Замолчи свой рот!» И это только начало.

А теперь озадачимся, к кому обращается Олег Газманов? Он не скрывает, что поет

…Тем, кто выжил в Афгане,
свою честь не изгадив,
кто карьеры не делал
от солдатских кровей…
Я пою офицерам,

матерей пожалевшим,
возвратив им обратно
живых сыновей…

Оставим на совести педагогов, учивших будущего поэта синтаксису, неуклюжее и двусмысленное сочетание «пожалевшим, возвратив». (Когда именно они пожалели: до или после?) Но совсем уж непонятно, почему «от солдатских кровей»? Правильно ведь «на солдатской крови». «Кровь» во множественном числе — «крови» — в русском языке означает ежемесячные дамские недомогания. При чем тут воины-интернационалисты, состоявшие в основном из мужчин? А вот при чем: через строчку появляется слово «сыновей». Рифма. Возникает и еще один странноватый смысл: если автор специально обращается к офицерам, выжившим, «свою честь не изгадив», значит, предполагается наличие контингента командиров (ограниченного, хочется верить!), честь изгадивших, матерей не жалевших и потому сыновей им обратно не возвращавших. Виноваты в гибели солдат, выходит, не душманы и кремлевские стратеги, а лейтенанты и капитаны, которые, как известно, при выполнении боевых задач умирали и получали увечья вместе

с рядовыми. Понимают ли все это военные люди, стоя подпевающие явной напраслине на былую Советскую армию, небезукоризненную, конечно, но отнюдь не бесчеловечную?! Это я утверждаю как автор «Ста дней до приказа».

Уверен: самопровозглашенный поэт хотел как лучше, и ни о чем таком даже не помышлял, но это, увы, следует из контекста. Еще герой Мольера сокрушался, что необходимость постоянно подыскивать рифмы заставляет некоторых сочинителей нести полную околесицу. У Олега Газманова содержание тоже часто определяется не намерением, а близлежащей рифмой или заданным размером. Эта детская болезнь в стихосложении одна из самых распространенных, что-то вроде кори или свинки. Но страдать поэтической свинкой в зрелом, орденоносно-лауреатском возрасте?! Очень редкий случай…

Однако продолжим анализ текста, который я взял для разбора не потому, что он худший из всех, что поют сегодня. Не худший. Просто он типичный и часто звучащий. Но самое главное — песня претендует на определенную государственную патетику и идеологическую установку. А это уже серьезно и заслуживает строгого смыслового анализа, к чему Газманов, любимец кремлевских

концертов, уверен, явно не привык. Но если он считает себя поэтом и планирует в дальнейшем множить свои патриотические сочинения, то пора привыкать…

Думаю, все согласятся с тем, что от песен в нашем сознании остаются прежде всего припевы. Соответственно и требования к этой части текста повышенные. Увы, и тут у нас беда:

Офицеры, офицеры,
Ваше сердце под прицелом.
За Россию и свободу до конца!
Офицеры, россияне,
Пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца.

Кстати, иные творческие работники приняли за свободу ликвидацию в 1991-м художественных советов, которые в первую очередь отсеивали художественно слабые, а потом уже идеологически вредные сочинения. Был такой совет по песне и при Гостелерадио, его тоже упразднили. И свобода воссияла! Просто некому теперь объяснить автору, что сердца все-таки «стучат», а не «звучат», что если свобода «заставляет», то это очень подозрительная свобода, ведь именно «тотали-

тарные режимы» «заставляют в унисон звучать сердца», а свобода как раз предполагает вполне самостоятельные ритмы сердечных мышц.

Во втором куплете «Офицеров» тоже находим достаточно пугающей невнятицы.

Господа офицеры,
Как сберечь вашу веру?
На разрытых могилах
Ваши души хрипят…

Как сберечь офицерскую веру, всем давно ясно: не надо громить собственную армию — ни во имя общепролетарских, ни во имя общечеловеческих ценностей. И не надо вешать на офицерский корпус — в том числе и в песнях — грехи политического руководства страны. Неясно же другое: почему души офицеров «хрипят на разрытых могилах»? Наверное, имеются в виду свежевырытые могилы, куда в присутствии уцелевших командиров опускают тела павших солдат. Значит, так надо и писать, ведь из-за неверно подобранного слова опять возникает нечаянный смысл, а именно хичкоковская картина: кто-то зачем-то разрывает могилы воинов-интернационалистов… При чем тут кладбищенский вандализм и хрипы душ? Более того, Газманов

нас предупредил, что он конкретно поет офицерам, возвратившим «живых сыновей». Тогда почему же снова появляется назойливая тема офицерской вины?

Вновь уходят ребята, растворяясь в закатах,

Позвала их Россия, так бывало не раз.

И опять вы уходите, может, прямо на небо.

И откуда-то сверху прощаете нас.

Сколько себя помню, в графоманских стихах всегда кто-то уходит или в зарю, или в закат, или в зеленя… Но это как раз мелочь. Вчитайтесь в текст! Получается, что юноши, откликнувшиеся на очередной призыв Отечества, отправляются не на охрану рубежей, не на борьбу с террористами и даже не в «учебку», а «может, прямо на небо…», видимо, вообще минуя воинскую службу. Ну и какая мать после этого захочет отпускать сына в армию? А как можно «прощать откуда-то сверху», я — убейте меня — совсем не понимаю! Вот уж верно говорят на Востоке: сто мудрецов не растолкуют то, что ляпнул один… немудрец.

Когда в следующий раз будете подпевать не в подпитии, просто-напросто вдумайтесь в смысл

слов. Иногда помогает.

Песня как диагноз

И тут возникает главный вопрос: а о чем же, собственно, песня — об отнятых у матерей невинно павших мальчиках, которые «теперь вечно в глаза глядят» своим нерадивым командирам и всем нам — живущим? Или о славных российских офицерах, готовых «за свободу и Россию до конца», несмотря на то, что их «сердце под прицелом»? Получается, что припев и куплеты дают нам прямо противоположные ответы на этот вопрос. В психиатрии это называется раздвоением сознания и признается чрезвычайно опасным симптомом. Нет, я ни на минуту не сомневаюсь в отменном душевном здоровье Олега Газманова, просто у него так вышло…

Иной чувствительный читатель возмутится: «Как же можно столь кощунственно препарировать такую святую тему? И вообще это стихи!» Во-первых, это не стихи. Вас обманули. А во-вторых, разве не кощунство вываливать в сознание людей этот «сумбур вместо песни», хаотически спекулируя на памяти «ушедших прямо на небо»? Впрочем, вопрос еще серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Если бы эту песню автор спел в

узком кругу друзей — нет проблем. Сейчас многие сочиняют и напевают, «бардство» давно сделалось русским национальным развлечением. Но эта песня стала широко известна, постоянно исполняется, ее текст так или иначе вошел в сознание, засел в мозгах миллионов. А это уже называется «нейролингвистическое программирование». Почувствуйте разницу!

Наверное, многие, проснувшись поутру, не раз ловили себя на том, что некий песенный текст навязчиво крутится в голове. Наше мироощущение не в последнюю очередь зависит от того, какие именно тексты вращаются у нас в мозгах и какую работу они там — созидательную или разрушительную — выполняют. Вот почему всякое серьезное государство так или иначе заботится о том, какие песни поют и слушают граждане. Нет, не навязывает, как сегодня телевидение навязывает нам фабричную попсу, но заботится хотя бы о профессиональном уровне текстов. Песня, которая, с одной стороны, вбивает в наше сознание невнятный, несправедливый и по большому счету оскорбительный комплекс вины, а с другой — глуповато славит сияние столь же невнятной свободы, рождает в человеке очень опасную внутреннюю раздвоенность. Подробно-

сти о последствиях желающие могут почерпнуть из любого учебника психиатрии…

Такими же «нечаянными» смыслами полна, кстати, и «Москва» Олега Газманова. Мотив, что и говорить, запоминающийся. Но лучше бы это был вокализ! После «Дорогой моей столицы» Марка Лисянского, где, как говорится, «ни убавить, ни прибавить», диковато обнаруживать такие вот строки в песне, тоже претендующей на статус столичного гимна:

В ярком злате святых куполов
Гордо множится солнечный лик.
С возвращеньем двуглавых орлов
Продолжается русский язык.

Все вроде в рифму. И снова как бы красиво. Однако вдумаемся. Что значит «продолжается русский язык»? А что, до «возвращенья двуглавых орлов» — при серпе и молоте, в СССР, русский язык «не продолжался»? Или мы говорили не по-русски, а по-советски? Нет, по-русски говорили, а «советизмов» в языке было даже поменьше, чем сейчас «американизмов». Более того, сегодня мы видим стремительно сужающиеся границы нашего великого языка. На той же Украине природных русских людей заставляют изъясняться

на своеобразном *«мовоязе»,* который и сами-то коренные малороссы не всегда разумеют из-за его явной скородельной искусственности. Что же имеет в виду Газманов? Может, он просто радуется тому, что после переворота 91-го младореформаторы, сориентированные целиком на Америку, милостиво разрешили туземному населению продолжать говорить по-русски? Сомнительно. Или же автор вообще подразумевает другое значение слова «язык», а именно — «народ». Опять неувязка, ибо именно под сенью орлов в России началась резкая убыль населения — миллион в год. В этом случае надо бы петь: «…сокращается русский язык…» Невольно на ум приходит популярная ныне в народе фраза: «Сам-то понял, что сказал?» Наверное, я бы не стал останавливаться на этом столь подробно. Но именно куплет про русский язык, продолжающийся благодаря двуглавым орлам, я услышал из репродукторов недавно поутру, сойдя с «Красной стрелы» на Московскую землю. Обидно начинать трудовой день с нелепицы, к тому же получившей почти государственный статус.

Я уверен: популярный композитор и подвижный певец Олег Газманов ни о чем таком даже не помышлял. Придумывая слова к заводной ме-

лодии, он просто рифмовал: «орлов — куполов», «лик — язык», «икон — времен»… Но главное отличие настоящего или по крайней мере профессионального поэта от любителя заключается именно в том, что в его строках не может быть нечаянных смыслов. Это, кстати, самое трудное. Тайные смыслы могут быть и даже необходимы, а вот дурацкие — нет. Увы, современные масштабы тиражирования песен делают смысловой «ляп», непростительный даже для рифмующего тинейджера, вынужденным достоянием ни в чем не повинных миллионов людей.

Синдром да Винчи

Так в чем же дело? К сожалению, многие нынешние эстрадники, испорченные легкой телевизионной славой, страдают «синдромом да Винчи». Не путать с кодом да Винчи! Поясню свою мысль: великий Леонардо брался за все, и у него все получалось. Наши телеэстрадники тоже берутся за все, но у них чаще ничего не выходит. У Олега Газманова многое получается, но стихи, увы, не его конек. Зачем же он упорно сочиняет тексты к своей музыке? Считает себя поэтом? Так ведь и я могу счесть себя певцом лишь на том основании, что после нескольких рюмок мной часто овладевает неодолимое желание затянуть что-нибудь душевное. «Щас спою!» Однако я ограничиваю себя домашним застольем и не рвусь на сцену Большого театра, чтобы повокалить! А может быть, эстрадной звезде денег не хватает? Не поверю! Нынче самый занюханный «фанероид» зарабатывает много больше, чем хирург-кардиолог, спасший тысячи жизней, или боевой офицер, который «свою грудь подставляет за Россию свою». Замечу попутно, что стихотворную книжку с названием «Они подставляли грудь за

Родину» лично я читать бы не стал…

Нет, «синдром да Винчи» идет прежде всего от состояния нашего общества, от вседозволенности 90-х, когда заведующего отделом журнала «Коммунист» назначали главным реформатором страны, когда мелкие жулики объявлялись предпринимателями, а крупные — олигархами, когда страдающие «фефектами фикции» малограмотные граждане становились телеведущими, а прохиндеи — политической элитой… Торжество дилетантизма, изгнание профессионалов из всех сфер чуть не погубило Россию. Достаточно вспомнить новогодний штурм Грозного, позор козыревской дипломатии или наше пятнадцатилетнее нефтяное донорство, за которое нам платили презрением. Почему же на эстраде должно быть иначе?..

Однако времена меняются. Выздоравливающее общество снова начинает ценить профессионалов и задумываться, в частности, о том, зачем нам безграмотные песенки, исполняемые смешными фанерными звездами. А ведь не надо забывать: вся эта самодеятельная невнятица обрушилась на головы слушателей, воспитанных на качественной песенной поэзии А. Дементьева, Д. Сухарева, В. Кострова, А. Шаганова, С. Каргашина,

Л. Завальнюка, Р. Казаковой, Ю. Ряшенцева, А. Поперечного, Н. Зиновьева, М. Андреева, В. Пеленягрэ и многих других. Они, кстати, все живы, многие творчески активны, а вот востребованы далеко не все. Почему? А потому, что только при отсутствии профессионалов становится возможна труднообъяснимая, но фантастически оплачиваемая любительщина. По той же причине, между прочим, не допускаются в эфир новые, по-настоящему сильные и свежие голоса.

Вот один эпизод. Меня пригласили на юбилейный вечер очень серьезной государственной организации. Пели звезды, каждая — по единственной песне, и лишь одна, совершенно мне неизвестная певица с необыкновенно красивым голосом была все-таки вызвана на бис, несмотря на жесткий концертный цейтнот. Когда же я увидел телевизионную версию концерта, то обнаружил: именно той самой исполнительницы, которая больше всего понравилась слушателям, в эфире-то и не оказалось. Отрезали. Оно понятно: на безголосье и Буйнов — певец.

Но допустим, кому-то из эстрадников все-таки очень хочется слыть «давинченным», «полноприводным» автором исполняемых песен. Ну не хочется ему сотрудничать и делить славу с

профессиональными поэтами-песенниками. Как, например, бессмертная Алла Пугачева — с неиссякаемым Ильей Резником. Ладно, хозяин — барин. Тогда хоть не позорьтесь — пригласите себе редактора! Ведь не жалеете же вы денег на специалистов-аранжировщиков! Или вам все равно, какие слова петь? Зато нам не все равно, что слушать. За весьма скромную плату, а может, и бескорыстно, из любви к искусству, такой поэт-редактор облагородит ваш дилетантский текст. И никто об этом никогда не узнает, зато слушателям не придется ломать голову, почему это вдруг у Газманова «по золоту икон проходит летопись времен»? Ведь если летопись времен где-то и проходит (хотя трудно себе представить прохаживающуюся летопись), то уж в самую последнюю очередь «по золоту икон», ибо святой образ предполагает консервативность, максимальное следование древнему канону вопреки бегу времени, наперекор изменчивой живописной моде. Это знает любой мало-мальски образованный человек.

Кстати, у меня был забавный случай. Мой знакомый режиссер собрался снимать клип на основе песни знаменитого барда и предложил мне написать сценарий. На каком-то торжестве

он подвел меня к этому барду, и тот, будучи без гитары, просто полунапел мне текст. Речь шла опять-таки о нашем парне, погибшем теперь уже в Чечне. Павший, как водится, отправлялся прямо на небо, и «Господь прижимал его десницами к груди».

— Ну как? — спросил бард, закончив.

— Изумительно, — сообщил я. — Можно только одно маленькое редакторское замечание?

— Пожалуйста! — кивнул он, насупливаясь.

— Все-таки наш православный Бог не Шива и вряд ли у него несколько правых рук. А если вас уж так тянет на старославянизмы, то поменяйте «десницы» на «длани». Остальное нормально.

— Спасибо! — вымолвил бард, побуревший, как свекла, и я понял, что никакого сценария от меня больше не требуется. Никогда.

Обиделся. А что, собственно, случилось? Я, с вашего позволения, профессиональный поэт, автор нескольких книг стихов и лауреат премий именно за стихотворчество. Да, я давно не сочиняю, но из поэтического цеха, так же как из спецслужб, уходят только в запас. К тому же мной защищена диссертация именно о поэзии — фронтовой. То есть, как сейчас принято выражаться, я эксперт. И вот эксперт дает бесплатный редакторский

совет барду, имеющему, скажем мягко, несколько меньший филологический опыт и допустившему в своем тексте довольно смешной ляп. Спасибо надо говорить и проставляться, а не надуваться как индюк. Но, увы, повторюсь, частое пребывание в телеэфире обладает каким-то мало еще изученным, но чрезвычайно мощным оглупляющим воздействием, которое в конечном счете приводит к полной утрате чувства реальности…

Долой текстовщину!

В заключение выскажу некоторые конкретные предложения. Мне кажется, без возвращения в песенную индустрию профессиональных поэтов, без восстановления профильных художественных советов на телевидении и при Министерстве культуры, без создания, скажем, на базе Литинститута специального песенного семинара, где будут преподавать классики жанра, дело не сдвинется. Мы и дальше будем вынуждены слушать доносящуюся отовсюду изобретательно аранжированную полуграмотную текстовщину, унижающую здравый смысл и наши национальные песенные традиции. А все это ведет в итоге к усугублению того социального и нравственного неблагополучия нашего общества, которое сегодня признано всеми, независимо от политической и прочих ориентаций. И последнее. Вы давно слышали новую хорошую патриотическую песню? Лично я — давно. Не пишут-с. Даже к 60-летию Победы не сподобились! А вот про «дитя порока» и про то, что рай, оказывается, начинается в ресторане, где гитары и цыгане, слышу постоянно…

Умный народ глупых песен не поет. Он либо отторгает навязываемую ему нелепицу, либо сам непоправимо глупеет, а затем исчезает из Истории…

«ЛГ», 2006

ТРИ ВЕКА И ПЯТЬ ЛЕТ

В мае 2001 года, заступив на пост главного редактора «ЛГ», я обратился к читателям со статьей, которая называлась «Слово не птеродактиль. Вместо манифеста». Увы, нынешние журналисты и литераторы иной раз страдают своеобразной комфортной амнезией: не помнят то, что писали или говорили совсем недавно. И такая забывчивость стала сегодня чуть ли не признаком профессионализма. Очень, кстати, удобно: если забыл сказанное, то вроде уже и за свои слова можно не отвечать. Мели, Емеля, твоя неделя… Читатели же, по моим наблюдениям, гораздо памятливее писателей. Тем не менее я хотел бы процитировать некоторые программные строки того манифеста:

«Ренар говорил: скопище людей превращают в нацию две вещи — общее великое прошлое и общие великие планы на будущее… Можно сколько угодно иронизировать по поводу долгожданной общенациональной идеи и снова уносить “зажженные светы” на интеллектуальные московские кухни, но не лучше ли сообща, забыв

взаимные обиды, принять участие в формировании и формулировании наших общих великих планов на будущее? Ведь иначе нам придется жить по чужим формулам».

Или вот еще:

«…хватит, пожалуй, груды умственного мусора, наваленного за перестроечные и постперестроечные годы, всерьез выдавать за баррикаду, навеки разделившую российское общество, и в особенности нашу интеллигенцию. У самого отвязанного либерала и самого укорененного почвенника при всех непримиримых различиях есть хотя бы одно общее. Но какое! Это общее — Россия, страна великих слов и великих дел».

Прошло пять лет. Изменилась страна, изменилась «Литературная газета». Однако, полагаю, «ЛГ» изменилась значительнее и принципиальнее. То, что было заявлено и обещано, мы постарались выполнить. Прежде всего «ЛГ» отказалась от моноидеологического, истошно либерального принципа, беспощадно отсекавшего от нее всех, кто думает по-другому. Теперь это газета не для единомышленников, а для мыслящих людей. Усилиями творческого коллектива «Литературка» преображена в полифоническое издание, которое открыто всем направлениям

мысли, художественной, политической, экономической, всем, как говорится, «дискурсам» и «трендам» современности. Нам удалось снова вовлечь отечественную творческую и научную интеллигенцию, независимо от политической и эстетической ориентации, в режим диалога, преодолеть баррикаду идейного антагонизма.

Это было непросто, ибо сложился своего рода фундаментализм, как либеральный, так и патриотический, исключающий конструктивную полемику с «неверными», признающий только навешивание ярлыков и выдавливание врага в информационное небытие. «Литературка» вернула в медиапространство полноценные, многоголосые дискуссии о нравственном состоянии общества, об исторических итогах XX века, о патриотизме, который все 90-е годы был для общечеловеческого уха нецензурным словом. Вместо расхожего, наскоро слепленного антисоветского мифа читатели нашли на наших страницах основательные публикации, призванные всерьез проанализировать сложнейшее историческое наследство, доставшееся нам от советской эпохи. Радует, что нашему примеру последовали некоторые литературные и общественно-политические издания. Что-то отдаленно напоминающее тер-

пимость к иному мнению стало появляться даже на телевидении…

На страницах «ЛГ» в спорах о современном литературном процессе — прозе, поэзии, критике, фантастике, детской беллетристике — сошлись писатели, еще недавно не желавшие ничего даже слышать друг о друге… Это серьезный шаг к той духовной, интеллектуальной консолидации, без которой невозможен достойный ответ на вызовы лукаво-глобального времени. Особое место в газете традиционно занимают публикации, посвященные социально-этическим проблемам. Десоветизация, обернувшаяся «десовестизацией», реформаторство, превратившееся в «реформачество», привели нас всех к очевидному моральному дефолту. За эти пять лет литгазетовцы немало потрудились над «совестизацией» нашего общества. Заметьте, с недавних пор почти забытые слова «совесть», «нравственность» стали проникать даже в лексикон власти. Конечно, вернуть в алфавит букву «Ё» легче, чем мораль — в политику и бизнес, но лиха беда начало…

Умный читатель сразу оценил нашу открытость, наш полифонический принцип формирования газеты. За пять лет «Литературка» почти в

три раза увеличила свой тираж. Так наша идеология стала нашей экономикой. Мы вышли на самоокупаемость, преодолев финансовые трудности, порожденные в свое время распространенным среди пишущей братии прискорбным обычаем, который я назвал бы неблагодарным иждивенчеством. Увы, у нас в Отечестве стало даже признаком «интеллигентности» гнобить собственное государство за казенные деньги. «Литературная газета» способствует возрождению духовной и материальной мощи Державы исключительно за свой счет.

Сегодня «ЛГ» очевидно лидирует среди российских культурологических изданий по тиражам, цитированию, охвату не только отечественного, но и зарубежного читателя. Более того, по данным агентства «Комкон-Медиа», мы держим третье место среди всех еженедельников России, а ведь иные из них борются за читателя, обнажая не смысл вещей, а гениталии. Поэтому, наверное, все эти годы «Литературка» не давала покоя бдительным доброхотам. То дотретьяковские «Московские новости» обвиняли нас в возмутительном патриотизме, то газета «Завтра» навешивала ярлык тайных космополитов. Да вот буквально несколько дней назад в прессе появи-

лись «достоверные слухи» о том, что нас вроде бы продают, а вроде бы и закрывают. Шквал вопросительных звонков и тревожных телеграмм, обрушившийся на редакцию, лишний раз подтвердил, что судьба старейшей российской газеты, основанной Пушкиным и возобновленной Горьким, волнует очень многих. А это гораздо важнее и значительнее для нас, нежели очередная утка, пущенная теми, кто не умеет иными способами привлечь внимание к своим желтушным изданиям.

Акционеры и коллектив газеты уполномочили меня, как говорится, заявить: не волнуйтесь, дорогие читатели! «ЛГ» — такая же неотъемлемая часть нашей культуры, как Третьяковка, как Московский университет, как Пушкинский Дом, как Художественный театр. Наше издание вступило в третий век своего существования и будет с вами всегда, по крайней мере до тех пор, пока жива Российская Цивилизация.

«ЛГ», 2006

НИЧЕГО ЛИЧНОГО, НО МОЛЧАТЬ НЕ МОГУ!

Ничто не предвещало скандала. Телеведущая Татьяна Малкина записывала очередной выпуск ток-шоу «Ничего личного». В студию поспорить на тему «Может ли искусство портить нравы?» были приглашены писатель, доктор филологических наук Алексей Варламов, заведующий кафедрой журналистики МГИМО, главный редактор журнала «Фома» Владимир Легойда и автор этих строк. Мы отстаивали позицию: да, может и еще как! Нашими оппонентами были художник Дмитрий Цветков, главный редактор журнала «Артхроника» Николай Молок и Даниил Дондурей. Остается только гадать, почему в эту компанию попал главный редактор журнала «Искусство кино», по роду деятельности отлично знающий, как убедительно синематограф повлиял и влияет на нравственность. Впрочем, Даниил Борисович по своему обыкновению рассматривал предмет дискуссии с таких теоретических высот, откуда предмет почти уже и не виден. Экспертом выступила заведующая отделом современной

живописи Государственной Третьяковской галереи Наталья Александрова.

Поначалу все шло штатно. Собранные в студии зрители нажатием кнопок определили свое отношение в теме. И как почти всегда бывает в передаче «Ничего личного», экран продемонстрировал явное преобладание традиционного подхода к вопросу: на нашей стороне оказалось более 60 процентов человечков. Тем, кто запамятовал, напомню: в этой передаче общественное мнение изображается с помощью крошечных фигурок, перебегающих из одной половины экрана в другой. Татьяна Малкина уверенно вела дискуссию. В свое время «Литературная газета» на заре этого проекта ТВЦ довольно строго покритиковала Малкину за неумелость. С тех пор она, должен признаться, сильно набрала в профессиональном смысле, правда, сохранив и даже развив свою манеру решительно поддерживать одну из спорящих сторон. И почему-то всегда это те, кто стоит на нетрадиционных (в хорошем смысле) позициях. Правда, надо признать, после монтажа, в эфире, эта односторонняя активность ведущей не так заметна, как во время записи. В нашем случае Татьяна Малкина сразу встала в строй тех, которые хотят безбрежно самовыражаться, полу-

чая при этом гарантированную материальную поддержку государства, ничего не желают знать об ответственности художника перед обществом, но почему-то на всякий случай сохраняют за собой право бороться, например, против религии. Я таких называю «самовыраженцами». Ничего личного — просто диагноз. Впрочем, стоит ли корить Татьяну Малкину за это ее «влеченье, род недуга», если тон задает сам президент телеакадемии Владимир Познер, овевающий ласковым эфиром либеральных единомышленников и буквально темнеющий челом, заслышав нечто государственно-патриотическое.

Судя по реакции зала, аплодисментам, наша «охранительная» точка зрения, которую в целом поддержала и эксперт Наталья Александрова, пользовалась симпатией аудитории, хотя должен сознаться, и у «самовыраженцев» сторонников тоже хватало. Ведь аудитория в таких «трёп-шоу» формируется по принципу «кто кого приведет» и, конечно, не является корректной выборкой. Я, например, никого не привел, Варламов и Легойда тоже. Кстати, в передачах, где подведение итогов осуществляется по интерактивному принципу, ситуация иная, в большей мере отражающая реальные умонастроения людей. К примеру, у

Владимира Соловьева в проекте «К барьеру», идущем в прямом эфире только на Дальний Восток, а далее транслирующемся по часовым поясам в записи, иногда в разных регионах побеждают разные дуэлянты. Например, недавно в Москве победил Виктор Ерофеев, а в Сибири Никита Михалков. Есть о чем задуматься государственным мужам, пекущимся о целостности «единой и неделимой».

Первые сомнения в корректности происходящего у меня появились, когда провели промежуточное голосование. Мы со своей озабоченностью нравственной миссией искусства все еще лидировали, но значительная часть наших человечков перебежала к «самовыраженцам». Возникло даже некоторое ощущение дежавю. Год назад я был уже в передаче «Ничего личного». Спорили о том, можно ли перелицовывать классику, например, в театральных постановках, и менять, допустим, в опере сексуальную ориентацию Онегина и Ленского. Как догадался читатель, я был против этого категорически. Тогда все шло так же: мы с Анастасией Волочковой и замечательным переводчиком Григорием Кружковым настаивали на том, что классику интерпретировать надо очень деликатно. И зал нас тоже поддерживал. А в ре-

зультате мы проиграли. Правда, в тот раз против нас сильно выступил художник Павел Каплевич, да и ведущая… Но об этом я уже говорил. В общем, в тот раз я самокритично решил, что наша сторона просто оказалась недостаточно убедительной. Потом, время от времени, натыкаясь на передачу «Ничего личного» в эфире, я стал замечать: почти всегда она протекает по одному сценарию: традиционная точка зрения торжествует в начале, а потом, несмотря на усилия «заботников», в конце концов оказывается посрамлена «неформалами». Зрителю, как правило, придерживающемуся традиционных взглядов, остается чесать затылок и подозревать, что у него там, между лобной и затылочной костями, не все в порядке…

Надо ли объяснять, что и на этот раз последнее, решающее, электронное голосование показало дальнейшее бегство человечков с нашей половины экрана — и мы проиграли со счетом 47:53. Татьяна Малкина, как и год назад, начала (явно не экспромтом) произносить заключительный свой монолог о чуде посрамления «традиционалистов», произошедшем под ударами неопровержимых аргументов «самовыраженцев» прямо на глазах изумленных телезрителей. Варламов и Легойда, видимо, впервые попавшие в такой

переплет, смотрели на меня глазами обманутых вкладчиков. Некоторое недоуменное смятение наблюдалось и в рядах зрителей. Тогда я решился.

«А ну-ка поднимите руки те, кто голосовал за нас!» — призвал я. Таковых оказалось много. Тут уж я вспомнил свой незабываемый опыт комсорга московских писателей и потребовал, отметая растерянные протесты нашей милой ведущей, провести открытое голосование. Считать поручили эксперту Наталье Александровой. И что вы думаете? Да, да, при открытом голосовании победили мы: 23:21. Кто-то из зала сообщил, что у него не работает кнопка на пульте. Николай Молок возмутился, мол, горлом берут поборники нравственности в искусстве! А чем же еще, если хулители нравственности берут электроникой? В уголочке возле компьютера засуетились члены телебригады — и человечки, как ненормальные, забегали на экране туда-сюда. Наконец, высветился новый результат: за нас — 49 процентов, против — 51. Наверное, просто не успели перепрограммировать систему… А может, и вправду виртуальная реальность совсем оторвалась от реальной действительности и живет уже по своим законам? Не знаю.

Итак, победив в открытом голосовании, мы снова проиграли при электронном подведении итогов. Татьяна Малкина, позабыв о чудесном посрамлении «традиционалистов», великодушно предложила боевую ничью. Мы переглянулись и, нехотя, согласились. Ну, во-первых, не отказывать же даме! А во-вторых, это когда президента выбирают, должен быть один-единственный победитель, а в нашем случае возможен и этот… как его… консенсус. Ситуация в самом деле патовая: поднятые руки — за нас, а компьютер — за них.

Но знаете, о чем я подумал в этот момент? Я подумал: жаль, президентов нельзя выбирать открытым голосованием. А то бы и народу спокойней, и главе государства, так сказать, подпористей…

P.S. Эту передачу телезритель увидит месяца через полтора. Интересно, что там останется после монтажа?

«ЛГ», 2008

НЕ РАССТАТЬСЯ С КОМСОМОЛОМ!

Новое — это понятое старое. Год от года мы всё внимательнее вглядываемся в великий и противоречивый опыт Советской цивилизации. Теперь, после цхинвалской бойни, конфронтации, навязанной нам Западом, в условиях мирового экономического кризиса, стало ясно: мобилизационные навыки той строгой эпохи еще будут востребованы, понадобятся не меньше, чем общечеловеческие ценности. И не только нашей стране. Кстати, государственная идеология СССР, представлявшая собой, говоря словами Анатолия Ланщикова, «великодержавный интернационализм», тоже еще пригодится огромной, многоплеменной и не такой уж единой России.

Думаю, не случайно 90-летие Комсомола праздновали в Кремлевском дворце как общенациональную дату. В 90-е годы, в пору разгула государственного антисоветизма, дни рождения ВЛКСМ отмечали, помню, полуподпольно. Мне в эфирных спорах с оппонентами, страдавшими острой формой либерального психоза,

приходилось всерьез доказывать, что Комсомол и гитлерюгенд не имеют между собой ничего общего. Оппоненты очень удивлялись, недоумевая, почему автор повести «ЧП районного масштаба» упорно защищает то, что некоторое время назад сам же обличал? Но тот, кто критикует, чтобы улучшить, и тот, кто критикует, чтобы уничтожить, никогда не поймут друг друга.

Комсомол, как и всю Советскую власть, нельзя рассматривать и оценивать вне жестких исторических вызовов, брошенных нашей стране в начале XX века. Телодвижения двух борцов, сплетенных в схватке на ковре, абсолютно логичны и понятны. Но попробуйте мысленно убрать одного из спортсменов — и тогда яростные барахтанья оставшегося покажутся какой-то брутальной бессмыслицей. Однако именно так в минувшие два десятилетия судили Советскую эпоху в целом и Комсомол в частности, забывая, что чрезмерность государственного принуждения была не ядовитым плодом чьей-то злой воли, а единственным способом сохранить, сплотить и модернизировать разрушенное Отечество. Заметьте, благополучной Америке, знающей лишь экспедиционные войны, хватило полупридуманного мирового терроризма да ипотечного

краха, чтобы почти забыть о правах человека и либеральной экономике. Никто не оправдывает политические жестокости в СССР, но ведь, наверное, и кризис 1993-го в Российской Федерации можно было разрешить без танковой пальбы по парламенту. А ведь это были не 30-е, когда «тянуло порохом со всех границ». Нашей стране в ту пору никто не угрожал, кроме младореформаторов и их американских советников. А поди ж ты!

Комсомол, рожденный революцией для молодого разрушительного буйства, очень скоро, повинуясь исторической логике, превратился в союз созидателей. Он помогал полуграмотному юношеству приобщаться к знаниям, консолидировал молодежь для восстановления испепеленной экономики, поднимал на защиту Отечества от фашизма, принимал активное участие в осуществлении громадных проектов — таких, как Магнитка, Братск, БАМ, Тюмень… Плодами комсомольских трудов, во многом бескорыстных, пользуются ныне не только олигархи, но отчасти и мы с вами.

Да, Комсомол — являлся надежным помощником КПСС. Но поверьте мне, как очевидцу: самостоятельности у этого «помощника» было куда больше, чем сегодня у некоторых припар-

тийных молодежных объединений. Да, Комсомол жил и действовал под стягом коммунистической идеологии, которая тогда считалась передовой, между прочим, не только в СССР. А возможно, и была для своего времени таковой. Устарела? Наверное… Но ведь буквально на наших с вами глазах усыхает вчера еще казавшийся вечнозеленым либерализм, увитый пожухшими орхидеями свободы слова! Поэтому про то, кто «передовитей», давайте поговорим лет через сто — как любил выражаться певец Комсомола Владимир Маяковский.

Принято считать, что ВЛКСМ, пораженный внутренним кризисом, изжил себя и бездарно распался вместе с Советским Союзом. Но это далеко не так. Действительно, в 70-е годы обострилась давняя бюрократическая болезнь, выражавшаяся в пустословии и отрыве аппаратчиков от рядовых членов организации. Собственно, по этому поводу я и возмущался в своем «ЧП». Однако сей недуг имеет абсолютно внеидеологическое происхождение и характерен для всех сложных организационных структур. Сегодня такой же болезнью страдают, например, крупные банки, удивительным образом отрывающиеся от своих рядовых вкладчиков. Но даже впавшие в самое

густопсовое «комчванство» комсомольские вожаки прежних лет никогда не получали к Новому году бонусы в сто тысяч долларов. Почувствуйте разницу!

Да, созданный для экстремальных исторических нагрузок, Комсомол в обстановке стабильности, именуемой также застоем, заскучал, зачиновничал, заформализовался. Но ведь и в мирной армии угодливый ординарец ценится дороже боевого командира. Тенденция, однако… Зато, как только после 1985-го страна стала меняться, Комсомол ожил, начал не на словах, а на деле, не по Горбачеву, а по уму, перестраиваться: он стремительно деидеологизировался, дифференцировался, ориентируясь на разные социально-образовательные группы молодежи, он экономически обосабливался от государства. Молодая предприимчивость на глазах превращалась в предпринимательство, а организационная работа все больше походила на менеджмент. Вот почему среди богатеньких российских «форбсов» столько выходцев из Комсомола.

Есть и еще одна тонкость. ВЛКСМ, с одной стороны, был массовой молодежной организацией, а с другой — кузницей государственных кадров. Так исторически сложилось. Да, да, кузницей той

самой проклятой номенклатуры, о которой теперь вдруг вспомнили, назвав ее «президентским резервом». Человек, поднявшийся по ступенькам комсомольского аппарата, неизбежно, за редким исключением, становился убежденным державником и получал уникальные навыки руководящей работы. Катастрофа 90-х во многом объясняется тем, что проводить сложнейшие реформы поручили вольным завлабам, а не новому поколению профессиональных организаторов, давно уже поднявшихся над устаревшими догмами и стереотипами. Их все равно призвали, но позже, когда надо было спасать страну. Поскреби сегодня крупного хозяйственного, административного или политического деятеля, найдешь бывшего комсомольского работника. Одна только беда: кузница эта давно остыла, а заготовки кончаются…

Убежден, 1992 год мы вполне могли встретить с могучим демократическим Комсомолом, который расшифровывался бы, например, так: «Конфедерация союзов молодежи». Вместо юных ленинцев у нас были бы юные «гагаринцы»: предлагался такой мудрый выход из идеологического противостояния. Не нравятся октябрята? Назовите их «августятами», только не уничтожайте

механизмы первичного приобщения детей к социуму! Нет, разогнали. Всех и сразу. Почему это произошло? По многим причинам. Но главных две. Первая: люди, оказавшиеся тогда во власти, многие из них, воспринимали российскую государственность примерно так же, как складские грызуны воспринимают санэпидемстанцию. Результат всем известен. Вторая причина: у комсомола было слишком много собственности, и когда страну, точно захваченный средневековый город, отдали на поток и разграбление, ВЛКСМ был обречен. Если помните, Хулио Хуренито у Ильи Эренбурга пристрелили всего лишь за хорошие английские ботинки… А тут такое богатство!

Сегодня вместо Комсомола в России действует около 400 молодежных организаций, но их влияние на новое поколение ничтожно. Это как раз тот классический случай, когда количество не переходит в качество. А из «Наших», уж простите меня, и вообще получилась какая-то худосочная пародия на ВЛКСМ. Ни нашим, ни вашим… Видимо, создать мощную, жизнеспособную молодежную организацию силами Администрации президента в принципе невозможно. А значит, у нынешнего государства Российского нет серьез-

ных, действенных форм влияния на молодых граждан, если исключить, конечно, милиционеров и судей, арестовывающих и сажающих юных экстремистов.

Оказалось, сам собой растет только чертополох на некогда плодоносных колхозных полях, а социальную ответственность, любовь к знаниям, патриотические чувства, ратное сознание, национальную терпимость, здоровый образ жизни, — все это детям, подросткам, юношеству надо прививать. Иногда принудительно, как вакцину от гепатита. Кто будет это делать? Кто сегодня способен формулировать и проводить в жизнь долгосрочную государственную молодежную политику? А ведь без нее у России нет будущего не в фигуральном, а в буквальном смысле слова! Кто?! Бонна, нанятая состоятельными родителями? Умный рынок? Ну-ну…

«ЛГ», 2008